

1058
LATVIJAS UNIVERSITĀTES
ZINĀTNISKIE RAKSTI

ACTA UNIVERSITATIS
LATVIENSIS

558

СЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

ИМЯ И ГЛАГОЛ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПЕРСПЕКТИВЕ

Министерство народного образования Латвийской Республики
ЛАТВИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

СЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

ИМЯ И ГЛАГОЛ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Научные труды

Том 558

Латвийский университет

Рига 1991

558

ББК 81

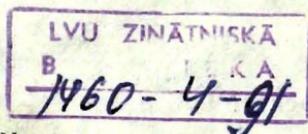
Имя и глагол в исторической перспективе: Научные труды / Отв. ред. В. Б. Крысько. — Рига: Латв. ун-т, 1991. — 142 с. — (Latvijas Universitātes zinātniskie raksti = Acta Universitatis Latviensis; Т. 558: Славянская филология):

Статьи, включенные в сборник, посвящены актуальным вопросам развития именных и глагольных форм и категорий, рассмотренных в широкой исторической перспективе — от праславянского периода до наших дней.

Сборник может быть рекомендован студентам и аспирантам-славистам, специалистам по русскому, славянскому и балтийскому языкознанию, всем, кто интересуется проблемами исторической лингвистики.

Редакционная коллегия:

доц. В. Б. Крысько (Рига) — ответственный редактор, доц. С. С. Ваулина (Калининград), проф. В. В. Колесов (Ленинград), доц. Т. В. Лигута (Рига), проф. М. В. Шульга (Москва).

ISBN
5-7970-0268-X

© Латвийский университет, 1991.

5, К

Памяти доцента
Латвийского университета
Лидии Ивановны НЕМЦЕВОЙ
(1924—1990)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник «Имя и глагол в исторической перспективе», подготовленный на кафедре русского языка Латвийского университета, продолжает цикл исследований по истории частей речи, начатый в 1988 г. изданием книги «Развитие частей речи в истории русского языка». Статьи, помещенные в настоящем томе «Ученых записок Латвийского университета», освещают развитие именных и глагольных форм и категорий в весьма значительной временной перспективе — от праславянского (а в ряде случаев — балто-славянского) состояния до современного периода. Книга открывается работами А. Граннеса и К. Б. Ключковой, В. В. Колесова, посвященными взаимодействию глагола и имени на синтаксическом уровне. Следующий раздел включает статьи, в которых рассматривается история имен существительных и прилагательных в плане их словообразовательных особенностей (П. Ванас), грамматического функционирования (Г. Балаж, О. Ф. Жолобов, С. И. Иорданиди, М. В. Шульга, Л. И. Игнатьева), лексико-семантических свойств (Т. А. Чернякова, Ц. Досева) и акцентных характеристик (П. Ванас, А. Д. Кривоносов). Исследования, публикуемые в заключительном разделе, представляют интерпретацию некоторых аспектов глагольной морфологии и словообразования (Ю. С. Кудрявцев, Б. В. Кунавин, В. Б. Крысько, М. В. Нефедьев).

Широкая география сборника — в книге печатаются статьи языковедов не только из Риги, но и из Москвы, Ленинграда, Казани, Владикавказа, Тарту, а также из Болгарии, Венгрии, Норвегии — дает основания полагать, что вопросы, затронутые авторами, актуальны для европейской славистики, и вместе с тем позволяет надеяться, что совместными усилиями лингвистов разных стран многие проблемы истории языка могут быть решены.

В отличие от предыдущего сборника, списки источников помещаются при отдельных статьях; обозначения канонических старославянских текстов, общепринятые в научной литературе, в списки не включены; лексикографические источники перечислены ниже.

Графическая передача древнерусских и старославянских примеров упрощена за счет замены ряда кириллических букв их современными эквивалентами; буква «ять» передается знаком Е; диакритики не печатаются. Греческие примеры приводятся в латинской транскрипции.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

акк. — аккузатив
блр. — белорусский
болг. — болгарский
вед. — ведийский

ВП, В. — винительный падеж
ген. — генитив
герм. — германский
гот. — готский

греч. — греческий
д.-в.-н. — древневерхненемецкий
дв. ч. — двойственное число
диал. — диалектный
ДП, Д. — дательный падеж
др.-инд. — древнеиндийский
др.-исл. — древнеисландский
др.-рус. — древнерусский
ед. ч. — единственное число
ж. р., жен. — женский род
Зв. — звательная форма
и.-е. — индоевропейский
ИП, И. — именительный падеж
лит. — литовский
лтш. — латышский
мн. ч. — множественное число
МП, М. — местный падеж
м. р., муж. — мужской род
ном. — номинатив

пол. — польский
прус. — прусский
РП, Р. — родительный падеж
рус. — русский
сербохорв. — сербохорватский
слав. — славянский
слвц. — словацкий
словен. — словенский
словин. — словинский
совр. — современный
ср. р. — средний род
ст.-пол. — старопольский
ст.-сл. — старославянский
ст.-чеш. — старочешский
ТП, Т. — творительный падеж
укр. — украинский
цслав. — церковнославянский
чеш. — чешский

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. — М.; Л., 1948—1965. («Большой Академический словарь»).

КДРС — Картотека Словаря русского языка XI—XVII вв. (хранится в Институте русского языка АН СССР, Москва).

КСДР — Картотека Словаря древнерусского языка (XI—XIV вв.) (хранится в Институте русского языка АН СССР, Москва).

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 1981—1984. («Малый Академический словарь»).

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). — М., 1988 — 1989. — Т. I—II.

Сл XI—XVII. — Словарь русского языка XI—XVII вв. — М., 1975—1990. — Вып. 1—16.

Сл XVIII — Словарь русского языка XVIII века. — Л., 1984—1989. — Вып. 1—5.

Срезн. — Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. — М., 1989. — Т. I—III.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. — М., 1974—1989. — Вып. 1—16.

А. Граннес, К. Б. Клочкова

**ВАРЬИРОВАНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СОСТАВНОМ
СКАЗУЕМОМ С ФОРМАМИ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО
НАКЛОНЕНИЯ БУДЬ, БУДЬТЕ**

На основе отдельных наблюдений, имеющих в научной литературе, собственного анализа текстов XVII, XVIII и XIX вв. и анкетирования в 1990 г. 145 лиц, проживающих в Московской области, рассматривается в исторической перспективе трихотомическое варьирование при формах повелительного наклонения (ПН) **будь, будьте**: краткая форма именительного (К) /полная форма именительного (П)/(полная) форма творительного (Т).

Отдельно исследуется трихотомическое варьирование при форме ед. ч. ПН в функции условного наклонения (УН): **будь она ласкова/ласковая/ ласковой**, он бы ее не покинул.

Из анализа исключаем устойчивые формулы, имеющие значение просьбы, пожелания, предупреждения или обращения типа **Будьте добры; Будьте любезны**. В литературном языке прилагательное выступает в этих формулах исключительно в К и часто с несколько изменившейся и слабой семантической нагруженностью.

I. Варьирование в именной части сказуемого при ПН.

XVII век

Краткая форма

Шаллер отрицает возможность употребления прилагательного в Т или в П: «Adjektiva, die zu einem Imperativ der Kopula gehören, sind als Prädikatsnomen vor dem 18. Jahrhundert ... nur in der Kurzform verwendbar»¹ (разрядка моя).

Действительно, в проанализированных текстах (см. **Источники**) отмечено 45 примеров, и все в **К**.

Полная форма

Примерами **П** прилагательных вроде **будь * послушный** не располагаем (ср. ниже **Т**).

Творительный падеж

Единственный, редкий пример **Т** Патокова приводит из сочинения Афанасия Филипповича (ок. 1597—1648): **Будь послушнымъ старшимъ своимъ. Диариуш (1646). 86.**²

Язык этого (бело)русского писателя-публициста подвергался значительному польскому влиянию, что не является исключением. Как указывает Лопатина, «на употреблении творительного предикативного в русской письменности повлияли западные восточнославянские языки и польский во второй половине XVII в. в период юго-западного влияния».³

XVIII век

Говоря об употреблении **П** в предикативной функции вообще, Соловьева отмечает: «В начале XVIII века употребление конструкций с полной формой имени прилагательного возрастает; так, в Азовских повестях, а особенно в Записках Долгорукой Н. Б. эта конструкция уже составляет отношение 1:2... В произведениях Феофана Прокоповича полная форма употребляется наравне с краткой»⁴.

Алехина показала, что даже «в стихотворной речи XVIII в. начинают завоевывать себе место именительный и творительный падежи полной формы [в предикативной функции. — А. Г.]. Хотя с большой осторожностью, но писатели иногда допускают их в произведениях высокого слога»⁵.

На материале памятников петровского времени Клевцова установила, что «из 1834 примеров с прилагательными в сказуемом мы имеем 1642 [89,53%] с краткой формой и только 192 [10,47] с полной (из них 15 [0,82%] с творительным предикативным)»⁶. Следовательно, полная форма именительного составляет в материале Клевцовой 9,65%. Бескровный обнаружил большие индивидуальные различия в употреблении: «Если Тредьяковский более или менее смело использовал полные формы в предикативном значении, то его современники Ломоносов и Сумароков, наоборот, редко допускали их в такой синтаксической роли»⁷.

Широкое употребление **П** в предикативной функции в языке Феофана Прокоповича Соловьева объясняет «влиянием языков польского и украинского»⁸. О связи **П** с инославянским (польским, белорусским и украинским) влиянием Шведова пишет: «...полные формы при ...**будь** в это время [конец XVIII в. —

А. Г.] носят несколько искусственный характер, связывающий их с инославянскими конструкциями начала века... Таково, например, употребление их в прозе Щербатова; особенно ярко такое употребление обнаруживается в трагедиях Озерова»⁹.

С другой стороны, связь **П** с русской диалектной и разговорной речью проявляется в их употреблении в жанрах, далеких от высокой книжности¹⁰.

Шаллер неправильно утверждает, что «Im 18. Jahrhundert werden bei der Kopula im Imperativ Adjectiva als Prädikatsnamen ebenfalls nur in der Kurzform verwendet»¹¹.

Как указала Шведова, «во второй половине XVIII в. соотношения именит. и творит. предикативного наблюдается в следующих видах сказуемого: ... сказуемое со связкой **быть** в форме... повелительного и сослагательного... наклонений: ... **будь умен, умный — будь умным**»¹².

Краткая форма

К продолжает оставаться явно преобладающей в течение всего XVIII века: из 52 примеров, отмеченных в исследованных текстах, 50 (96,15%) употребляются в **К**. То же самое явление наблюдается и в языке писателей второй половины века. Так, в произведениях Фонвизина отмечен 21 пример, все в **К**. Даже у Карамзина, который «как будто культивирует этот оборот с творительным предикативным»,¹³ «при глаголе в повелительном наклонении... употребительна только именная форма прилагательного».¹⁴

Полная форма

В исследованном корпусе текстов XVIII века не отмечено **П**, но по наблюдениям других исследователей **П** употребляется с формами ПН. Так, в своем исследовании памятников петровского времени Клевцова отмечает: «с повелительным наклонением полное прилагательное [**П**] в сказуемом (8 сл.) встретилось только в драматических произведениях. Распространение их в драмах можно объяснить юго-западным влиянием, подтверждением чего является сама форма прилагательного (5 сл. без **й**)... Все это говорит о том, что полные прилагательные при повелительном наклонении в исследуемый период в языке почти не употреблялись. **Боже Апполоне, буди милосердый**»¹⁵. Бескровный приводит еще следующий пример из сочинений Тредьяковского: **Однако, ты будь терпеливый**¹⁶.

Творительный падеж

В памятниках петровского времени **Т** в сочетании с ПН пока не отмечена.¹⁷ Но Шведова установила, что во второй половине века «средние стили и разговорная речь того времени знают здесь употребление творительного падежа»¹⁸: на словес-

ность не будьте только **угодным**, но **полезным** (Суворов, Письма и бумаги). В «Письмах» Суворова нами отмечено 2 примера употребления **Т** (и 15 примеров **К**). Это, помимо цитированного выше примера из «Писем и бумаг», следующий, в котором **К** и **Т** употребляются рядом: будьте сами лишь **благовидны...** будьте во всем **наискромнейшим** (Суворов, 254). Прилагательное **наискромнейший** [ср. польск. *najskromniejszy*], не может иметь краткой формы, так что здесь выбор только между **П** и **Т**. Широкое употребление в приказном языке XVI—XVIII веков прилагательных на **наи-** + **-ейший** связывается исследователями с польским влиянием (хотя данные формы не чужды и церковнославянскому и русскому языкам).¹⁹ Однако, судя по моему собственному анализу корпуса текстов и по наблюдениям других исследователей, **П** и **Т** встречаются в данной функции редко.

XIX век

В исследованном корпусе текстов (см. **Источники**) отмечено 92 примера прилагательных с формой ПН. Учитывая низкую частотность «свободных конструкций», общее число (92) все же довольно значительное. Отметим для сравнения, что в монографии Густавссона выводы делаются на основе лишь 31 примера (67 примеров до устранения устойчивых формул).²⁰

Краткая форма

Мясников пишет, что в «первой половине XIX в. в указанных конструкциях отмечалось абсолютное преобладание кратких форм»²¹. Хотя исследованный корпус охватывает тексты и второй половины, и конца века, соотношение форм, видимо, мало изменилось: **К** явно преобладает, составляя 89,13% (82 из 92 примеров).

Полная форма

П отмечена лишь в 6 из 92 примеров — 6,52%: Будь **бедная**, Нелли (Дост. III, 411); будь **честный**, будь **низкий** — вы все равно, как солнце, недосыгаемы... (Дост. XIII, 366).

Творительный падеж

Примеров употребления **Т** в языке XIX века в работах Рёда²² и Шаллера²³ не отмечено. В исследованных мною текстах встречаются лишь 4 примера, составляющие 4,35% всего материала: У нас в доме не совсем здорово! более всего будьте **твердым** и не пугайтесь (Нар. I, 360).

Как известно, на употребление той или иной формы прилагательного могут влиять различные факторы. Напр., в конструкциях с другими формами связки употреблению творительного предикативного способствует **отрицание**. Однако при связке в ПН этот фактор, видимо, имеет весьма ограниченное влияние, потому что в 15 из 16 примеров употребляется **К**. Лишь в

одном случае при отрицании употребляется **Т**: И я вас люблю, только не будьте таким неповоротливым (Чех. I, 175).

Помимо отрицания возможно влияние и других факторов. Так, из 82 кратких форм 30, или 36,59%, употребляются с разными распространителями или с указанием на степень признака, напр.:

а) с беспредложным падежным распространителем: Будь верен жене (Чех. Письма VI, 54);

б) с предложным падежным распространителем: будь в Черномории столько же храбр против заклятых врагов наших (Нар. II, 223);

в) с распространителем как + именительный падеж: Будьте веселы как дети (Дост. XIV, 290);

г) с инфинитивным распространителем: Будьте готовы принять всех (Нар. II, 426);

д) с указанием на степень признака: Будьте столь благородны и деликатны, Евтихий Кузьмич! (Чех. II, 126).

Распространители при **П** и **Т** (10 пр.) в исследованных текстах не обнаружены, хотя при других формах связки случаи употребления распространителей наблюдались²⁴.

Анализ примеров с **К**, **П**, **Т** в исследованных текстах при связке **будь(те)** показывает, что до XX века **К** была наиболее популярна, однако наличие 10,87% случаев с **П** и **Т** позволяет оспорить вывод Шаллера о том, что в XIX веке употреблялись исключительно **К**²⁵.

XX век

Для выяснения особенностей функционирования рассматриваемых конструкций в наше время было произведено анкетирование группы носителей языка. Было опрошено 145 человек — либо уроженцев Московской области, либо проживающих в этом районе не менее 10 лет.

Для того чтобы выявить различные возможные факторы, влияющие на выбор **К**, **П** или **Т** при связке ПН **будь**, в анкете было представлено несколько групп примеров, которые было предложено оценить по четырехступенчатой шкале:

1. самый удачный вариант (СУ)
2. возможный вариант (В)
3. возможный, но неудачный вариант (ВН)
4. невозможный вариант (Н)

I. Без распространителей, без закрепленности во времени:

	СУ	В	ВН	Н
Будь весел!	23,45	40,69	22,76	13,10
Будь веселый!	7,59	34,48	26,90	31,03
Будь веселым!	64,14	23,45	6,90	5,52

II. С беспредложным падежным распространителем, носящие характер постоянного состояния:

	СУ	В	ВН	Н
Будь весел душой всегда!	55,17	19,31	11,03	14,48
Будь веселый душой всегда!	14,48	25,52	28,28	31,72
Будь веселым душой всегда!	25,52	36,55	17,24	20,69

III. С беспредложным падежным распространителем, носящие характер временного состояния:

	СУ	В	ВН	Н
Будь весел душой сегодня!	46,21	24,83	9,65	19,31
Будь веселый душой сегодня!	8,97	19,31	30,34	41,38
Будь веселым душой сегодня!	29,66	21,38	20,00	28,96

IV. С предложным падежным распространителем, носящие характер постоянного состояния:

	СУ	В	ВН	Н
Будь всегда весел в компании!	19,31	45,52	17,24	17,93
Будь всегда веселый в компании!	14,48	27,59	35,86	22,07
Будь всегда веселым в компании!	65,52	20,69	8,27	5,52

V. С предложным падежным распространителем, носящие характер временного состояния:

	СУ	В	ВН	Н
Будь весел в компании сегодня!	19,31	35,17	21,38	24,14
Будь веселый в компании сегодня!	12,41	32,41	26,21	28,97
Будь веселым в компании сегодня!	53,79	18,62	20,00	7,59

В дальнейшем предполагается проверить также влияние таких факторов, как род и число прилагательного, наличие / отсутствие отрицания.

На основании анализа результатов анкетирования можно прийти к некоторым выводам, которые не всегда совпадают с предположениями, высказываемыми в имеющейся литературе вопроса. Так, Шведова отмечает: «... в литературном языке до настоящего времени краткие формы господствуют, и случаи употребления полных прилагательных здесь являются единичными, а значение их — особым и специфическим»²⁶.

Из анализа I группы примеров следует, что господство Котнюдь не безусловно; более того, Т имеет более сильные позиции (Ср., напр., количество СУ-оценок и Н-оценок у К и Т: СУ 23,45% — К; 64,14% — Т; Н 13,10% — К; 5,52% — Т). Нельзя также полностью согласиться и с позицией Никольс, которая считает полную форму именительного неприемлемой²⁷. Хотя в группе I в качестве СУ П отмечена только в 7,59% анкет, но зато в 34,48% П признана В и в 26,90% — ВН, что вполне сопоставимо с 31,03%, в которых она отмечена как Н. Так как П, однако, гораздо менее популярна, чем Т, то можно предположить,

что если в составном сказуемом выступает прилагательное, не имеющее краткой формы, **Т** будет преобладать, напр.: **Будь деловым!** / (деловой!); **Будь образцовым!** / (образцовый!). Шведова, отмечая, что «употребление полных форм... относится главным образом к сфере разговорной, неписьменной речи»²⁸, приводит некоторые примеры из советской литературы. Еще более характерны полные формы для говоров²⁹.

Помимо указанного стилистического различия между **К** и **П** имеется, по мнению Аврамовой, еще и семантическое различие: «Сочетание полного прилагательного с повелительной формой **будь, будьте** имеет значение длительного состояния предмета и характер совета [разрядка наша], напр.: Аринушка, ты же **будь ласковая, вежливая** (А. Чехов)»³⁰.

Для проверки представления о значении «длительного состояния», якобы присущем **П**, в анкету были введены группы примеров II—III и IV—V. Проанализировав оценку информантами **П**, можно утверждать, что каких-либо значительных предпочтений **П** в группах II и IV («всегда») не обнаруживается. Полученные результаты дают также возможность объяснить появление прямо противоположных трактовок значений **Т** у разных исследователей. Так, по мнению Шпербера, существует «тенденция» к употреблению творительного для выражения временного состояния предмета³¹. Противоположное мнение выражено Юдиной. Она утверждает, что «сочетание полных прилагательных [примеры с творительным падежом — А. Г.] с повелительной формой **будь, будьте** имеет в виду длительное состояние предмета»³² [разрядка наша].

Дело, вероятно, в том, что употребление **Т** вообще не связано со значением «длительности» или «временности», присущим данному контексту, но лишь с наличием предложного или беспредложного распространителя, на что указывает сравнение всех возможных оценок (СУ, В, ВН, Н) в группах II—III и IV—V. Напр., количество оценок СУ довольно близко при употреблении **Т**, как в группах II и III (25,52 и 29,66%), так и в группах IV—V (65,52 и 53,79). То же — с оценкой Н: 20,69% — 28,97% и 5,52% — 7,59%.

Зато очевидна разница в оценках **Т** в примерах с беспредложным (гр. II и IV) и предложным (гр. III и V) распространителями: СУ: 25,52% — 65,52%; 29,66% — 53,79%; Н: 20,69% — 5,52%; 28,97% — 7,59% и т. д. Приблизительно таково же соотношение (но обратное в сравнении с **Т**) при оценке примеров с **К**: СУ: 55,17% и 19,31%; 46,21% и 19,31%, т. е. можно говорить о вполне определенной связи между наличием предлож-

ного или беспредложного распространителя и употреблением **К** и **Т**.

В более «спокойных» оценках (**В**, **ВН**) такого резкого различия нет, что свидетельствует о возможности функционирования всех вариантов (не исключая и **П**).

Анализ примеров в группах I—V дает основания для опровержения еще одной гипотезы, выдвигаемой Юдиной. По ее мнению, употребление творительного выражает совет, призыв: Будь **смелым**, будь **храбрым** в жестоком бою! За русскую землю сражайся (Гус.).³³ Все пять групп (I—V) примеров несомненно «носят характер совета, призыва», однако распределение симпатий опрошенных между **Т** и **К**, как показано выше, весьма различно в разных группах.

Юдина указывает и на совершенно иную функцию **Т**: выраженные оттенки условия: Будь **честным**, **внимательным** к людям, и у тебя будут верные друзья»³⁴.

Чтобы проверить эти предположения, в анкету были включены группы примеров VI и VII (\approx Если ты будешь весел., ты будешь...):

VI. Прилагательное без распространителей:

Будь **весел**, и ты будешь нравиться людям!

Будь **веселый**, и ты будешь нравиться людям!

Будь **веселым**, и ты будешь нравиться людям!

СУ	В	ВН	Н
18,62	51,72	21,38	8,28
9,65	42,07	22,07	26,21
70,34	21,38	5,52	2,76

VII. Прилагательное с беспредложным распространителем:

Будь **весел** душой, и ты будешь нравиться людям!

Будь **веселый** душой, и ты будешь нравиться людям!

Будь **веселым** душой, и ты будешь нравиться людям!

СУ	В	ВН	Н
59,31	20,00	13,10	7,59
6,21	20,00	31,03	42,76
26,89	23,45	25,52	24,14

Обоснованность предположения Юдиной как будто подтверждается анализом оценок группы VI. Действительно, **Т** оказывается предпочтительнее (СУ 70,34%), тогда как **К** явно в проигрыше (СУ 18,62%). Однако, сравнив эти результаты с группой VII, где в аналогичной конструкции появляется беспредложный падежный распространитель, обнаруживаем, что **К** получила 59,31% СУ-оценок при 26,89 СУ у **Т**.

В дальнейшем предполагается проверить также зависимость

функционирования **Т**, **П** и **К** от наличия предложного распространителя.

II. Варьирование при форме ед. ч. ПН **будь** в функции УН

Как известно, форма ед. ч. ПН **будь** употребляется в сложном предложении нереального условия: **Будь я** (ты, он, мы, вы, они) **весел(ы)**, меня (тебя, его, нас, вас, их) чаще бы приглашали. [≈ **Был бы я** (ты, он, мы, вы, они) **весел(ы)**, меня (тебя, его, нас, вас, их) чаще бы приглашали]. Неизменяемая форма **будь** относится ко всем лицам.

XIX век

В исследованном корпусе текстов XIX в. отмечено лишь 27 примеров употребления формы ед. ч. ПН **будь** в функции условного наклонения (УН).

Краткая форма

Из 27 примеров 24, или 88,89%, употребляется в **К**.

Полная форма

В **П** отмечено всего 3 примера (11,18%): **будь я семейный**, никому бы не позвонил (Чех. Письма 1,57) [\neq **будь я твоей семьей**, я бы по меньшей мере обиделся. (Чех. Письма, 1,56)]. Прилагательное **семейный** не имеет краткой формы, так что здесь выбор только между **П** и **Т**.

Творительный падеж

В исследованных текстах **Т** в данной функции не отмечена.

Хотя абсолютное число примеров слишком невелико для окончательных выводов, отметим, что пропорция **К** при **будь(те)** в исследованных текстах XIX в. почти одинаковая и в ПН (89,13%), и в УН (88,89%).

XX век

В 145 анкетах, анализировавшихся в связи с употреблением **будь** + прилагательное в **К**, **П** и **Т**, наряду с предложениями ПН (I—V группы примеров) и реального условия (VI—VII группы) были представлены также предложения УН. Результаты опросов таковы:

VIII. Без распространителей, с прилагательным, допускающим беспредложный распространитель:

Будь он весел, его чаще бы приглашали.

Будь он веселый, его чаще бы приглашали.

Будь он веселым, его чаще бы приглашали.

СУ	В	ВН	Н
19,31	33,10	24,14	23,45
13,10	43,45	17,93	25,52
64,14	17,93	8,27	9,66

IX. Без распространителей, с прилагательным, не допускающим беспредложного распространителя:

Будь он **внимателен**, этого не случилось бы.

Будь он **внимательный**, этого не случилось бы.

Будь он **внимательным**, этого не случилось бы.

СУ	В	ВН	Н
40,69	32,41	9,66	17,24
26,21	27,59	11,72	34,48
51,03	28,28	13,10	7,59

Анализ анкет позволяет проверить ряд существующих по этому поводу предположений.

Так, Шведова установила, что «в предложениях со значением сослагательного наклонения и условно-желательного наклонения также преобладают краткие формы: [...] Будь Никита не так **робок**, попросил бы позволения умереть сию минуту. (А. Т[олстой])»³⁵. Этот вывод не согласуется с результатами опроса, где в группе VIII **К** названа СУ в 19,31% анкет, тогда как **Т** — в 64,14%.

Утверждение же Шведовой, что «полные формы здесь редки и носят оттенок разговорности»³⁶, звучит не вполне обоснованно, т. к. в группе VIII **П** названа СУ в 13,10% анкет (ср.: **К** — 19,31%); а, напр., оценку Н получили **К** — 23,45%, **П** — 25,52%. Предполагается в дальнейшем получить более подробные данные о функционировании рассматриваемых конструкций в предложениях УН, проследив зависимость форм прилагательного от различных факторов: род, число, распространители, отрицание. На данном этапе исследования наиболее близким к истине представляется утверждение Густавссона о принципиальной возможности всех трех вариантов³⁷. Кажется весьма существенным тот факт, что в примере Густавссона (1976, 158), включенном в анкету в группе IX, беспредложный падежный распространитель в принципе невозможен, тогда как в группе VIII он вполне может появиться. Это, видимо, является одним из решающих факторов в перераспределении симпатий информантов в группе IX по сравнению с группой VIII.

На основании всего вышесказанного можно прийти к некоторым общим выводам относительно функционирования **К**, **П** и **Т** со связкой **будь(те)** в современном языке.

1. Представления отдельных исследователей о том, что **К** в современном языке является явно преобладающей, а ранее была единственно возможной, не находят подтверждения. Вероятно, появлению такого представления способствует то, что **К** превалирует в «абсолютном» количестве. Действительно, если учесть случаи, когда **К** входит в устойчивые формулы типа **будь**

добра, где варьирование невозможно без изменения значения [\neq будь **добрая** / **доброй**], и случаи, где в принципе допускается варьирование, но избрана **К** (а таких при наличии беспредложного падежного распространителя — около половины, а при предложном — до 1/4), то общее число конструкций с **К** будет весьма значительным.

2. Анкетированием не подтверждается также и весьма популярное представление о различной семантической нагрузке **К**, **П** и **Т** («длительность», «совет» и т. п.).

3. **Т** в современном языке приобретает все более широкое распространение, причем функционирование **К**, **П** или **Т** при связке **будь(те)** зависит, видимо, от синтаксических условий, а именно — от наличия / отсутствия различных типов распространителей (см. гр. I—VIII) или от принципиальной возможности / невозможности какого-либо вида распространителя (гр. IX).

4. Выбор формы не зависит от склонения: **ПН** / **УН** (ср. результаты анкетирования по гр. I и VIII).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Schaller Н. Das Prädikatsnomen im Russischen: Eine beschreibend-historische Untersuchung. — Köln, Wien, 1975. — S. 198.

² Патокова О. В. К истории развития творительного предикативного в русском литературном языке // Slavica. — 1929. — Roč. VIII, seš. 1. — С. 10.

³ Логатина Л. Е. Именное сказуемое // Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Простое предложение. — М., 1978. — С. 81.

⁴ Соловьева Л. В. Именное сказуемое в языке памятников эпохи формирования русского национального языка (вторая половина XVII — начало XVIII вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1954. — С. 1.

⁵ Алексина Е. А. Краткие и полные прилагательные в языке произведений А. П. Сумарокова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1954. — С. 17.

⁶ Клевцова А. В. Имя прилагательное в полной форме в составе сказуемого: (На материале памятников петровского времени) // Учен. зап. Новгород. пед. ин-та — 1961. — IV, 1. — С. 88.

⁷ Бескровный А. Е. Из истории предикативного употребления полных прилагательных в русском литературном языке XVIII—XIX вв. // Учен. зап. Петропавлов. пед. ин-та. — 1960. — Вып. IV. — С. 65.

⁸ Соловьева Л. В. Указ. соч. — С. 11.

⁹ Шведова Н. Ю. Изменения в системе простого предложения // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века: Изменения в системе простого и осложненного предложения. — М., 1964. — С. 136.

¹⁰ Там же. — С. 137—138; ср. также: Клевцова А. В. Указ. соч. — С. 88.

¹¹ Schaller Н. Op. cit. — S. 198.

¹² Шведова Н. Ю. Указ. соч. — С. 61.

¹³ Патокова О. В. Указ. соч. — С. 16, 20.

¹⁴ Шведова Н. Ю. Соотношение именных и членных форм прилагательных при предикативном их употреблении в художественной прозе Карамзина // Материалы к исследованию по истории русского литературного языка. — Т. I. — М.; Л., 1949. — С. 44.

¹⁵ Клевцова А. В. Указ. соч. — С. 94.

- ¹⁶ Бескровный А. Е. Указ. соч. — С. 64.
¹⁷ Клевцова А. В. Указ. соч. — С. 98.
¹⁸ Шведова Н. Ю. Соотношение... — С. 44.
¹⁹ Pennington A. E. Grigorij Kotošixin. O Rossii v carstvomanie Alekseja Mixajloviča: Text and Commentary. — Oxford, 1980. P. 258; Vlasto A. P. A Linguistic History of Russia to the End of the Eighteenth Century. Oxford, 1986. — P. 121.
²⁰ Gustavsson S. Predicativ Adjectives with the Copula *byt'* in Modern Russian. — Stockholm, 1976. — P. 140.
²¹ Мясников Г. Ф. Краткие и полные формы прилагательных в составе сказуемого в современном русском языке: изменения и основные тенденции: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. — Куйбышев, 1970. — С. 17—18.
²² Roed R. Zwei Studien über den prädikativen Instrumental im Russischen. — Oslo, 1966. — S. 66.
²³ Schaller H. Op. cit. — S. 234.
²⁴ Бескровный А. Е. Указ. соч. — С. 74.
²⁵ Schaller H. Op. cit. — S. 234.
²⁶ Шведова Н. Ю. Полные и краткие формы имен прилагательных в составе сказуемого в современном русском литературном языке//Учен. зап. МГУ. — 1952. — Вып. 150. — С. 130.
²⁷ Nichols J. Predicate Nominals: A Partial Surface Syntax of Russian. — Berkeley; Los Angeles; London, 1981. — P. 162.
²⁸ Шведова Н. Ю. Полные и краткие формы... — С. 131.
²⁹ Мясников Г. Ф. Указ. соч. — С. 24.
³⁰ Аврамова В. Функционально-семантическая характеристика полных и кратких имен прилагательных в предикативной функции//Болгарская русистика. — 1984. — № 2. — С. 55.
³¹ Sperber W. Das Adjektiv//Die russische Sprache der Gegenwart. Bd 2: Morphologie. — Düsseldorf, 1975. — S. 288.
³² Юдина Л. П. Краткие и полные качественные прилагательные в составном сказуемом//Из опыта преподавания русского языка иностранцам. — М., 1964. — С. 142.
³³ Там же. — С. 142.
³⁴ Там же. — С. 142.
³⁵ Шведова Н. Ю. Полные и краткие формы... — С. 131.
³⁶ Там же. — С. 131.
³⁷ Gustavsson S. Op. cit. — P. 158.

ИСТОЧНИКИ

XVII век

- ПЛДР I — Памятники литературы Древней Руси: XVII век. — Кн. I. — М., 1988.
 РРД — Ранняя русская драматургия (XVII — первой половины XVIII, в.). — Т. I. Первые пьесы русского театра. — М., 1972.
 Хрест. — Хрестоматия по древней русской литературе = Anthology of Early Russian Literature/Selected by A. D. Stokes — Letchworth, Herfordshire, 1963.

XVIII век

- РП — Русские повести первой трети XVIII века/Исслед. и подгот. текстов Г. Н. Моисеевой. — М.; Л., 1966.
 Суворов — Суворов А. В. Письма/Изд. подгот. В. С. Лопатин. — М., 1986.
 Фонвизин — Фонвизин Д. И. Собрание сочинений. В 2 т. — Т. 2. Письма. — М.; Л. 1959. — С. 317—562.

XIX век

- Бест. — Бестужев-Марлинский А. А. Сочинения: В 2 т. — Т. 2. Письма. — М., 1981. С. 470—524.
- Дост. — Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. М., 1972—1988.
- Жук. — Жуковский В. А. Сочинения: В 3 т. М., 1980. Т. 3. Художественная проза, критика, письма.
- Нар. — Нарезный В. Т. Избранные сочинения: В 2 т. М., 1956.
- Некр. — Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. Т. 7—9. М., 1983—1984.
- Одоев. — Одоевский В. Ф. Сочинения: В 2 т. М., 1981.
- Остр. — Островский А. Н. Полное собрание сочинений. Т. 11—12. Письма. М., 1979—1980.
- Чех. — Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 1—2. М., 1974—1975.
- Чех. — Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма; В 12 т. Т. 1—8. М., 1974—1980.

LVU ZINĀTNĪSKĀ
BIBLIOTĒKA

1460-4-91

В. В. Колесов

**ПОРЯДОК СЛОВ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ
XVII ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ АВТОРСКОЙ ПРАВКИ
В ТЕКСТАХ ПРОТОПОПА АВВАКУМА)**

Тексты Аввакума представляют собой благодарный материал для изучения истории русского языка XVII в. во всех его аспектах. В частности, важно осознать степень воздействия разговорной синтаксической конструкции того времени на формирующиеся в литературном языке синтаксические связи. Исследователи подчеркивают высокую экспрессивность речи Аввакума. Грамматическим центром его предложения всегда является сказуемое (глагол), причастные обороты почти полностью отсутствуют, сложная сеть соотношений между сказуемым и остальными членами предложения обуславливает свойственный тексту эмоциональный строй с частыми изменениями интонации.¹ Соотношение членов предложения в границах «литературного просторечия» XVII в. ближайшим образом отражает специфически национальные особенности в становлении новых литературных норм.² Это та сфера литературной деятельности, в которой буквально на наших глазах обрабатываются новые синтаксические отношения национального языка.

От Аввакума осталось несколько вариантов его «Жития» — автор всю жизнь работал над основным своим сочинением, постоянно переделывая его. Поскольку одновременно он выступал и переписчиком этой книги, каждый раз для нового лица, каждый раз имея уже отзывы о предыдущих вариантах своего произведения, — он последовательно и целеустремленно редактировал текст с точки зрения языка и стиля; другими словами, в своих поисках языковой формы он постоянно двигался параллельно с общим развитием русского литературного языка, особенно интенсивным со второй половины XVII в. Сравнивая тексты первоначального варианта (А) с конечным (В), можно обнаружить некоторые тенденции осознаваемого самим Аввакумом изменения синтаксических связей. В этих заметках остановимся только на проблеме порядка слов в предложении: именно здесь

¹ См.: Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. — М., 1938. — С. 35—36.

² См.: Черняк Л. М. Словосочетания в «Житии» протопопа Аввакума: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. — Харьков, 1966.

ближайшим образом пересекаются вопросы синтаксической оформленности текста, его литературности — и актуального членения, в высокой степени присущего разговорному варианту «литературного просторечия».³

Соотношение подлежащего и сказуемого. В первоначальных вариантах текста Аввакум широко пользуется инверсией и дистантным расположением главных членов предложения. Именно это и вводит в текст разговорную интонацию, позволяя, вместе с тем, выпукло выделить особо почти каждый член предложения. В окончательной редакции *В* эта экспрессивная избыточность несколько приглушена: преобладает прямой порядок следования подлежащее + сказуемое. Соответствующую правку можно иллюстрировать следующими сопоставлениями текста.

1. Протопопа Аввакума беднова горемыку в то время с прочими **остригли в соборной церкви** власти 192 об. = ... в соборной церкви **власти остригли** 8 об. На те горы **выбивал меня Пашковъ** 212 = на те горы **Пашков выбивал меня** 34. Так и **отступит от нея бесъ** 279 об. = и **бес отступит** от нея 96. Дистантное расположение главных членов предложения усиливается еще и инверсией — в *В* оба средства экспрессивного выделения ликвидированы.

2. **Съехал архиепископъ к Москве** 208 = **владыка съехал к Москве** 29. **Сель Пашковъ на стул** 229 = **Пашков сель на стуль** 51 об. На всех домашнихъ **нападе ужась** 275 = ... **ужась нападе** 91 об. Устранена обычная инверсия главных членов предложения.

3. Сказали ему, что я так **молюсь** 227 об. = ... что я **молюся** такъ 49 об. А я **имъ говорю** 227 об. = а я **говорю имъ** 50. **Ужась на всехъ** **напал** 228 = **ужась напаль** на всехъ 50. Устранено дистантное расположение главных членов предложения. То же самое наблюдаем в более выразительных текстах, ср. **Еремеи весть** со слезами ко мне **прислал** 228 = **Еремеи прислаль** ко мне весть 50; **увы, погибель** на дворе Петру **пришла** 209 об. = **увы, Петру погибель** **пришла** 30 об.

Разумеется, в варианте *В* — не односторонняя правка в сторону синтаксически отработанного типа. В художественной речи Аввакума не только остаются, но местами и увеличиваются примеры инверсии. Однако и все подобные случаи также носят закономерный характер: самым выразительным словом такого

³ Примеры приводятся по рукописным автографам Аввакума: вариант «Жития» по рукописи БАН СССР из собрания Дружинина (А) и вариант «Жития» по рукописи ИРЛИ АН СССР из собрания Заволоко (В); при сопоставлениях вначале дается текст А, после знака равенства — В.

текста становится последнее слово предложения, и это место занимает подлежащее, ср.: **леть вода** по брюху и по спине 214 = **леть** по спине и по брюху **вода** 36 об.; **погода окунула** на море 235 = **окунула** нас на море **погода** 55. В новом варианте последовательность слов в словосочетании Аввакум подчиняет общему строю сложного предложения. Например, в придаточном времени и условия допустима инверсия, если придаточное находится в препозиции к главному. И **егда** в молитве **речь дошла...** 269 об. = ... **дошла речь** 86 об.; **егда** же все отбили 276 = **егда** же отбили все 92 об.

Иначе в переработке церковного (палейного) текста — здесь обычно выделяется сказуемое, ср.: **еще и ныне обрящется райское древо** 314 об. = ...**древу райское обрящется** 156 об.; **егда вочеловечися сыне божий** 316 об. = **егда сыне божий вочеловечися** 148, и т. д. Характером конструкции Аввакум различает стилистически различные фрагменты своего текста. На многих других расхождениях между текстом самого «Жития» и текстом, излагающим ветхозаветную историю, мы можем проследить противопоставление разговорной конструкции книжной не в перестранных вариациях одного и того же текста, а в противопоставлении жанров — светского «романа» и церковно-книжной «истории».⁴ Стиль Аввакума определяется жанром, а не контекстом (т. е. ближайшим словесным окружением), как это было характерно для древнерусского писателя и компилятора. Перед нами совершенно новое отношение к самому слогу произведения, и такое отношение диктовало поиски новых выразительных возможностей языка.

Части составного сказуемого. Общая тенденция унификации заключается в перестановке связки на первое (по отношению к именной части) место: **туть келарь Никодимъ сперва добръ до меня былъ** 249 об. = **сперва до меня был добръ** 65 об.; **егда еще я попомъ бысть** 267 об. = **егда еще я былъ попомъ** 84 об. (ср. и наоборот: **а егда еще я был попом** 283 = ...**я попомъ был** 98 об., что определяется общей длительной конструкцией с начинательным *а*); **от бесовъ поражень бысть** 268 = **от бесовъ бысть поражень** 85 об.; **но токмо умъ еще не совершенъ был** 274 об. = **был не совершенъ** 91; **а дети малыя были** 216 об. = **и дети были малыя** 40; **курочка у нас черненька была** 223 об.

⁴ Исследователи не обращали внимания на известный параллелизм в передаче собственных, «житейных» мук Аввакума и в конспективном изложении древнейших фактов библейской истории. Такой параллелизм контрастно передается и противопоставлением художественного слога автора. Эта проблема, связанная с интерпретацией художественного текста, еще требует своего решения. Нас же интересует не художественная система Аввакума, а отношение его литературного языка к разговорной речи XVII в.

= была черненка 46 об., и мн. др. Лексически «пустое» слово, связка устраняется из наиболее выразительной в предложении позиции. Полнозначные слова составного сказуемого, вместе с тем, в новом варианте стараются избегать дистантного расположения, ср.: и государь меня почал с техъ поръ знати 200 = и с техъ мечь государь меня знати почал 19; дьяка Антония мучить напрасно захотель 208 = захотель мучить напрасно 29. Если прежде каждое слово сочетания фактически выполняло двойную роль (как часть словосочетания и как изолированный, самостоятельный член предложения), теперь намечается большая строгость формального единства: словосочетание — общий член предложения — в общем контексте предложения выступает как единое целое.

В сочетаниях с инфинитивом имеется различие, зависящее от семантической и грамматической цельности сочетания. Если это сочетание вспомогательного глагола с инфинитивом, возможна инверсия в любую сторону, ср.: и пред нею стал прощатца со слезами 275 об. = и пред нею прощатца стал 92; я сталь слушать у нея 280 об. = я слушать стал 96 об.; наоборот — верхняя раскрылася доска и саван шевелится стал устрашая меня 283 об. = и саванъ стал шевелитца устрашая меня 99. Однако дистантного расположения членов сочетания в редакции В Аввакум уже избегает, ср.: так друзей не стал и в крестовую пускать 204 об. = так нас и в крестовую не стал пускать 23 об. Инверсия внутри сочетания допустима, но грамматическое единство такого словосочетания требует и цельнооформленности и потому исключает дистантное расположение его компонентов. Только в том случае, если между личной формой и инфинитивом нет столь тесной грамматической связи, если они являются разными членами предложения, Аввакум в своих правках безразличен к месту расположения инфинитива. Например: не велю ему вставить 273 = не велю вставить ему 90 и, наоборот, и я гробъ купя и саванъ велель погребсти у церкви 273 об. = ...велель у церкви погребсти 90 об.

Это безразличие проявляется в сколь угодно отдаленном расположении инфинитива, как грамматически самого неважного, но в семантическом отношении существенного слова. Примеры многочисленны, ср.: велено меня сослать ис Тоболска на Лену 277 = велено меня на Лену ис Тоболска сослать 93 об. Наоборот: и ничево не смееть надо мною делать 274 = и ничего не смееть делать надо мною 91.

Сказуемое и прямое дополнение не имеют устойчивого порядка следования: И тогда мне делахъ добро 207 об. = И тогда мне добро делах 28 об.; тайно давали отраду 218 = от-

раду давали тайно 42 об.; со слезами просить прощения 225 = со слезами прощения просить 48 и мн. др. Наоборот, а я **вечерню пою** 209 об. = а я **пою вечерню** 29; протопопъ **нарту зделалъ** 216 об. = протопопъ **зделал нарту** 40; где **плаkanie то** слышала 281 об. = где **слышала плаkanie то** 97. Широкий контекст показывает, что безразличность в порядке следования сказуемого и прямого дополнения используется в стилистических целях. И от того **богъ зделалъ землю** и на трех китахъ большихъ и на тридцети малыхъ **устроиль** 309. Логический акцент размещен неравномерно между однородными членами предложения: **зделалъ землю** — и на трех китахъ болших и на тридцети малыхъ **устроиль**. Текст подвергается правке в *B*: и оттого **богъ землю зделалъ** и на трех **болшихъ** китахъ да на тридцети **малыхъ** **устроиль** 139 об. Той же причиной объясняются и многие другие, приведенные выше изменения текста. Препозиция прямого дополнения выделяет его структурно и ритмически, делает его «новым» в данном сообщении. Даже характер предложений, приведенных в качестве примеров, показывает избирательность автора по отношению к лексическому наполнению сочетаний: **добро делахъ, но зделалъ нарту** — во втором случае обычность действия, большая его конкретность, его связь с «вещной» жизнью диктует и обычный, стилистически нейтральный, порядок слов, и разговорную, русскую интонацию, и новую форму прошедшего времени. Препозиция прямого дополнения во всех переделках текста распространяется на сферу высокого стиля. Высокий стиль изложения формируется чисто русскими синтаксическими средствами — высокий и низкий по значению и по форме смыкаются в общем противопоставлении к среднему, стилистически нейтральному, обычному уже в XVII в. прямому порядку слов, которым обслуживаются грамматически и семантически нейтральные конструкции. В таком единстве значения и формы для нейтрального среднего и внутреннем противоречии между «высоким» значением и «низкой» формой кроются истоки последующей победы нейтрального стиля в русском литературном языке. Аввакум, разумеется, не устанавливает теоретической зависимости между тем и другим, но в своей художественной практике чутко реагирует на основные изменения языка своего времени. Дистантное расположение прямого дополнения по отношению к сказуемому уже не характерно для этого языка, — и Аввакум его избегает, ср.: **отпустил** с войском сына своего 227 об. = **отпустилъ сына** с войском 50; мы же с Даниломъ, **написавъ** из книгъ **выписки...** 204 об. = ...ис книгъ **написавъ** **выписки** 25; **напоиль** святою водою **брата** во имя господне 270 = **но напоиль брата** во имя господне святою водою 87 об.

В целом столь же определенно показывают свои связи с главными членами предложения и остальные типы дополнения. Возможно любое варьирование в смысле препозиции или постпозиции дополнения, но дистантного расположения компонентов сочетания Аввакум избегает, ср.: **Сведаль то и самъ Пашковъ про младенца 226 = сведаль про младенца Пашковъ и самъ 48 об.**, но — безразличное употребление во взаимном расположении сказуемого и дополнения, если они находятся рядом: **чтобъ я с ними соединился в вере 239 = ...в вере соединился 58**; той же Симеонъ **плакавъ по друге своемъ 269 = ... по друге своемъ плакавъ 86 об.**; и я **постегаю чотками 272 об. = и я чотками постегаю 89 об.** и мн. др.

Иное положение с обстоятельствами разного типа. Устойчивого места в предложении они не имеют, и правка Аввакума дает самые разнообразные примеры безразличного, с нашей точки зрения, иногда и совсем не оправданного размещения обстоятельства. Ср. в обоих вариантах неопределенное положение обстоятельства: и государь меня почаль с **техъ месьть знати 200 = ис техъ месьть** государь меня знати почаль 19; помале **паки** инии изгнаша мя 202 = помале инии **паки** изгнаша мя 21 об. В хаосе неопределенности, с какой связано расположение обстоятельственных членов предложения, можно уже разглядеть некоторые закономерности, хотя они и невыразительны. Можно отметить, например, что обстоятельство меры и степени, выраженное наречием, обычно стоит сразу же за сказуемым (и **зело голка бысть велика 275 = и голка бысть велика зело 91 об.**), — обстоятельство времени, выраженное предложно-именным сочетанием, выдвигается в предложении на первое место. Намечается, следовательно, чисто условное прикрепление слов, примыкающих к сказуемому, но эта расстановка еще не выявляется как законченное действие определенной тенденции. Это еще поиски средств выражения.

Взаимоотношение определения и определяемого слова можно охарактеризовать точнее. На протяжении XVII в. именно в порядке следования этих членов предложения произошли наиболее значительные изменения. Развивается и закрепляется свойственный современному литературному языку порядок «определение + определяемое».

У Аввакума расхождения по спискам связаны с качеством определения. Дистантного расположения определения и определяемого он, как и во всех предыдущих случаях, избегает. Постпозиция качественного прилагательного преобладает в *A*, постпозиция относительного — в *B*, ср. примеры: и возложилъ **руку правую** на пламя 198 = **правую руку** 16; где я дела **духовныя**

делалъ 202 об. = духовные дела 21 об.; далъ шубу новую да шапку 207 = новую шубу 28; лето целое мучилися 215 об. = целое лето 38 об., привелъ борана живова 226 об. = живова борана 49 и мн. др. (люди добрые 246 = добрые люди 62, водою святою 270 = святою водою 87, вдова молодая 278 = молодая вдова 94 об.). Наоборот: дьявольским научением 208 = научениемъ бесовскимъ 29, от водяные тяготы 215 об. = от тяготы водяные 39, отеческое благословение 267 об. = благословение отеческое 84 об., райское древо 314 об. = древо райское 146, на каменномъ столпе 327 об. = на столпе каменномъ 159 об., в сибирской приказъ 207 об. = в приказъ сибирской 28 об. и мн. др. Ср., впрочем, одно исключение в направлении правки: **книгу кормчую** далъ прикащику 23 = **кормчую книгу** прикащику далъ 54 об. = с общим изменением порядка слов в предложении.

Для притяжательных прилагательных и местоимений в варианте В также устанавливается постпозиция: от архиепископля двора 208 = от двора архиепископля 29, ведаю ево стряпанье 230 = стряпанье ево 52, твоево благословения 259 = благословения твоего 76, прогневали твою благостыню 268 об. = благостыню твою 85 об. и т. д. с редким отклонением в обратную сторону: с подъячим двора патриарша 246 об. = патриарша двора 62 об., оплачють согрешению его 209 об. = ево согрешению 31. Ощущается неопределенность места расположения для притяжательных, что не удивительно для языка XVII в. По свидетельству синтаксистов, препозиция притяжательных местоимений окончательно сформировалась только к концу XVII в.⁵, а постпозиция притяжательных прилагательных сохранялась дольше всего, особенно в текстах церковно-книжного характера.⁶ Таким образом, безразличное колебание Аввакума между препозицией и постпозицией в этих сочетаниях не может служить характеристикой его сознательной и направленной редакторской обработки текста — такие колебания могут быть и случайными, связанными с неустойчивостью синтаксических отношений в языке XVII в. Тем не менее они же и подчеркивают разницу между препозицией или постпозицией относительного или качественного прилагательного, отмеченного в редакциях А и В.

Постпозиция прилагательного выражает временный, непостоянный изменчивый признак, который как раз и передается относительным прилагательным. Контекстуальная постпозиция относительного прилагательного совпадала с его категориальным

⁵ См.: **Попова З. Д.** Из истории порядка слов в русском литературном языке//Тр. Воронеж. ун-та. — 1957. — Т. 47. — С. 149.

⁶ См.: **Уханов Г. П.** К истории атрибутивных словосочетаний//Учен. зап. Калнин. пед. ин-та. — 1957. — XIX. — С. 42.

значением и тем самым задерживала развитие общерусской тенденции в сторону препозиции. Именно с качественных прилагательных началось развитие новых сочетаний с препозицией определения.⁷ С точки зрения исторической перспективы, вариант *В* полнее отражает литературную норму XVII в. (некоторое отставание препозиции относительного прилагательного и широкое ее развитие у качественных).⁸ Вариант *А* представляет собою сложный конгломерат разностильных вариантов, требующих самостоятельного анализа с точки зрения их соответствия контексту. Как и во многих других отношениях, в *А* язык подчинен содержанию. В *В*, наоборот, содержание ограничено более или менее строгими канонами литературного языка того времени.

Ориентируясь на современную, еще только складывающуюся норму литературного языка, Аввакум умело использует вариативность, допускаемую этим языком, в стилистических целях.⁹ С грамматической же точки зрения характер редакторской правки Аввакума важен в том отношении, что наглядно, через личное представление тонкого и умелого ценителя русского языка показывает постепенное смещение синтаксических связей в языке XVII в. Они как бы выходят из морфологических свойств слов, вступающих в такие связи, первоначально ограничены категориальными характеристиками слов. Вместе с тем, окончательный вариант «Жития» отражает уже большую замкнутость словосочетания в границах предложения, четкую связь компонентов словосочетания друг с другом. Полнее всего разработаны традиционные для русского языка сочинительные связи, подчинительные — еще находятся на стадии оформления, присоединительные же, по-видимому, еще не известны, и это обстоятельство дает возможность широкого варьирования; некоторые типы словорасположения, связанные с примыканием, воспринимаются в настоящее время как неудачные, — но для Аввакума и языка его времени они были, надо полагать, вполне возможными.

⁷ См.: Латева О. А. О некоторых изменениях порядка слов в древнерусском языке // Филол. науки. — 1959. — № 3. — С. 56—59.

⁸ В тех случаях, где порядок слов совпадает для обеих редакций, препозиция обычна у притяжательных (сынъ божий 316 об. = 148, сила божья 274 = 91), у качественных и относительных обычна уже препозиция, хотя относительные в некоторых сочетаниях и дают еще старый порядок следования (в Юрьевец поволжской 202 = 21 об., премудрость небесную 323а = 155, и т. д.).

⁹ Характер и направление стилистической правки Аввакума см.: Пустозерский сборник. — Л., 1973. — С. 210—227.

П. Ванас

К ИСТОРИИ БАЛТИЙСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С ОСНОВОЙ НА *u-*

В индоевропейских языках издавна существовали прилагательные с основой на *u-*. Однако скорее всего они никогда не составляли большой и очень продуктивной словообразовательной группы. Почти во всех языках индоевропейской семьи они в конце концов исчезли. И только в нескольких языках, в том числе литовском, прилагательные с основой на *u-* сохранились или даже стали продуктивными. В древнейшую эпоху они обозначали физические качества, не поддающиеся количественной оценке и вызывающие ощущение приятного или неприятного¹. Склонение данных имен характеризовалось чередованием гласных конца основы **u-* : **eu-* (**ou-*). Обычно эти имена имели ударение на окончании и слабую ступень корневого вокализма. Они образовывали оппозицию к именам среднего рода с *u-*основой, у которых был неапофонический гласный основы *-u* и ударение на корне. Древней особенностью прилагательных с основой на *u-* является неразличение мужского и женского родов, что отражает оппозицию *genus activum* : *genus passivum* древнейшей индоевропейской эпохи. На это указывают факты многих языков, в том числе и балтийских².

В славянских языках древние прилагательные с основой на *u-* не сохранились. По традиционному мнению, старые основы на *u-* были расширены суффиксом *-къ*, и таким образом возник суффикс *-ъкъ*. Этот суффикс встречается у многих прилагательных славянских (в особенности восточных) языков. Однако при решении вопроса, какие из данных прилагательных являются древними *u-*основами, мнения исследователей расходятся. Одни ученые высказываются очень осторожно, например, Р. Эккерт указывает на 6, М. Бродовска-Гоновска на 7 слов, а С. Б. Бернштейн, отвечая на вопрос: существуют ли прилагательные, которые без всяких сомнений принадлежат к древним основам на *u-*, — пишет: «Таких прилагательных мы не знаем»³. Совсем наоборот, например, А. Лескин считает, что многие образования на *-ъкъ* являются продолжением древних основ на *u-*. Это мнение поддерживает и Ю. В. Откупщиков⁴. В своей статье он дает 103 примера, где сопоставляет данные славянских и балтийских язы-

ков. Однако внимательный анализ показывает, что во многих случаях сравнение не выдерживает критики. Во-первых, Ю. В. Откупщиков оперирует словами, различающимися по фонетическому составу (например, рус. диал. леткий «легко летающий»: лит. *lakus, lékus* «летучий»; рус. цепкий: лит. *kibus* «прилипчивый») или средствами словообразования, суффиксами (например, рус. диал. гордкий «высокий, громкий (о голосе)»: лит. *garsus* (**gard-sus*) «звучный, громкий; известный»; рус. диал. любкий «склонный к любви»: лит. *liaupsus* «славный»). Ю. В. Откупщиков очень смело восстанавливает прилагательные из некоторых производных слов, например, лит. **kovus* (из *kovūnas* «борец, боец»; рядом с рус. ковкий); лит. **skaitus* (из *skaičius* «число»; рядом с рус. четкий). Используются и очевидные новообразования литовского языка, например, *gérus* «питьевой» — в *Lietuvių kalbos žodynas* только один пример с этим словом; *metus* «хорошо бросающий» — преобразован из *matus* «т. ж.» по аналогии с вокализмом глагола *mesti* «бросать». На общее происхождение типов прилагательных двух языков не могут указывать такие заимствования, как *muilus* «мылкий» (: рус. мылкий), *klyjus* «клей (существительное!)» (: рус. клейкий), равно как и утверждение, что можно «не только реконструировать по рассмотренной выше модели незасвидетельствованные прилагательные, понятные, однако, носителям языка, но и считать теоретически возможным их наличие в диалектах. Например, лит. *malti* «молоть» — *malus* «который хорошо мелется» можно сопоставить с рус. молоть — *молкий... И обратный случай: рус. кладу — кладкий предполагает лит. *klodau* «укладываю» — **klodus* «кладкий»⁵. Это, по нашему мнению, указывает совсем на другое: и русские прилагательные на -кий, и литовские на -us являются продуктивными и имеют похожее словообразовательное значение, а не общее происхождение. Подобное некритическое возведение практически всех славянских прилагательных на -ъкъ к древним основам на *u-*, как представляется, очень обоснованно отрицает Н. П. Зверковская⁶. Она, анализируя суффиксальные производные слова в русском языке, отмечает, что число образований на -к- в старорусских текстах увеличивается после XII века (особенно в XVI—XVII вв.). И только в это время устанавливается значение прилагательных, соответствующее основному значению основ на *u-* литовского языка. Подчеркивается, что -к- является одним из наиболее продуктивных суффиксов как в русском литературном языке, так и в говорах. Этот суффикс широко употребляется и в других славянских языках.

Рассматривая происхождение и словообразовательные моде-

ли **u**-основных прилагательных балтийских языков, следует отметить, что фактически нет ни одного балтийского прилагательного данного типа с бесспорным и.-е. происхождением. Некоторые и.-е. **u**-основные прилагательные в балтийских языках относятся к другим основам. Например, др.-инд. *laghu-* «легкий», др.-греч. *elakhus* «маленький»: лит. *lengvas* (**lengu-o-*) «легкий»; др.-инд. *tanu-* «слабый, тонкий», др.-греч. *tanu-glossos* «с длинным языком»: лит. *tęvas*, лтш. *tievš* (< **tenu-o-*) «тонкий»; др.-инд. *amhu-bhēdi* ж. р. «узко раскалывающийся», гот *aggwus* (< **aggus*) «узкий»: лит. *ankštas* «узкий» — с неясными изменениями.

Однако в другие основы практически не переходят литовские (балтийские) прилагательные с основой на **u**- другого типа, которые связаны с беспривагочными глаголами и обозначают свойство, возникающее в результате действия или как-либо иначе связанное с данным действием, например, *badus* «бодливый»: *badyti* «бодать, тыкать»: *besti* «втыкать, вонзать»; *lankus*, лтш. *luoks* «гибкий»: лит. *lankyti*, лтш. *ņoonī* «сгибать»: лит. *lenkti*, лтш. *liekt* «т. ж.»; лит. *platus*, лтш. *plats* // *plašs* «широкий»: лтш. *platīt* «расширять»: лит. *plėsti*, лтш. *plest*, *plēst* «т. ж.».

Своим образованием и значением данный тип балтийских прилагательных с **u**-основой очень похож на тип отглагольных прилагательных с **o**-основой древнегреческого и древнеиндийского языков, например, *phorós* «несущий»: *phero* «несу»; *kara-* «делающий»: *karoti* «делать, выполнять». Есть все основания предполагать и общее происхождение данного типа прилагательных и упомянутого типа балтийских прилагательных с основой на **u**-⁷.

Выясняя вопрос о связи между прилагательными балтийских языков с основой на **u**- и прилагательных др.-греч. и др.-инд. языков с основой на **o**-, важно отметить, что в др.-греч. и др.-инд. языках наряду с названием носителя процессуального признака (НП) — *nomēn agentis*, названием инструмента (НИ) — *nomēn instrumenti* — или прилагательным (Пр) данного типа встречаются и существительные с абстрактным значением — имена действия (ИД) — *nomina actionis* — и названия результатов действия (НР) — *nomina acti*, которые обычно отличаются от прилагательных местом ударения. НП/НИ/Пр чаще всего окситоны, а ИД/НР — баритоны, например, др.-греч. *phorós* * : *phōros* «на-

* По техническим причинам в статье ударение отмечается только при необходимости выделением подударного гласного без различия слоговых интонаций.

лог, дань», др.-инд. *codá-* «тот, кто погоняет»: *códa-* «стрекало, кнут» и др.

В балтийских языках тоже встречаются существительные данного типа с основой на *o-*. Обычно это слова с абстрактным значением, например, лит. *smardas*, лтш. *smards* «вонь», лит. *dagas* «горение, пожар», но иногда и со значением НП, например, лит. *sārgas*, лтш. *sargs*, прус. *-sargs* «сторож». Все же основными носителями активного значения в балтийских языках являются прилагательные с основой на *u-* от данных корней, ср. *smardus* «вонючий», *dagus* «горючий», *sargus* «бдительный, осторожный». Таким образом, в балтийских (особенно в литовском) языках существует именная оппозиция другого типа, нежели др.-греч. / др.-инд. *phóros* : *phorós*, а именно — *smardas* : *smardus*, *dagas* : *dagus* и т. п.

Давно известно, что противопоставление НП : ИД восходит к индоевропейскому праязыку. И надо полагать, что балтийская оппозиция существительное : прилагательное более позднего происхождения, чем НП/НИ : ИД/НР в древних индоевропейских языках. Очень возможно, что последняя оппозиция была заменена первой в балтийских языках.

Многие ученые не раз подчеркивали, что категория прилагательного относительно новая в и.-е. языках. Например, в др.-греч. и др.-инд. языках между прилагательными и существительными нет еще точной границы. Следы более древней оппозиции имен сохранились и в балтийских языках⁶.

В славянских языках, хотя и менее заметные, тоже встречаются некоторые остатки противопоставления ударения по семантическому типу существительных. Вместо древней оппозиции окситон: баритон имен мужского рода с основой на *o-* в славянских языках утвердилась парадигма в подвижном ударением, и только в некоторых сербскохорватских говорах наблюдаются остатки более древнего противопоставления. После анализа небольшого числа примеров, данных В. М. Иллич-Свистичем⁹, можно предположить, что и славянские языки подтверждают древность рассматриваемой оппозиции.

Из 4 окситонов 3 по происхождению могут быть НП/НИ — слав. **gólъsъ*, ген. **gólъsa* «голос» (: герм. **kalzâ* > др.-исл. *kall* «зов»); слав. **mExъ*, ген. **mExa* «мех: мешок» (: лит. *maišas* «мешок», др.-инд. *mesá-* «баран»); (?) слав. **xódъ*, ген. **xóda* «ход» (: др.-греч. *hodós* ж. р. «путь»).

Из 7 баритонов 4 по происхождению могут быть ИД/НР — слав. **górdъ*, ген. **gordá* «огороженное, укрепленное место» (: лит. *gardas* «загон для скота»); слав. **lokъ*, ген. **loka* «обруч, дуга; лук» (: лит. *lankas* «т. ж.»); слав. **vólъsъ*, ген. **volsá*

«волос» (: др.-инд. *válša-* м. р. «ветка; побег»); слав. *нэл *сЕрѣ, *сЕрѣ «цеп» *κόϊρος (: др.-греч. *skoïpos* «балка, поддерживающая черепичное покрытие») ¹⁰. Прилагательные в славянских языках могут иметь как древнее окситонное, так и баритонное ударение ¹¹, но кажется, что баритонными были лишь некоторые типы прилагательных и между ними слова без семантических и деривационных связей с другими словами.

Как уже отмечалось, морфологическое оформление прилагательных и становление их как особой части речи — более позднее явление, чем оппозиция ИД : НП. Именно в тех языках, в которых исчезло старое противопоставление, возникли специфические типы склонения прилагательных. В германских языках — сильное и слабое склонение, в балтийских и славянских — местоименное склонение. Очень широко начали употребляться разные специфические суффиксы для обозначения прилагательных. В германских языках для этой цели использовался, например, суффикс *-ig-* : д.-в.-н. *sculd* «долг» и «должен» наряду с *sculdig* «должный»; др.-исл. *skyld* существительное — прилагательные *skyldr* (без суффикса) и *skyldugr* (с суффиксом); гот. о-основа *sels* «счастливый» и д.-в.-н. *sālig* «т. ж.»; гот. о-основа *gaur* «несчастный» и д.-в.-н. *gōrag* «т. ж.» ¹².

Подобным образом и в балтийских языках имеются специфические суффиксы прилагательных, особенно продуктивные на нынешнем этапе развития языка, например, лит. *-inis, -iškas, -ingas*, лтш. *-īgs, -ains* и др.

Можно полагать, что и в славянских языках для оформления прилагательных использовались некоторые суффиксы, например, широко известный суффикс прилагательных *-къ*. Н. П. Зверковская по этому поводу пишет: «Суф *-ък-* мог использоваться в праславянском языке как нейтральный формант-распространитель для преобразования старых имен нулевых формаций, для дальнейшей адъективации первичных недифференцированных имен, которые могли обозначать как предмет, так и признак» ¹³.

Ср. слав. **bridъ* > сербохорв. *брид* «грань; острие; и др.», чеш. *brid* «порча», укр. *брид* «гадость, мерзость»: слав. **bridъ* (ъ) > сербохорв. *brid*, «acerbus», чеш. *bridy* «гадкий», др.-рус. *бридыи* «жестокый» и **bridъкъ* > ст.-сл. *bridъкъ* «острый», сербохорв. *бридак* «т. ж.», др.-рус. *бридъкыи* «терпкий, острый» (ЭССЯ, 3, 27—29).

Слав. **gydъ* > чеш. *hyd* «страшилище, насекомые», ст.-пол. *gid* «отвращение», рус. диал. *гид* «гад» : слав. **gydъкъ* > рус. диал. *гидкий* «гадкий, скверный», укр. *гидкий* «т. ж.» (ЭССЯ, 7, 220—221);

слав. **xoldъ* > ст.-сл. *xladъ*, серб., словен. *hlad*, чеш.

chlad, рус., укр. **холод** «прохлада, холод»: слав. **xoldъkъ* > ст.-сл. *xladъkъ*, сербохорв. *hladak*, чеш. *chladky* «холодный, прохладный» (ЭССЯ, 8, 57—58);

слав. **jarъ* > сербохорв. *jar* «гнев, жар, страсть», др.-рус. **яръ** «гнев»: слав. **jarъ(kъ)* > ст.-сл. *jarъ* «amagus, austerus», сербохорв. *jar* «горячий, крутой, жестокий», чеш. *jary* «юный, буйный», рус. **ярый** «яростный; чистый; быстрый», сербохорв. *jarah* «яркий; горячий», чеш. *jarky* «яркий, сияющий», рус. **яркий** «светлый; сердитый; быстрый» (ЭССЯ, 8, 178—180);

слав. **jetъ* > чеш. диал. *jet* «острота, пронизательность», словин. *jet* «большой улов рыбы»: слав. **jetъkъjb* > рус. **емкий** «вместительный; крепкий, сильный; едкий», укр. **емкий** «хваткий; ловкий», блр. диал. **емки** «ловкий, крепкий» (ЭССЯ, 8, 229);

слав. **kortъ* > ст.-сл. *kratъ*, сербохорв. стар. **крат**, ст.-чеш. *krat* «раз»: слав. **kortъkъ(jb)* > цслав. *kratъkъ*, болг. **кратък**, чеш. *kratky*, рус. **короткий** «краткий, короткий» (ЭССЯ, 11, 99—104);

слав. **krъxъ* > словен. *krh* «надлом, зазубрина, рубец», словц. *krh*, *krch* «брусок, оселок»: слав. **krъxъkъ(jb)* > цслав. *krъxъkъ*, сербохорв. **кряк**, словц. *krehky*, рус. диал. **кряхий** «ломкий, хрупкий» (ЭССЯ, 13, 51—52);

слав. **ladъ* > пол. *lad* «порядок, строй», рус., укр., блр. **лад** «согласие, порядок, мир»: слав. **ladъkъ(jb)* > ст.-сербохорв. **ладак** «мягкий, легкий», рус. диал. **ладкий** «хороший, годный» (ЭССЯ, 14, 10—12);

слав. **soldъ* «солод» > сербохорв. *slad*, чеш. *slad*, рус. **солод**: слав. **soldъ(kъ)* > укр. **солодий**¹⁴, ст.-сл. *sladъkъ*, чеш. *sladky*, рус., укр. **солодкий** «сладкий».

Присоединенный ко всем упомянутым здесь словам суффикс **-къ** и позволяет различать части речи. Он мог присоединяться не только к древним основам на **и-**, но и к основам на **о-**. Скорее всего, процессу содействовало смешение обеих основ (после изменения окончания ном. ед. ч. **о-**основы **-os* > **-us* и акк. ед. ч. **-on* > **-un*¹⁵; или же замены данных окончаний **о-**основы соответствующими формами основы на **и-**¹⁶).

Необходимость различать имя с адъективным значением от других имен и формально появляется только тогда, когда начинается формирование самостоятельного класса прилагательных (на это указывает и упомянутое использование суффиксов). Содействовать такому обязательному возникновению нового типа маркирования в рассматриваемой группе балтийских имен с **о-**

новой на *o-* (**smardas* : **smardas*) могло, между прочим, и фактическое неразличение места ударения у окситонных и баритонных слов в падежах ед. ч.¹⁷ Тогда в случае адъективного использования имени в парадигме могли появиться формы по образцу основ на *u-*. К началу этого процесса старые *u-*основные имена должны были составлять хотя и небольшую, но важную группу слов, для которой было характерно именно адъективное значение.

В славянских языках оформление прилагательных данного типа происходило путем присоединения суффикса *-къ*, которому мог предшествовать частичный (но вообще-то необязательный) переход старых *o-*основ в основы на *u-*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Трубецкой Н. С. Славянские прилагательные на *-ъкъ* // Избранные труды по филологии. — М., 1987. — С. 223;

Specht F. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. — Göttingen, 1947. — S. 108, 113—137.

² См.: Vanags P. Baltu *u-celma* adjektīvu indoeiropēiskais pamats // Latvijas PSR ZA Vēstis. — 1988. — Nr. 9. — 104.—105. lpp.; Vanags P. On the History of Baltic *u-Stem* Adjectives // Baltistica. — 1989. — T. 25(2). — P. 113—114

³ См.: Эккерт Р. Основы на *-u-* в праславянском языке // Учен. зап. Ин-та славяноведения. — М., 1963. — Т. 27. — С. 125—126; Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков: Чередования, именные основы. — М., 1974. — С. 252.

⁴ См.: Откупщиков Ю. В. Литовский язык и праславянские реконструкции // Baltistica. — 1974. — Т. 10(1). — С. 15—18; в особенности: Откупщиков Ю. В. Балтийские и славянские прилагательные с *u-*основой // Baltistica. — 1983. — Т. 19(1). — С. 23—39.

⁵ Откупщиков, 1983: 33—34.

⁶ См.: Зверковская Н. П. Суффиксальное словообразование русских прилагательных XI—XVII вв. — М., 1986. — С. 79—83.

⁷ Подробнее см.: Vanags, 1988: 105—108; Vanags, 1989: 114—117.

⁸ См. там же.

⁹ См.: Иллич-Свитыч В. М. Именная акцентуация в балтийском и славянском. — М., 1963. — С. 111—112, 118—119.

¹⁰ См. там же. — С. 111—112, 114—118, 119; Дыбо В. А. Славянская акцентология. — М., 1981. — С. 22, 26.

¹¹ См.: Дыбо В. А. Указ. соч. — С. 21—25.

¹² См.: Жирмунский В. М. Категория имени прилагательного в древних германских языках // Сравнительная грамматика германских языков. — Т. 4: Морфология. — М., 1966. — С. 41, 49.

¹³ Зверковская Н. П. Указ. соч. — С. 79.

¹⁴ См.: Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. — Т. 3: Об изменении значения и заменах существительного. — М., 1968. — С. 39.

¹⁵ См.: Mažiulis V. Baltų ir kitų indoeiropiečių kalbų santykiai: Deklinacija — Vilnius, 1970. — P. 33—36.

¹⁶ См.: Георгиев В. Основни проблеми на славянската диахронна морфология. — София, 1969. — С. 15—16, 53—54.

¹⁷ См. подробнее: Vanags, 1988: 107—108; Vanags, 1989: 118—119.

Г. Балаж

К ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОГО ИМЕННОГО СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ

Настоящая работа посвящена некоторым вопросам, связанным с историей флексий существительных в праславянском и старославянском (древнеболгарском) языках.¹ По данной теме существует довольно обширная литература, поэтому нет возможности здесь — хотя бы бегло — рассмотреть все статьи и монографии, написанные об упомянутой проблематике. Таким образом, в дальнейшем мы остановимся лишь на некоторых более общих вопросах.

Заслуживает внимания тот факт, что преобладающее большинство исследователей занимается не системой склонения в целом, а только отдельными окончаниями, и среди многочисленных статей такого типа очень мало обобщающих работ. Другими словами — по сей день продолжается младограмматическая традиция. Такое обстоятельство в высокой степени определило научный престиж славянской диахронной морфологии. Поэтому не удивительно, что, вопреки серьезным усилиям выдающихся славистов, значительная часть т. н. загадочных окончаний остается такой же загадочной, какой была 50 лет тому назад.

Причина такой ситуации, как нам представляется, носит прежде всего методологический характер. Исследования сосредоточены на открытии как можно большего числа «звуковых законов», с одной стороны, и действия аналогии, — с другой. Получились две крайности: одна состоит в поисках фонетического объяснения повсюду, а другая — в разыскивании морфологических причин. Большинство исследователей использовали оба принципа. Различие между ними зависит от того, до какой степени они принимают специфические звуковые законы для конечных слогов. Одна часть славистов предполагает редукцию гласных в последнем слоге только перед носовыми согласными, другая часть — перед любым согласным, в то время как остальные вообще не признают существования таких явлений.

С другой стороны, возникают проблемы и в связи с термином «аналогия». Когда ищут закономерности в развитии флексий, некоторые исследователи предпочитают говорить о морфологиче-

ских законах как причинах морфологических изменений. По их мнению, аналогия — это случайное явление и представляет собой лишь ассоциативную связь между отдельными окончаниями. Согласно более распространенному толкованию, однако, аналогия является своеобразной пропорцией, предполагающей материальное и формальное сходство между своими членами. Аналогия — широкое понятие, но она легко классифицируется. Такие моменты морфологического развития, как перенос окончаний из других основ или из местоименного склонения, унификация корня внутри определенной системы склонения, выравнивание между различными парадигмами и др. — все могут интерпретироваться как аналогические изменения. Поскольку все зависит от того, какое значение приписывается слову «аналогия», данная проблема имеет терминологический характер.

С развитием синхронной лингвистики и с первыми успехами структурного подхода к языковым проблемам возник вопрос — возможно ли использовать новые методы и в историческом языкознании? Вопреки тому, что Ф. де Соссюр дал отрицательный ответ, появились значительные работы, в которых авторы старались создать основы структурной теории диахронной лингвистики, и прежде всего исторической фонологии. Принцип системности и понятие «оппозиций», однако, быстро распространились и в области диахронной морфологии. Под воздействием пражского структурализма (Якобсона, Барнета и др.), других влиятельных направлений современного языкознания выходят первые теоретические работы, излагающие в общих чертах возможные модели морфологических изменений в славянских языках. Без претензии на полноту напомним работы И. Хамма, Ф. Мареша, В. Георгиева, В. К. Журавлева, М. Деяновой и Д. Станишевой. Поскольку они хорошо известны специалистам, нет необходимости подробно комментировать их здесь. Кроме упомянутых статей и монографий, однако, есть работы, которые заслуживают гораздо большего внимания, чем им было уделено. Такой работой является, по нашему мнению, статья Л. Фейнберга, опубликованная в журнале «Folia Slavica»².

Указанную работу нельзя считать общеизвестной, но изложенные в ней идеи очень интересны и оригинальны, и поэтому стоит немного остановиться на ней. Это даже необходимо, потому что без нее мы не смогли бы изложить некоторые свои представления в связи с проблематикой именной флексии в истории славянских языков.

В первой части своей статьи Фейнберг критически рассматривает предложенные в литературе решения для старославянского окончания ИП и ВП ед. основ на *-о-*. Из ряда предположе-

ний он принимает те, согласно которым праславянский гласный **o* становится уже перед носовыми в конечных слогах. Такое сужение невероятно перед **s*. (Как известно, большинство исследователей придерживается такого же мнения). Фейнберг добавляет, что, если даже не принимать указанное фонетическое объяснение, окончания И—ВП основ на *-o-* не могут быть результатом аналогического смешения. Его аргументы следующие: традиционная точка зрения, по которой тематические гласные лишены всякой самостоятельности, основывается на анахроническом различии для доисторического периода восьми гласных вместо четырех пар по долготе и краткости. Согласно такому, ошибочному, по мнению автора, подходу, чисто количественное изменение конечных гласных в формах типа ИП ед. ч. **sestro* и Зв. ед. ч. **sestro* необходимо считать качественным. Таким образом, граница между корнем и окончанием находится перед гласным звуком. Ссылаясь на Якобсона и Х. Андерсена, Фейнберг заявляет, что различия в тембре, сопровождающие оппозицию долгих и кратких гласных, становятся дифференциальными лишь накануне исторического периода. А падение согласных в конечных слогах зависит от их сонорности: взрывные утрачиваются перед щелевыми, а щелевые — перед сонорными. Элиминация конечного *-N*, по всей вероятности, является последней в ряду изменений.

Во второй части статьи автор рассматривает переход *o > u* в рамках целой именной парадигмы у основ на *-o-* и *-ā-* и устанавливает следующее: тематический гласный *o* автоматически (т. е. фонетическим образом) реализуется как *u* в ВП ед. ч. м. р. у существительных с основой на *-o-* и местоимений, в ВП мн. ч. во всех парадигмах несреднего рода и в РП мн. ч. основ на *-o-* и *ā* (в ВП и РП мн. ч. исходное *-o-* сокращается):

ВП ед. ч.	* <i>tu-N</i> , * <i>nosu-N</i>
ВП мн. ч.	* <i>tu-Ns</i> , * <i>nosu-Ns</i> , * <i>sestru-Ns</i>
РП мн. ч.	* <i>toi-xuN</i> , * <i>nosu-N</i> , * <i>sestru-N</i> .

После ослабления и падения конечных спирантов чередование *o//u* перестает быть автоматическим, поскольку тематический гласный *-o-* уже имеет долгий альтернант в ВП мн. ч. (ср. **sestrū-Ns* > **-ūN*). Это значит, что данное чередование — как неавтоматическое — может использоваться независимо от фонетических условий, чтобы сохранить падежные и родовые различия, находившиеся в опасности из-за исчезновения **-s*. Итак, у местоимений и существительных с основой на *-o-* альтернант *-u-* обобщается в прямых падежах в ед. ч. м. р., избегая недопустимой омонимии с соответствующими флексиями ср. р. Развитие трехступенчатое:

	I		II		III	
	м. р.	ср. р.	м. р.	ср. р.	м. р.	ср. р.
ИП	*—o—s		*—u—s		*—u—∅	
ВП	*—o—N	*—o—∅	*—u—N	*—o—∅	*—u—N	*—o—∅

По мнению Фейнберга, очень важно увидеть, что внутри этой морфологической модели аналогия между основами на **-o-** и **-u-** невозможна, потому что славянское склонение основывалось на тематическом принципе, и совпадение некоторых окончаний в двух парадигмах надо воспринять как поверхностное явление. У основ на **-u-** звук [u] представляет собой основную форму тематического гласного, которая может чередоваться с [ou], а у местоимений и основ на **-o-** [u] — только вариант морфемы **-o-**. Случайное совпадение становится структурной идентичностью лишь после переосмысления границы между корнем и флексией.

Высказав предположение, что тематические гласные сохраняли свою идентичность почти до конца славянской праистории, Фейнберг дает новое объяснение окончанию **-y/-e** (РП ед. ч. и И—ВП мн. ч. основ на **-ā-**). Исчезновение ***-s** вызвало бы омонимию между ИП ед. ч. и мн. ч., с одной стороны, и между ИП и РП ед. ч. — с другой. Поэтому, после падения спиранта, ***-N** становится показателем всех форм с маркированным падежом или числом. Одновременно альтернант **-u-** тематического гласного обобщается везде, за исключением прямых падежей в ед. ч. Развитие опять трехступенчатое:

	I		II		III	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
ИП	*—o—∅	*—o—s	*—o—∅	*—ū—s	*—o—∅	*—ū—N
ВП	*—o—N	*—o—Ns	*—o—N	*—ū—Ns	*—o—N	
РП	*—o—s	*—o—N	*—ū—s	*—u—N	*—ū—N	*—u—N

Следовательно, в единственном числе чередование **o—u** у основ на **-o-** служило для различения мужского и среднего рода в прямых падежах, а у основ на **-ā-** — в родительном падеже. Во множественном числе, однако, чередование происходило во всех закрытых конечных слогах. Если распространить явление на два окончания основ на **-o-**: ***-y** (ТП мн. ч.) и ***-i** (ИП мн. ч. м. р.), сравнительно легко можно истолковать историю и этих флексий. Автор, подобно Педерсену, считает, что в ДП ед. ч. и ТП мн. ч. основ на **-o-** после тематического гласного в праславянском языке стоял не ***-i**, а ***-u** (***-o-u**, ***-o-us**), как в Р—МП дв. Введение альтернанта ***-u** в ТП мн., вероятно, предотвращало омонимию с ед. и дв. ч., а в ИП мн. ч. м. р. служило для различения этой формы от МП ед. ч.: ***-o-i(s)**—***-o-i** > ***-u-i**—***-o-i**.

Хотя Фейнберг в своей статье занимается только окончаниями системы склонений существительных с основой на *-o-* и *-ā-*, его морфологическая модель — по нашему мнению — может пролить свет на историю славянской флексии и в более широкой перспективе. Легко убедиться, например, в том, что объяснения, данные им для основ на *-o-* и *-ā-*, действительно и для основ на *-jo-* и *-jā-*. Кроме того, есть одно обстоятельство, которое может подтвердить теорию Фейнберга. С чисто фонологической точки зрения, чередование *o—u* имеет точный эквивалент — *e—i*. И такое явление действительно существует. Проблематичную флексию существительных основы на *-ter* в ИП ед. ч. — *i* (ср. МАТИ, ДЪЩИ) — в рамках рассмотренной модели можно толковать как альтернант гласного *-ē-*, который относится к теме. Ожидаемый рефлекс в старославянском был бы *-E-*, которое могло означать в ед. ч. дательный или местный падеж, но именительный — никогда. Следовательно, надо было «найти» другую флексию, подходящую для такой функции. (У существительных типа МЛЪНИИ, БОГЫНИ *-И* означало только ИП ед. ч.).

Другой пример чередования *e—i* имеет место в МП ед. ч. у основ на согласный. Как известно, соответствующее индоевропейское окончание было **-i*, а в старославянском языке находим **-e*. Стимулом такого чередования, вероятно, послужило стремление различать локатив от дательного падежа, причем омонимия между местным и родительным падежами была нормальным явлением и в других парадигмах.

Закljučаем наше изложение убеждением, что модель Фейнберга — вместе с некоторыми другими попытками — с успехом может способствовать более достоверному пониманию морфологического развития ранней славянской именной флексии. В области исторической морфологии, где существует так много единичных предположений, которые нельзя ни доказать, ни опровергнуть, такая структурная модель, во всяком случае, безусловно имеет преимущество и обладает большей эвристической силой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Основные положения данной статьи (на болгарском языке) были изложены в нашем докладе на V летнем коллоквиуме по староболгаристике в Софии в 1989 году.

² Feinberg L. E. Thematic Vowel Alternation in Common Slavic Declension//Folia Slavica. — 2 (1978). — P. 107—121.

О. Ф. Жолобов

**РАЗВИТИЕ КАТЕГОРИИ ЧИСЛА:
ДИНАМИКА ОТНОШЕНИЙ ДВОИЧНОСТИ**

1. Индоевропейское наследие и древнерусский язык.

Двойственное число в индоевропейской системе является поздним новообразованием, поэтому оно неравномерно представлено в индоевропейских диалектах¹ Славянский диалект сближается с индо-иранским по ряду поздних форм дв. ч., однако именно в славянских языках оно получило наиболее развитой, последовательный вид.²

Происхождение дв. ч. не находится в прямой связи с идеей числа и счета. «Поскольку главное употребление двойственного числа эллиптическое, можно предположить, что его окончание первоначально имело значение 'с, вместе с': вед. *váṅpā* '(Митра) с Варуной', — полагает Ж. Одри.³ Употребление эллиптического двойственного может быть соотнесено со специальным использованием комитатива, передающим идею совместности, тесной, неслучайной связи лиц или предметов. Известная степень эзотеричности таких форм в поздней индоевропейской системе вызвала тенденцию к регулярному воспроизводству членов эллиптического двойственного (конструкций «божественных двандва»). Они могли текстово разноситься, получая особые формы вместе или в отдельности, без распространения на второй член конструкции.⁴

Функциональность конструкций двандва едина. Они носят номинационно-деривационный характер, указывая на неслучайные единства. Однако внутренний смысл их, по-видимому, подвижен, относясь в конкретных случаях к разным участкам на шкале «парность — двойственность». Можно полагать, что в этих содержательных колебаниях и выявилась семантическая и формальная значимость слова «два», обусловившая дальнейшее осложнение и модификацию исходного типа форм.

Значение совместности, выражаемое двандва, очевидно, не во всех случаях возможно отождествить с парным (собирательным) значением, вопреки мнению А. М. Иорданского, которое он высказывает вслед за другими исследователями.⁵ Если собирательность имеет ядерным смыслом идею качественной однород-

ности составляющих множество, то в конструкциях двандва может быть важным указание на единство разных сущностей, которые могут мыслиться раздельно. Но исследователь, по-видимому, прав в поддержке гипотезы об исходном отличии значения парности от значения счетной, числовой двойственности. Ощущаемое различие в значениях подтверждается разграничением форм «двойственного числа» и «парного числа» в тохарском А языке, имеющем немалое число схождений со славянской системой.⁶ Следует отметить, что основу «парного числа» в нем составили преимущественно обозначения парных частей тела.

Насколько тесно связаны конструкции двандва и обозначения парных частей тела, в генетическом и эволюционном планах не вполне ясно. Возможно, конструкции двандва появились как образная фигура, и основу образа составило сближение с парными обозначениями. Материал древнерусского языка в этом смысле очень важен, потому что он содержит осознанное употребление обоих типов форм.

Третья группа форм — формы с числовым словом «два» — возникли позднее. Эти формы оказались наиболее жизненными в истории русского языка. Даже в бытовых записях XIV в. еще сохраняется противопоставление сочетаний типа **два человека** и **три человека**, что ставит под сомнение распространенную датировку окончательной утраты дв. ч. XIII—XIV веками.⁷

С. П. Обнорский, очевидно, справедливо полагал, относя начало распада дв. ч. к XIII—XIV вв., что время окончательной его утраты указать невозможно.⁸ Действительно, системные (языковые) формы в древнерусском языке обуславливаются их связью с традиционным сознанием, которое меняется под воздействием новой культуры только в конце древнерусского — начале старорусского периодов. Дв. ч. — важная субкатегория древнерусской ментальной картины мира, однако мы почти не располагаем ранними средневековыми текстами, стоящими целиком в рамках традиционной культуры, чтобы, основываясь на них, твердо установить, когда дв. ч. стало «глубоким» архаизмом в народно-поэтических произведениях. Необходим текстовой и стилистический анализ форм дв. ч. и конструкций с родственной семантикой. Для него важны в первую очередь тексты, в которых можно видеть черты содержательной близости текстам традиционной культуры.

2. Так называемые ошибки в употреблении двойственного числа.

Отклонения от идеального образца-реконструкции при употреблении форм дв. ч., статистически незначительные в древний

период и обслуживающие процессы семантической дифференциации, нельзя считать свидетельством распада тройственной числовой парадигмы в живом языке. «Ошибки» подлежат текстовому и стилистическому анализу, который начинает проникать в грамматические исследования. В недавней работе М. Л. Ремневой установлено, в частности, что варьирование местоименных форм **вы** и **ва** в Сказании о Борисе и Глебе означает дифференциацию вокатива и номинатива.⁹ К этому следует добавить, что местоимения **вы**, **ны** употребляются на месте дв. ч. в некоторых старославянских текстах, хотя старославянский язык отличается «ригористическое» использование дв. ч.¹⁰

Вместе с тем М. Л. Ремнева приводит «ошибки» в употреблении дв. ч. из Сказания о Борисе и Глебе по Усп. сб., которые повторяются и в его поздних списках, а поэтому полагаются свидетельством падения дв. ч. уже во время создания текста. Как употребление мн. ч. вместо дв. ч. интерпретируется форма **руку** в следующем контексте: не буди ми възяти **руку** на брата своего Усп. сб., 10 г. Но **руку** — форма не мн. ч., а закономерная синтагменная форма РП ед. при отрицании; ср.: **възяти руку** — 'поднять руку' (Срезн. I, 373, см. также другие синтагмы со словом **възяти**). Как ошибочное употребление истолковывается форма **въ рукахъ** в следующем контексте: начаша скакати зълини они въ лодню его. обнажены меча имуще **въ рукахъ** своихъ бльщаща ся акы вода. и абие въСЕМъ весла **от руку** испадоша. и вси отъ страха омыртвЕша Усп. сб., 13 г. Контекст содержит противопоставление формы мн. ч. **въ рукахъ** форме дв. ч. **от руку**. Эти формы семантически дифференцированы: если первая форма обозначает множество «единиц», то вторая обозначает множество, состоящее из целокупных пар. Дв. ч. в первом случае невозможно, мн. ч. — закономерно: оно обозначает невозможность или нарушение парной симметрии составляющих множество; ср. связь «меч — рука»: нъ самъ тече и ятъ за мечъ. и възя **от руки** слугы Пр XII—XIII, 80а. Точно так же, вопреки мнению исследователя, закономерна форма мн. ч. в контексте: г[оспод]и г[оспод]и мои вЕМъ тя рекъша къ своимъ апостоломъ. яко за имя мое мене ради **възложить** на вы **руку**.. и умыртвять вы имене моего ради Усп. сб., 14в-г; ср.: и **возложи руку** на нь (Срезн. I, 360). Эта форма выражает значение непарноорганизованного множества, и мн. ч. в этой евангельской цитате употребляется еще в старославянских текстах (см. Лука XXI, 12, ср. Остр. ев., 224 г).

Отклонение от правильного употребления, возможно, действительно содержит контекст: слава ти х[рист]е мноному ти м[и]л[о]с[ъ]рдню. иже направи на правыи путь мирныи ноги ноги

[так в изд.] моя тещи къ тебе бесъблазна Усп. сб., 12а. Однако появление формы мн. ч. обязано, очевидно, не влиянию живого языка, поскольку данный контекст — это искусный «монтаж» евангельских строк (ср. в старославянских евангелиях: **направи-ти ноги наша на путь** Лука I, 79, а также более отдаленный контекст из Панд. Ант. XI в.: Да отъ б[ог]а **исправяться стопы** его — где форма **стопы** передает значение 'шаги' [Срезн. III, 521]).

Употребление форм слова **уста** 'рот', по-видимому, нет смысла обсуждать, поскольку в славянском дв. ч. здесь не употреблялось; ср.: **устьна** — 'губа', уши и **устьне** (Срезн. III, 1292).

3. Двойственное число и слова-формы со значением парности.

Парным обозначениям были посвящены недавние работы М. В. Шульги. Основываясь на лексико-грамматическом подходе к историческим фактам, исследователь выявила целый ряд морфологических особенностей у парных существительных в период распада трехчленной системы числовых противопоставлений, что свидетельствует о своеобразном формально-семантическом развитии обозначений парности в рамках двухчленной числовой парадигмы.¹¹

Происхождение дв. ч. было словообразовательным. Вполне определенные указания на это еще сохраняются в древнерусском языке. Формы парных обозначений **очи**, **уши** формально не зависят ни от форм ед., ни от форм мн. ч. Окончания в косвенных падежах дв. ч. здесь присоединяются прямо к слову-форме (суффиксондной форме) **очи**, **уши** — точно так же, как это было в санскрите.¹² Кроме того, в древнерусском языке слова-формы **очи**, **уши** еще сохраняют, судя по формам прилагательных-определений, принадлежность к смешанному, женско-среднему, роду. Суффиксондный характер форм **очи**, **уши** отразился в деривационном распространении данного типа форм — появлении несконных образований типа **колени**, **ноздри**, **плечию**.

Значение парности ассоциировалось с различной степенью интенсивности проявления: если одни имена (**очи**, **уши**, **плечи** и др.) употребляются почти исключительно как слова-формы дв. ч., то другие (**руце**, **нозе** и др.) чередуются с формами мн. и ед. ч. Значимость сравнительно немногочисленной группе парных существительных обеспечивала тесная связь с когнитивными реальностями традиционного сознания. Парные существительные указывали на природную симметричную организацию 'человека', передавали особенности восприятия антропологического пространства.

Слова, обозначающие части тела, очень частотны в древних

текстах. В таком показательном для древнерусского периода тексте, как Усп. сб., слово **рука**, например, употреблено 215 раз, уступая по числу употреблений только таким словам, как **богъ, господь, слово, сынъ, Христось, цЕсарь, отць, днь**, превосходя по частотности, хотя и сопоставимой, такие слова, как **ангель, дЕло, жена, мужь, слава, сьрдыце**. Дв. ч. представлено в 121 употреблении, а мн. ч. — в 11 (в указателе одна форма РП ед. ошибочно отнесена к мн. ч.).

Дв. ч. парных существительных отличается от дв. ч. других существительных наибольшей независимостью употребления: эти слова используются без числовых слов **дѡва, оба** и употребляются в контекстах, предполагающих мн. ч., т. е. обозначают постоянное, внеситуативное дв. ч. Конечно, связь с числовыми словами не следует переоценивать, в списках Прологов, например, употребление без числовых слов является общим правилом для любых существительных. Отличие состоит в том, что дистрибутивное дв. ч. возможно только для слов-форм со значением парных частей тела, а также в том, что синтагмы с числовыми словами для них всегда соотносятся с речевой ситуацией, как и формы мн. ч. В контекстах употребления с числовыми словами парная целокупность противопоставляется единичности: **двЕ уши** имЕи а **одинъ языкъ** Мер. Пр., 23; и **око едино** ему послыпло бѡше... аще ему... **обЕ очи** съдравЕ былЕ Усп. сб., 151а.

В рамках парных существительных обнаруживается два источника замещения форм дв. ч. формами мн. ч. Во-первых, это группа слов, называющих парные части тела, которые слабо выделяются в составе сложного целого: тепень же бы(с)·о(т) того хранителя и посыпанъ до **пазухъ** Пр XII—XIII, 68 в; **пазусЕ** и ребра пожьгоша ему. яко же пламени **ноздрьми** его съ дымомъ исходящу видЕти там же, 62б; поклонимъ ся. Ч(с)тами **устьнами** цЕловати ПрЛ XIII, 16а; по семь бьена бы(с) молотомъ оловянымъ по **челюстьмъ** воины Пр 1432, 18б и под. Активизация значения сложносоставности могла вызвать сужение круга слов со значением парносоставности. Во-вторых, это случаи смешения семантики парности и множественности в контекстах с параллельным употреблением форм дв. ч. и мн. ч., вызванным семантической неопределенностью некоторых речевых ситуаций. Трудно согласиться с А. М. Иорданским, который вслед за А. Беличем утверждает, что синтагмы типа **руцЕ его** смогли заместиться на синтагмы типа **руки его**, когда в первых на месте бывшего собирательного значения развилось значение 'руки одного человека'.¹³ Последовательного движения к распределению значений 'руки одного человека' и 'руки нескольких человек' не существовало. Напротив, характернейшей особенностью парных обозначений является употребление в формах дистрибутивного

двойственного, где значение парности могло проявиться с особой выразительностью. Такое употребление могло противопоставляться употреблению в формах мн. ч., которые или не имели значения парносоставного множественного, или подчеркнуто выражали значение непарносоставного множества. В этом последнем случае употребление форм дистрибутивного двойственного было невозможно: десная очеса избодоша имъ. и Левыхъ ногъ лысты съ жилами изрезаша ПрЛ XIII, 216. Противопоставление форм дв. и мн. ч. нейтрализуется в контекстах следующего типа: пишеть бо ся яко. красьны ноги бл[а]гоповЕдающимъ миръ Усп. сб., 267 г, но — яко красьнЕ нозЕ бл[а]говЕстиящимъ миръ Там же, 206а; прЕданъ имать быти с[ы]нъ чл[о]в[Е]чь въ руцЕ чл[о]в[Е]к[о]мъ Мст. ев., 50 г, но — се предает ся с[ы]нъ чл[о]в[Е]чь въ руки грЕшникомъ Там же, 114б; по что ученици твои не ходять по прЕданию старьску. нъ не умъвенама рукама Едять хлЕбъ Там же, 64 г, но — по что ученици твои прЕступаютъ прЕдание старьць. не умывають бо рукъ своихъ Там же, 42б; и принесе воду. умыти ноги има Пр XII—XIII, 232 в, но — и нозЕ имъ умывъ. и добрЕ почтивъ Там же 235 б; дЕла руку ч[е]л[о]в[Е]чьску ПрЛ XIII, 46б; дЕла ли рукъ ч[е]л[о]в[Е]ч[ес]кихъ Пр 1432, 40 г и т. д. Позиция с субъектом или объектом во мн. ч. позволяет варьировать формы мн. ч. парных существительных, поскольку в данных синтаксических условиях формы дв. ч. передают вариант значения множественности—парносоставное множественное, так что становится возможным совмещение обоих значений: и тогда о(т)верзуться очеса слЕпымъ и уши глухымъ (так это популярное выражение читается в ГА XIII—XIV, 206б).

Совмещение значений ведет к проникновению форм мн. ч. в сильную позицию противопоставления форм дв. и мн. ч. — в положение с субъектом или объектом в ед. ч.: яко аще быхо имель руки удавилъ ся быхъ (Пр XII—XIII, 173б—единственная, по-видимому, форма на 312 листов, в ПрЛ XIII здесь употреблена форма руцЕ — 14а).

4. Конструкции двандва и формы с родственной семантикой.

Когда древние славяне говорили об определенных парах языческих божеств, они употребляли конструкции «божественных двандва» — имена божеств получали форму дв. ч. Эти конструкции были перенесены на имена образующих пару-двойцу святых, что привело к образованию форм дв. ч. типа Бориса и ГлЕба, Петра и Павла, Михаила и Гавриила.¹⁴

Формы дв. ч. имеют в этом случае суффиксоидный характер,

именования двоицы образуют синтагму, которая морфологически может не подчиняться синтаксической логике контекста: иди къ с[вя]тыма м[у]ч[е]н[и]кома бориса и глЕба Усп. сб., 22 в; ан[г]ла своего посла къ правьдником. иоакима и аньЕ Пр XII—XIII, 82б. К. Лиукконен не находит следов форм Д—ТП дв. для именований двоиц в славянском и отмечает, что такие формы, по-видимому, отсутствуют и в ведийских текстах, где конструкции двандва широко представлены.¹⁵ Возможно, реконструкция Д—ТП дв. может быть поддержана древнерусской формой **братъсестрома** Остр. ев., 228; Арх. ев., 192, близкой формам двандва. Но древние тексты фиксируют уже сокращение парадигмы дв. ч. до двух форм — И—В—Д—ТП на -а, Р—МП на -у. Очевидно, это свидетельствует об их близости к явлениям словообразования; главное в их семантике—указание на образование тесного двухчастного единства. Конечно, здесь отразилась, если иметь в виду падежные и межосновные совпадения форм, самая высокая степень синкретизма в самой обычной парадигме дв. ч. Использование одних падежных форм вместо других наблюдается спорадически и вне рамок самих двандва: М[у]ч[е]н[и]къ мъркурии бЕ. при декии. и валерианЕ ц(с)рема Пр XII—XIII, 70 в; хотЕ ити на мЕсто съ родителю своею Там же, 111 в; прЕдъставъ судищу князя. диоклитьяну. и максимьяну Там же 64 г, и под.

Двоицам посвящаются отдельные тексты. Очень популярно в Древней Руси Сказание о Борисе и Глебе. Сказание обнаруживает ассоциированность двандва с языковыми формами выражения отношений двоичности, стоящими вне рамок дв. ч. Сказание о Борисе и Глебе выступает как истолкование символики двоичности: **съказание** — это 'объяснение, изъяснение, толкование' (Срезн. III, 712).

В начале текста автором древнерусского шедевра экспрессивно определяется двусоставность древнерусских личных имен. Строится парадигматический ряд имен с общим вторым компонентом и завершается именами двоицы: **Вышеславъ, Изяславъ, Изяславъ, Мьстиславъ, Ярославъ, Святославъ, Мьстиславъ; Святопѣлкъ, Яропѣлкъ, Святопѣлкъ, Яропѣлкъ, Святопѣлкъ; Борисъ и ГлЕбъ** (Усп. сб., 8в11—р4). Имя **ГлЕбъ** словно бы замещает вторую часть имени **Бориславъ** (если согласиться с данной этимологией имени **Борисъ**).

Чтобы приобрести очерченность и определенность, именованная лица, предмета или явления получают такую же двучленную равновесность, как двандва (или как сам 'чел-о—век'): **съповЕдати или съказаати, проста и съмЕрена, высокъ паче всЕхъ градъ русьскыхъ и вышии градъ, гладъ и озълбление... отъженЕта, паче мЕры и презлиха** 16г—17г и мн. др.

Строятся двоичные пропорции, в которых используется для уравнивания частей числовое слово **вторыи**: вторыааго канна улови мысль его (Усп. сб., 10в) — говорится о Святополке, и имя Каина словно бы включается в именование — **оканыи с[в]ятоплькъ** (там же).

Сказание как истолкование посвящено, по-видимому, переработке традиционной содержательности двоичности: она становится идеологической схемой обозначения единения 'человека внешнего' и 'человека внутреннего', 'законного, земного' и 'благодатного, небесного', 'первого крещения' и 'второго крещения'.¹⁶

Однако в Сказании о чудесах Романа и Давыда — тексте, примыкающем к Сказанию о Борисе и Глебе, — символика двандва, очевидно, близка традиционной. Здесь Борис и Глеб выступают как божественные целители, возрождающие парную целокупность человека. Это видно уже из надглавий о чудесах: (чудо первое) о **хромЕмь** Усп. сб., 19 в, (чудо второе) о **слЕпци** 19 г, (чудо третье) о **хромЕмь** 20а, (чудо четвертое) о **хромЕ** и о **нЕмЕ** 21а, (чудо пятое) о **женЕ сухоруцЕ** 21в, (чудо шестое) о **слЕпци** 22б. В известном приближении двандва **Бориса и Глеба** персонализируют парную организацию человека. В народно-поэтическом тексте на это указывается определенной: **Два брата Бориса и Глеба... Упали большому брату в ноги... Борис упал в правую ногу, А Глеб упал во левую; Начали плакати-рыдати... Ист. песни, 29.** Возможно, эта содержательная связь форм двандва и «парного» числа, нашедшая выражение во внешних формах дв. ч., принадлежит исходной системе и указывает на изначальный смысловой синкретизм дв. ч.

На примере Сказания хорошо видно, что дв. ч. является поверхностной структурой, грамматическим обнаружением понятийной категориальности, которая проявляет себя в языке и за рамками числовой парадигмы. Этими лексическими, словообразовательными, синтаксическими формами с родственной семантикой двойственное число в конце концов было поглощено.

Синтаксическим аналогом двандва являются также парные именованья, обозначающие в двух лексических формах тесно связанные сущности. Это символически равные друг другу именованья **земля и небо, тЕло и душа, тЕло и кровь, кровь и вода.** Они накладываются на традиционную символику двоичности и влияют друг на друга. Парные именованья в древнерусском оформляются как лексико-грамматические единицы, как единицы, имеющие особую морфологию, отличную от свободного употребления составляющих их частей.¹⁷ Один из принципов организации парных именованья — грамматико-силлабическая

рифма — ясно проявился и в образовании парного именованья **днью и ночью** 'днем и ночью' (с лексемами столь же важными для язычества, как и в паре **небо и земля**). Здесь существительное муж. рода **день** переняло знаменательную в родовых противопоставлениях форму ТП ед. жен. рода — настолько велика была энергия синтагменного объединения лексем.¹⁸ Спорадически парные именованья обнаруживают свою специфику в соотносительности с согласовательными формами дв. ч.: **тЕми бо д[у]ша и тЕло просвЕщаетя** ПрЛ XIII, 6в); **кровь с водою** изд ребр источи, **има же телесную** всю скверну очистив и **душа** человек^а освятил ест Кир. Тур., 423 и др.

Может показаться необычным то, что значимость двоиц для традиционного сознания могла вызвать в рамках текстов новой культуры смешение форм дв. анафорического и множественного числа. В традиционном сознании, являясь своеобразным отражением категорий личности и определенности, двоицы связывались с ограниченным и хорошо известным набором пар. Переход к христианскому почитанию святых разрушал эту замкнутость ряда, внося в упорядоченную группу двоиц новое большое число парно связанных имен святых. В рукописных Прологах отразились попытки в опоре на сюжетно-тематические отрезки текста установить внутреннюю иерархию пар святых — очевидно, в ориентации на традиционные представления, разграничивающие случайные двойственные сочетания от неслучайных, тесных объединений в двоицы. Проявилось это следующим образом. В повествовательных частях древних Прологов анафорическое двойственное в целом употребляется довольно последовательно. Однако в надглавиях свободно допускается мн. ч. вместо предполагаемого согласовательного дв. ч. при двух именах святых. Все надглавия с двумя именами святых разбиваются на три типа:

1. М(с)ца того(ж) въ 3. д[ь]нь. стра(с) с[вя]тою. м[у]ч[е]н[и]ку. сергия и вакха Пр XII—XIII, 14а; М(с)ца того(ж) въ .i. д[ь]нь. стра(с) с[вя]тою м[у]ч[е]н[и]ку. еулампия. и еулампие. брат[...]^асестру Там же, 17 г-18а; М(с)ця ноября. въ .а. днь, усепение с[вя]тою безмезднику. козмы и дамьяна. сыну с[вя]тыя феодотья 42а и др.;

2. М(с)ца того(ж) въ .ла. стра(с)ть с[вя]того. м[у]ч[е]н[и]ка. зиновия. и зиновиЕ 41а; Въ ть(ж) д[ь]нь стр(с)ть с[вята]го м[у]ч[е]н[и]ка. еугения. и макарья 96в; Въ ть(ж) д[ь]нь памя(т) прп(д)бнаго пафнутиа. и офросиниЕ того дъщере. и с[вята]го с[вя]ш[е]ном[у]ч[е]н[и]ка афанасиа 149 а и др.;

3. Въ ть(ж) д[ь]нь. стр(с)ть с[вя]тыхъ м[у]ч[е]н[и]къ. иувенти-

на. и максима 16б; М(с)ця того(ж). в .е. д[ь]нь памя(т). с[вя]-
ты(х) м[у]ч[е]н[и]кѣ. Галактиона. и еписътимъЕ 47а и др.

Можно полагать, что святые, называемые в надглавиях типа I, воспринимаются подобно двойцам. Действительно, имена этих святых спорадически образуют двандва: о(т)иде въ другиѣ ма-
настырь. с[вя]тою **сергии и вакха** 9г. А. Вайан обнаруживает кон-
струкции третьего типа еще в Ассеманьевом евангелии, так что
они не могут быть свидетельством распада дв. ч. Исследователь
считает их ошибочным воспроизведением готовой формулы,
имея в виду абсолютно правильное употребление дв. ч. в целом.¹⁹

В древнерусском Прологе в отдельных редких случаях «не-
правильное» мн. ч. надглавий продолжается в самом повествова-
нии: Въ тѣ(ж). д[ь]нь. стр(с)ть с[вя]т[ы]хъ м[у]ч[е]н[и]кѣ.
нувентина. и максима. **Ти бЕаху** при уалианЕ преступницЕ **по-**
добни суще. въ всЕхъ воинЕхъ. Но далее мн. ч. сменяется «пра-
вильным» дв. ч.: оружие **носяща** предъ ц[а]р[ем]ь. **яже** любляше
мужьства ради ею... и под. Пр XII—XIII, 16 в.

В Прологе 1432 г. анафорическое дв. довольно широко чере-
дуется с формами мн. ч. Дв. ч. в редких случаях употребляется
и вместо мн. ч.: Въ тѣ (ж) д[ь]нь с[вя]то(х) м(ч)нку анфима фа-
лелея христофора евфидора евфимьи и чадъ ея 108а.

Отношения двойности (и связанные с ними формы дв. ч.) со-
держательно оцениваются как архаизм в конце XIV — начале
XV в. Эта датировка вытекает из факта пересмотра ценности
парных синтагм как текстообразующих единиц в произведениях
Епифания Премудрого. «Минимальной синтагмой у Епифания
становится «триада».²⁰ Конечно, это не является лишь чертой
идиостилия, а отражает накопившиеся изменения в ментальной
картине мира.

В этот период происходит содержательное преобразование
наиболее устойчивых, синтагменных, форм дв. ч. Содержатель-
ное преобразование сочетаний с числовым словом «два» соот-
носится с начавшимся распадом синтагм как тексто-речевых
единиц. Этот процесс требует отдельного подробного рассмотре-
ния.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. T. 2: Mor-
phologie. I. p. Flexion nominale. — Lyon, 1958. — P. 311—314

² Ibid. — P. 313, 315; см.: Гамкрелдзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевро-
пейский язык и индоевропейцы. I. Тбилиси, 1984. С. 383.

³ Одри Ж. Индоевропейский язык // Новое в зарубежной лингвистике.
Вып. XXI. М., 1988. С. 48.

⁴ Brugmann K., Delbrück B. Grundriss der vergleichenden Grammatik
der indogermanischen Sprachen. 3. Bd. I. T. Strassburg, 1893. S. 137—139.

- ⁵ Иорданский А. М. История двойственного числа в русском языке. Владимир, 1960. С. 3—6.
- ⁶ Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 517; Краузе В. Тохарский язык // Тохарские языки. М., 1959. С. 55—56; см.: Бенвенист Э. Тохарский и индоевропейский // Тохарские языки. М., 1959. С. 97—98 и др.
- ⁷ См.: Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986. С. 138—139.
- ⁸ Obnorskij S. Dualspuren in der nominalen Deklination des Russischen // Zeitschrift für slavische Philologie. — 2. Bd. — 1928. — S. 61.
- ⁹ Ремнева М. Л. Литературный язык Древней Руси. М., 1988. С. 32—64.
- ¹⁰ Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952. С. 177, 199.
- ¹¹ См.: Шульга М. В. К истории грамматического выражения парности в русском языке // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования, 1982. М., 1985.
- ¹² Vaillant A. Op. cit. P. 313.
- ¹³ Иорданский А. М. Указ. соч. С. 13.
- ¹⁴ Ljukkonen K. Der Ursprung des štokavischen Gen. Pl. auf-ā // Scando-Slavica. 20. 1974. S. 159. См.: Топоров В. Н. Идея святости в Древней Руси: Вольная жертва как подражание Христу — «Сказание о Борисе и Глебе» // Russian literature. — 1989. — Vol. XXV (1). — P. 63, 83.
- ¹⁵ Liukkonen K. Op. cit. S. 159-160
- ¹⁶ Наши работы с разбором Сказания находятся в печати. См.: Жолобов О. Ф. Категория «двоицы» в организации древнерусского текста // Закономерности развития и взаимодействия национальных языков и литератур: (Текст. Коммуникация. Перевод). Ч. 1. Казань, 1989. С. 126—128.
- ¹⁷ Жолобов О. Ф. Лексико-семантические и грамматические факторы в истории слова (на материале имен существительных): Автореф. дис... канд. филол. наук. — Л., 1988. — С. 7—8.
- ¹⁸ См.: Aitzetmüller R. Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft. Freiburg i. Br., 1978. S. 94.
- ¹⁹ Вайан А. Указ. соч. С. 199.
- ²⁰ Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л., 1989. С. 191.

ИСТОЧНИКИ

- Арх. ев. — Архангельское евангелие 1092 г. М., 1912.
- ГА XIII—XIV — Истрин В. М. Книги временные и образные Георгия Мниха: Хроника Георгия Амарта в древнем славянорусском переводе. — Т. I. Пг., 1920.
- Ист. песни — Исторические песни. Баллады. М., 1986.
- Кир. Тур. — Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Т. XIII. М., Л., 1957.
- Мер. пр. — Мерило Праведное по рукописи XIV века. М., 1961.
- Мст. ев. — Апракос Мстислава Великого. М., 1983.
- Остр. ев. — Остромирово евангелие 1056—1057 г. / Изд. А. Х. Востокова. СПб., 1843.
- Пр XII—XIII — Пролог XII—XIII в.: Рукопись ГПБ, Соф. № 1324.
- ПрЛ XIII — Пролог «Лобковский» 1262 г. или 1282 г.: Рукопись ГИМ, Хлуд. № 187.
- Пр1432 — Новгородский Пролог 1432 г.: Рукопись ГПБ, Ф. п. I. 48.
- Усп. сб. — Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971.

С. И. Иорданиди

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМ ТВОРИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Как известно, унификация форм ДП, МП и ТП занимает центральное место в общем процессе преобразования парадигм множественного числа. Распространение флексий **-амь**, **-ахь**, **-ами** и развитие омонимии И—ВП мн. ч. способствует формированию относительно единой парадигмы мн. ч., противопоставляющейся ряду парадигм ед. ч.

Унификация как следствие определенных изменений в содержании категориальных значений существительных в той или иной степени затронула все формы мн. ч., проявилась в ограничении синонимии вариантных флексий. Так, значение ИП мн. ч. существительных мужского рода, представленное в древнерусском языке эпохи первых памятников письменности флексиями **-и**, **-ове**, **-ие**, **-е** (столи, сынове, гостие, камене, горожане), к концу старорусского периода выражается флексиями **-и(-ы)**, **-а**, **-е** (стола, города, горожане). Этот набор флексий не подвергается дальнейшей унификации: между флексиями **-и(ы)**, **-а**, **-е** устанавливаются отношения неполной вариантности. Замещение форм на **-а**, **-е** формами на **-и(ы)** лимитируется грамматически, лексическими и стилистическими условиями. Набор флексий РП мн. ч. остается неизменным на всем протяжении истории языка (**-ъ/-ь**, после падения редуцированных **-∅/-'∅**, **-овь/-евь**, **-еи** — рабъ, конь, сыновъ, гостеи), но имеет место расширение сферы употребления флексий **-овь/-евь**, **-еи** и сокращение сферы употребления флексий **-ъ/-ь** (**∅**, **'∅**) вплоть до лексического ее распределения.

Лишь формы ДП, МП и ТП мн. ч. на **-амь**, **-ахь**, **-ами** представляют собой предельный случай нейтрализации в отношении категориальных различий существительного — словоизменительного класса (типа склонения) и грамматического рода. Флексии **-амь**, **ахь**, **-ами** с вырабатывающимся показателем множественности **-а** вытесняют исконные флексии **-омь**, **-ъмь** в ДП, **-Ехь**, **-ихь**, **-ъхь-**, **-ьхь** в МП и **-ыи**, **-ъми**, **-ъми** в ТП мн. ч. (столомъ, отьцемъ, сынъмъ, гостъмъ: столЕхь, отьцихь, сынъхь, гостъхь; столы, отьци, сынъми, гостъми).

Из всего комплекса вопросов, связанных с проблемой унифи-

кации, наиболее значимыми представляются причины, характер, хронологическая и территориальная приуроченность и последовательность включения разных классов слов в орбиту унификации.

Что касается причин унификации, то они достаточно четко сформулированы в концепции перестройки форм мн. ч., содержащейся в исследованиях В. М. Маркова, К. В. Горшковой, Г. А. Хабургаева, М. В. Шульги.¹

С ориентацией на эту концепцию исследована унификация форм ДП и МП мн. ч. в наших работах² и форма ТП мн. ч. в данной статье.

Унификация форм ТП мн. ч. — распространение образований на **-ами** — определяется и регулируется развитием форм числа и унификацией падежных оппозиций — устранением омонимии И — ВП и ТП мн. ч., актуальной для парадигм типа **плодь, конь** (ИП — плоды, ВП — плоды, ТП — плоды; ИП — кони, ВП — конЕ, ТП — кони). В других типах парадигм этой омонимии не было (ИП села, сынове, гостие, кости, ВП — села, сыны, гости, кости, ТП — селы, сынъми, гостьми, костьми). Это обстоятельство играет немаловажную роль в том, что распространение форм на **-ами** начинается в кругу слов типа **плодь, конь**.³

В древнерусских текстах⁴ обнаруживаются и другие неисконные формы ТП, противопоставленные формам И и ВП мн. ч. — формы на **-ьми/ьми**: глагольми, ангельми, коньми Сб Усп XII—XIII; ножьми Пр XIV (6), 3 б; грЕхъми КТур XII сп. XIV, 221; с рязаньскими князьми и с мужьми ЛИ ок. 1425, 240; городми Гр 1390 (2, ю.-р.) и др. Формы на **-ьми/ьми** распространялись в ходе взаимодействия ***о-, јо-**основ с основами на ***и-** с возможным влиянием на ***јо-**основы со стороны существительных типа **гость**.

Регуляризация форм на **-ами** — явление более позднее, чем распространение форм на **-амь** и **-ахъ** в ДП и МП мн. ч. Традиционные формы ТП широко представлены в письменности разных жанров до середины XVII в.

Существительные мужского рода в XIII—XIV вв. оформляются ископной флексией **-ы/-и**. Примеры из памятников церковно-книжного жанра: съ англы Пар 1271, 262 — 262 об.; с рабы своими Илар Мол XI сп. XIV, 53 об.; предъ бояры ГА XIII—XIV, 90а—б; с безаконьники ГБ XIV, 71 г.; дары любовьными ЖВИ XIV — XV, 16 г. Примеры из грамот и летописей: ЛН XIII — XIV — съ полкы 84 об., 86, 153; съ князи 96 об. — 97; съ своими бояры 89—89 об.; Гр (новг.) XIII — XIV — своими мужи № 1; съ новгородци Там же; мужи новгородьскими № 2;

за мужи твоими № 3, № 7, № 8, № 9, № 10 и др.; Гр (смол.) XIII—XIV — прЕдъ купци 1229 сп. А; межю немци и смолянны сп. Д; подъ горожаны ризЕскими сп. А; с полочаны Гр (полоцк.) 1309, № 3; со усЕми доходы Там же, 1387, № 10; ЛЛ 1377 — с дары 37; съ англы 46; съ князи 43 об.; с бояры своими 61 об.; со всЕми полкы 141 об.; с моими данщики Гр ок. 1367 (моск.); ДДГ XIV — перед своими о(т)ци 1353, 3; с татары 1375, 9; 1389, 12 и др.

Наши материалы свидетельствуют о вовлечении в процесс унификации форм ДП и МП мн. ч. первоначально, кроме существительных среднего рода, существительных-названий лиц мужского пола. В кругу новообразований ТП мн. ч. первыми документируются также слова-названия лиц мужского пола: в новгородской берестяной грамоте конца XIV в. № 167 отмечена новая форма **горюнами (горюнь 'горемыка'** — Сл XI—XVII).

Письменность северо-запада демонстрирует бóльшую активность в сравнении с северо-восточной письменностью в замене исконных форм ТП новыми. В сборнике Синодальной библиотеки № 154 (к. XV — нач. XVI в.) несколько раз засвидетельствованы образования на **-ами**: с новгородцами 54 об., 121, 184 об., 202; с псковичами 54 об.⁵ В двинских грамотах XV в. отмечены следующие новые формы ТП: лЕсами, путиками № 33; орамыи землями и пожнями и ловищи и хмелниками № 90; истоками № 111.

Соотношение старых и новых флексий ТП в грамотах северо-западного ареала XIV—XV вв. представлено следующим образом: новгородские грамоты — 36:1; берестяные — 0:1; псковские — 7:0; онежские — 13:0; двинские — 29:11.⁶

В московской деловой письменности XV в. исконные формы ТП мн. ч. сохраняются: ДДГ — со всеми станы 17, 47; со всЕми прикупы 20, 56; под теми двory 86, 347; з новгородци 53, 161; с торускими князи 47, 144; АСВР — с наволоки 523, 399; с послы 403, 295; с возы 352, 258; с лесы и пожнями 167, 500 и мн. др. Отмечается также некоторое распространение форм ТП на **-ми**: ДДГ — с великими князми 70, 233; 72, 253; 76, 233; 76, 287; под великими князми 76, 285; АСВР — конми... торговати 226, 161; своими конми 254, 183; с моими конми 133, 103; с его мужми 604, 501 и др. Форма на **-ами** зафиксирована один раз: год нашими братаничами АСВР, 37, 106.⁷

Немногочисленны новые формы в письменности юга и юго-запада. В украинских грамотах XV в. — зо всеми доходами, зъ ставами, зъ млынами, зъ их вымелками, зъ лесами и зъ борами, гаями — отмечаются на фоне широкого массива традиционных форм: съ сыны, съ доходы, со млины, съ хотари, съ земляны,

съ бояры и др. Нередки формы на **-ми**: съ приятельми, хотарми, с попми, съ господарми, съ конми, калугерми, с нашими кнзми, городми, грошми, мужми.⁸ Аналогичная ситуация наблюдается в старобелорусской письменности XV в.

В XVI в. в памятниках разных жанров различной территориальной принадлежности число новых форм еще невелико. Так, Б. Унбегаун отмечает лишь один пример в московских деловых документах этого периода: за сотниками.⁹ В «Судебниках», по наблюдениям В. М. Маркова, зафиксировано три образования на **-ами**: исцами Суд 1589, 21 об., 23; складниками Там же, 67. В «Судебнике» 1550 г., но в списках XVII—XVIII вв., также отмечается ТП на **-ами**: с целовальниками, перед намесниками, перед их тиунами, перед исцами. Ведущей флексией в «Домострое» остается традиционная флексия **-ы(-и)**.

Малое число образований на **-ами** представляет новгородская деловая письменность XVI в.: владели лесами, меж своими волошанами, поездами. Господствующее положение по-прежнему занимают исконные формы ТП: с лесы, с тыны, с ыными сябры и т. д.

ТП на **-ами** обнаруживается в Псковской судной грамоте (сп. XVI в.): с приставами 10 об. (но — пред приставы 10).

Обилием новых форм отличается «Назиратель»:¹⁰ рвами 29 об.; засовами 30; цвЕточками 30 об.; огородами 32; столпцами 35 об.; сундуками 37 и др. Старые формы немногочисленны: меж винограды, меж лЕсы, двама ряды, четырьмя ряды. Зафиксированы также образования на **-ми**: овощьми, плетеньми, коньми и др.

Формы ТП на **-ами** медленно распространяются в языке деловой письменности. Так, в первой половине XVII в. они встречаются в 21 раз реже старых.¹¹ В «Уложении» 1649 г. образования на **-ами** все еще довольно редки: прудами 7, 90; съ ысками 18 об.; дворами 177; погребями 256 об. и др. (но — зъ бояры, за городовыми дворяны 32, 205, 262 об. и мн. др.). С флексией **-ами** выступают также существительные, основа которых во мн. ч. осложняется суффиксом **-j-**: съ... братьями 219; за мужьями 196; с сыновьями 196 и др.

Деловые документы II половины XVII в. отражают значительную активизацию ТП на **-ами**. В частной переписке XVII в.¹² засвидетельствованы следующие формы на **-ами**: съ Ездоками № 4, 153; за городами № 5, 21; з дьяками № 6, 66; тремя углами № 52, 202; возами № 54, 45; лугами № 56, 179; за салдатами № 78, 57; с приписными дворами № 117, 131 и нек. др. Однако старые формы преобладают.

Более активное распространение форм на **-ами** отражено в

«Грамотках XVII — начала XVIII века»: сто рублями 90, 57; конскими кормами 131, 74; с конюхами 143, 80; съ ездоками 304, 160; з жителями 304, 160 и др. (но — своими доброжелатели, всякими запасы и др.). Здесь же отмечаются формы на **-ми**: съ якорми 378, 221; конми 359, 199; соболми 332, 175 и др.¹³

Шуйская деловая письменность XVII в. отражает преимущественное употребление ТП на **-ы(-и)**: съ лесы, с храмы, безделными составы и др. Формы на **-ами** отмечаются в следующих случаях: покосами, хомутами, кулаками, толчками, за теми розбойниками, загонами, с огородами, с топорками, с кистенями. По данным Т. С. Ворошиловой, существительные мужского рода в 76,6% случаев оформляются флексией **-ы(-и)** и в 23,4% — флексией **-ами**.¹⁴

Колебания в употреблении старых и новых форм ТП наблюдаются в калужской письменности XVII в. Старые формы — за калужаны, всякими сыски, хлЕ(б)ными запасы, пере(д) дяки, с товарищи и др. Новые формы — по(д) ду(б)ками, за го(н)цами, за попами, хо(л)стами, с ...ямщиками.¹⁵

Наличие образований на **-ы(-и)** отражает псковская письменность. Материалы грамот XIV—XV вв. в списках XVII в. и грамоты XVII в. содержат следующие примеры: с сябры, з горожаны, с свояки и др. Отмечаются формы на **-ами**: над уездами, теми монастырями.

В южнорусской деловой письменности XVII в. образования на **-ами** документированы многочисленными примерами: с пушкарями 1, 4; с кустами 1, 561 об.; с своими себрами 1, 200; кверху рогами 2, 980 об.; всякими списками 9, 848 об. (но — с помешки, с санными покосы и др.)¹⁶

Церковно-книжная письменность отличается консервативностью в отношении усвоения форм ТП на **-ами**. Значительное количество форм на **-ы(-и)** сохраняется на протяжении XVII—XVIII вв.

Особенно велико число традиционных форм в памятниках, ориентированных на книжно-славянский тип языка. Преимущественное употребление форм на **-ы(и)** отмечается, например, в «Сказании» Авраамия Палицына: пророцы со апостолы и со архангелы и ангелы 12; златыми и серебряными сосуды 25 и др.¹⁷

Последовательное сохранение старых форм характерно для ранних бытовых повестей. В «Повести о Горе-Злосчастии» ТП на **-ами** зафиксирован лишь один раз (с... неводами) при многочисленных формах на **-ы(и)**: с други, с своими родители и др. Старые формы ТП регулярны в «Повести о Савве Грудцыне»: зубы своими и др. «Повесть о матросе Василии» и «Повесть о

Фроле Скобееве» демонстрируют широкое распространение флексии **-ами**: возниками, рублями, разбойниками и т. д.¹⁸

В «Житии» Аввакума отчетливо просматриваются различия в оформлении существительных в бытовых контекстах и в контекстах с церковнославянской фразеологией. В первых многочисленных образования на **-ами** (з бубнами 200 об.; зубами 199 об.; с татарами 238; шелками 208 и др.), во вторых — формы на **-ы(-и)** (со ангелы 194, гласы 268 об.; глаголы 240 об. и др.).

Преимущественное употребление форм на **-ами** отмечается в сочинении Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича»: боярами 24, 41; верхами 29, 33; гонцами 42; животами 128 и мн. др.

Для языка «Ведомостей» первого десятилетия XVIII в. характерно уже значительное распространение форм на **-ами**: съ французскими кораблями 1703, № 2; со всеми животами 1703, № 11; съ цесарцами 1703, № 12 и др. Примеры традиционных форм: между солдаты, с пограничными иноземцы и др.

Ряд образований ТП на **-ы(и)** зафиксирован в сатирах А. Д. Кантемира: басурманы, латины, нравы, писцы и др. Новые формы: сапогами, узлами, псарями и др.

Случаи употребления форм ТП на **-ы(-и)** наблюдаются в литературном языке на всем протяжении XVIII в. В поэзии В. Тредиаковского обнаруживаются такие примеры, как: всеми гражданы, поля с цветы и под. Аналогичные образования встречаются в языке Ломоносова: со многими народы, с печенегы, с подвижники, твоими персты, всевозможными образы, с роды своими и др. Во второй половине XVIII в. ТП на **-ы(-и)** функционирует как архаическая книжная форма: со шведскими министр, со всеми... служители Нащокин, Зап.; всеми образы Хемн., с египтяны Держ. и др.¹⁹ В последующий период — на протяжении XIX в. формы на **-ы(-и)** служат стилистическим целям — для архаизации речи, часто в иронически окрашенных контекстах.

Наряду с флексией **-ами**, универсальной для литературного и диалектного языка, в говорах имеет распространение ряд вариантных флексий ТП. Для севернорусского наречия (кроме говоров крайнего Севера и северо-западных говоров) характерны формы ТП на **-ам**, омонимичные формам ДП. Они фиксируются также в варианте **-ым(-им)**.²⁰ Флексия ТП **-ам** оформляет существительные любого грамматического класса и типа склонения: с дельгам, за грибам, с красным девушкам, за кустам, с лошадям, за воротам и мн. др. В говорах с ТП мн. ч. на **-ам** возможны формы ДП мн. ч. на **-ами**, **-ми**: по буднями, детьми давали, лошадьми даст овса, по дорожками гулять, по

камями ходить худо. В случаях Т=ДП на **-ам** и Д=ТП на **-ами** имеет место свертывание падежных противопоставлений — нейтрализация оппозиции Д—ТП мн. ч.

В северо-западных и западных говорах известно окончание **-амы**: деньгамы, грибама, со змеямы, когтямы.

Формы ТП мн. ч. на **-ама(-има, -ыма)** распространены в севернорусских говорах и говорах, пограничных с территорией Белоруссии: рукама, ногама, за людяма, вилыма, лопатыма, чернылыма, конима, монахима, проездама, скорома темпама и др.

Формы ТП мн. ч. на **-ыми(-ими)** встречаются во многих среднерусских говорах — Владимирской, Московской, в областях к востоку от Москвы, в большей части южнорусских говоров: с кошкими, с девкими, с поискими, колечками, гусими, дядими, тетими и под. Формы на **-ими/ыми**, по нашим наблюдениям, зафиксированы в письменности XVII в.: с книгами Петра Клыпина посылку поудержи; за иконами гедрь твоими ходил многожды.

В говорах образования ТП мн. ч. на **-ими** представлены очень широко. В рязанской Мещере Р. И. Аванесов отмечает следующие примеры: с песними, с парними, спашними, с крыльни, с ружьими, прутьими, анбарьими и мн. др. Флексия **-ими** появляется в безударном положении, флексия **-ами** в говорах, где имеют распространение формы на **-ими**, всегда ударна.

В староукраинском и старобелорусском языках формы ТП на **-ами** получают распространение во второй половине XVII в. Староукраинская письменность этого периода представляет следующие примеры с флексией **-ами**: сусЕдами, шевцами, волами, полковниками, козаками и др. Менее частотны в деловой письменности формы на **-ми**: конми, кунми, жителми, кийми. Обращение к материалам письменности XVI в. свидетельствует, что процесс развития новообразований протекает медленно. В «Няговских поучениях» отмечена форма **королями**, в других разножанровых источниках зафиксированы такие формы, как: съ столъбами, сынами, гайдуками. Некоторое распространение имеют образования на **-ми**: пре(д) неприателми, съ сынми, грЕхми и т. д.

Основной флексией в говорах украинского языка является флексия **-ами**. Однако в лемковских, закарпатских, гуцульских говорах, на Житомирщине фиксируются формы ТП мн. ч. на **-ы(-и)**: тима часы, перед образы, плуги, винограды. Шире, чем в других, распространены формы на **-ми** в карпатских говорах: син'ми, браг'ми, вѣлми, сынми, палцми и др.

Письменность старобелорусского языка XVI в. представля-

ет небольшое количество образований на **-ами**: конниками, сольвами, лугами, зубами и др. В XVII в. число подобных примеров уже значительно. Распространены также формы ТП на **-ми**: витезми, прокураторъми, лесми, мужми, грѣхми и др. Отмечаются и традиционные формы на **-ы(-и)**: пердь сусѣди, съ товары, з немци и др.

В современных белорусских говорах основной флексией ТП является **-ами**: за дамами, нажами, снапами. Значительное распространение имеют формы на **-ам** (омонимичные ДП мн. ч.): за дамам, за хлапцам; отмечаются также образования на **-ми**, **-амы** и **-ама**: коньми, сныпамы, дворама и др.

Наблюдения над развитием образований на **-ами** по памятникам письменности XII—XVII вв. позволяют сделать некоторые выводы. Письменность разной территориальной и хронологической приуроченности неравномерно отражает ТП мн. ч. на **-ами**. На раннем этапе отчетливо прослеживается противопоставление документов северо-запада и северо-востока. Новгородские и двинские грамоты свидетельствуют о распространении форм на **-ами** в XIV—XV вв., грамоты северо-восточной Руси XV — нач. XVI вв. отражают лишь единичные примеры. Довольно регулярные свидетельства активности форм на **-ами** представляет юго-западная письменность XVI в. Материалы московской письменности дают основания утверждать, что здесь распространение форм на **-ами** осуществляется менее интенсивно вплоть до второй половины XVII в. Первый этап в развитии новообразований связан с существительными — названиями лиц мужского пола определенных структурных и акцентных свойств — это неодносложные слова с подвижным ударением (ед. число — ударение на основе, мн. ч. — ударение на флексии).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Марков В. М. Историческая грамматика русского языка: Именное склонение. — М., 1974; Горшкова К. В. История славянских числовых парадигм как сложное взаимодействие словоизменения и словообразования. — М., 1978; Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. Историческая грамматика русского языка. — М., 1981; Шульга М. В. Развитие морфологической системы имени в русском языке. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1988; Иорданиди С. И., Шульга М. В. Морфологическое выражение категории рода в истории русского языка // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования, 1981. — М., 1984. — С. 187—228. Кроме названных см. другие публикации этих авторов по данной теме.

² См.: Иорданиди С. И. Унификация форм дательного, местного и творительного падежей множественного числа существительных в истории восточнославянских языков. I // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования, 1985 — 1987. — М., 1989. — С. 229 — 244; Она же.

Из истории форм местного падежа множественного числа существительных в русском языке // Исследования по исторической грамматике и лексикологии. — М., 1990. — С. 132—153.

³ В описании истории форм ТП мн. ч. мы ограничиваемся кругом существительных мужского рода (кроме сущ. типа *гость*, вовлеченных в процесс унификации на более позднем этапе). Сущ. ср. рода, играющие приоритетную роль в унификации форм ДП и МП мн. ч., из-за лимита места исключены из данного описания.

⁴ Сокращения названий источников соответствуют принятым в СДРЯ (I, 28—68).

⁵ Каринский Н. Язык Пскова и его области в XV в. — СПб., 1909. — С. 74.

⁶ Харальдссон Х. Система склонения имен существительных в русской деловой письменности северо-запада в XIV—XV вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1971.

⁷ Махароблидзе Г. А. Склонение имен существительных в московских деловых документах XV в.: Дис. ... канд. филол. наук. — М., 1954. — С. 200.

⁸ Из-за ограниченности места ссылки источников и работ по исторической морфологии и диалектологии украинского и белорусского языков, из которых извлечены примеры форм ТП мн. ч., не приводятся. См. наши статьи по истории форм мн. ч.

⁹ Untegauв В. La langue russe au XVI e siècle: Morphologie. — Paris, 1935. — P. 197.

¹⁰ Назиратель / Изд. подгот. В. С. Голышенко, Р. В. Бахтурина, Н. С. Филипова. — М., 1973.

¹¹ Молчанова Н. Ф. Унификация форм имен существительных в дательном, местном и творительном падежах мн. числа: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1965. — С. 11.

¹² Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — нач. XVIII века / Сост. С. И. Котков, Н. П. Панкратова. — М., 1964.

¹³ Грамотки XVII — начала XVIII века / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, Н. П. Панкратова. — М., 1969.

¹⁴ Ворошилова Т. С. Из истории именного склонения (по материалам шуйских памятников деловой письменности XVII в.) // Вопросы истории и теории русского языка. — Вып. 2. — Калуга, 1969. — С. 168—170.

¹⁵ Савченко Н. Ф. Из морфологии калужских говоров XVII в. // Учен. зап. МОПИ. — М., 1964. — Т. 148, вып. 10. — С. 512.

¹⁶ Памятники южновеликорусского наречия: Отказные книги / Сост. С. И. Котков, Н. С. Коткова. — М., 1977.

¹⁷ Фоменко Ю. В. К вопросу об именном склонении в русской письменности XVII в. (на материале Сибирских летописей) // Учен. зап. МГПИ. — М., 1964. — Вып. 10. — С. 402—403.

¹⁸ Фролова С. В. Именное склонение в русской оригинальной бытовой повести XVII—XVIII столетий // Учен. зап. Куйбыш. пед. и учит. ин-та. — Куйбышев, 1948. — Вып. 9. — С. 223—226.

¹⁹ Очерки исторической грамматики русского литературного языка XIX в. — М., 1964. — С. 266.

²⁰ Ареалы распространения форм ТП мн. ч. по говорам более подробно представлены в книге С. В. Бромлей и Л. Н. Булатовой «Очерки морфологии русских говоров». (М., 1972. С. 110—112). Примеры см. также в работах Обнорского, Борковского, Аванесова, Орловой, Кузнецова, Черных, Чернышева, Расторгчева, Ягодинского, Баранниковой, Дедюхиной, Олениной, Саблиной, Царевой и др.

М. В. Шульга

ОБ ЭВОЛЮЦИИ РУССКОЙ ПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЫ

Ни одно из склоняемых слов не реализует всю систему падежных противопоставлений посредством особых флексий. Это обстоятельство позволяет говорить о падежном синкретизме в русском склонении, или об омонимии падежей. Проблемы падежной омонимии имеют важное теоретическое значение. В. В. Виноградов рассматривал падежную омонимию как «морфологическую базу для развития аналитического строя¹, как свидетельство ослабления роли флексий и роста значения префиксов-предлогов².

Действительно, система падежных противопоставлений древнерусского языка в целом сложнее, чем в современном языке. На протяжении исторического развития русского языка были нейтрализованы некоторые падежные оппозиции, в частности, оппозиция Р. ед. и Д.-М. ед. жен. в субстантивном склонении (по говорам) и в адъективном склонении (шире, но также не во всех говорах), оппозиция И.-В. мн. муж. в субстантивном и в адъективном склонениях (повсеместно) и др.

Однако, наряду с нейтрализацией падежных оппозиций, в истории имен наблюдались и явления противоположной направленности: возникло падежное противопоставление Т. мн. муж. и И.-В. мн. на месте омоформы И.-В.-Т. мн. муж.; была разрушена омонимия Р.-Д.-М. ед. жен., образовавшаяся в части говоров в парадигме типа **земля** в ходе взаимодействия твердой и мягкой разновидностей склонения, а также исконная омонимия форм Р.-Д.-М. ед. типа **грязи**; появились новые падежные оппозиции у существительных муж. рода (родительный партитивный, изъяснительный).

В некоторых звеньях падежной системы произошла трансформация падежных оппозиций: омоформа И.-В. ед. муж. у одушевленных существительных и согласующихся с ними слов была вытеснена омоформой В.-Р. ед.; параллельно с формированием омонимии И.-В. мн. муж. развивалась омонимия В.-Р. мн. у одушевленных существительных и в соответствующих адъективных формах.

Совокупность этих фактов вряд ли свидетельствует о нарастании аналитизма в склонении. Более перспективным оказы-

вается взгляд на перестройку системы падежных форм, исходя из «точной связи между падежами и прочими морфологическими категориями данного языка», как сформулировал эту проблему Р. Якобсон³. Трансформация, нейтрализация и возникновение новых падежных оппозиций обусловлены эволюцией грамматических категорий имени существительного. Падежные противопоставления являются одним из средств выражения именных грамматических значений.

Поводом для такой нетрадиционной постановки вопроса могут служить грамматически значимые различия в системе падежных противопоставлений при оформлении категории лица/не-лица, затем одушевленности/неодушевленности. Последнее явление типологически чрезвычайно интересно и по-своему уникально. В историческом плане оно сигнализирует о появлении в русском языке принципиально нового морфологического средства: основным средством выражения грамматических значений здесь являются падежные противопоставления: **видЕти отьца** — значению лица (одушевленности) соответствует омонимия В. и Р. падежей; **видЕти столъ** — значению не-лица (неодушевленности) соответствует омонимия В. и И. падежей.

Форма В. падежа, омонимичная родительному, встречается уже в древнейших памятниках славянской письменности. Но на раннем этапе она не регулярна (синтаксически ограничена позицией прямого дополнения, а семантически — значением потенциального агенса) и, что очень важно, выступает в комплексе с традиционными средствами выражения грамматических значений — с падежными флексиями. Названия лиц мужского пола (потенциальный агент) имели специфическую форму Д. ед. на **-ови/-еви** (отцеви), форму И. мн. на **-ове/-еве (отъцеве)** и другие морфологические признаки. Между падежными противопоставлениями и флексиями как средствами выражения значения лица наблюдались отношения дополнительного распределения: по мере регуляризации в употреблении В.-Р. ед., снятия с формы В.-Р. ед. синтаксических и семантических ограничений уменьшалась роль флексий. На собственно русской языковой территории флексия **-ови** как показатель лица выходит из употребления с XIII века. На протяжении XIII—XIV веков в памятниках сужается круг образований с флексией **-ове**. Падежные противопоставления становятся грамматическим средством в том же смысле, в каком говорится о флексии как о средстве выражения грамматических значений.

Система падежных противопоставлений проявляет себя в динамике как важный элемент структуры языка и в известной

мере регулирует развитие морфологического строя. В частности, она определяет специфику грамматического проявления значений лица/не-лица, одушевленности/неодушевленности во мн. числе сравнительно с единственным числом.

Мн. число следует за единственным в формировании омонимии В.-Р. падежей с отставанием в несколько веков. У названий лиц муж. пола форма В.-Р. ед. отмечается в письменности, начиная с древнейших памятников, но регулярной становится на протяжении XIV в. Во мн. числе она распространяется на протяжении XIV—XV вв. (единичные примеры относятся к XIII в.). Исследователи специально отмечают производный, вторичный, отражательный характер «личных» форм мн. числа: омонимия В.-Р. мн. складывается сначала у того круга существительных, которые закрепили В.-Р. в ед. числе, например, **новгородьць, разбойниковь, князии**⁴. Все это слова, изменяющиеся по одной словоизменительной модели.

Однако позднее омонимия В.-Р. падежей распространяется на все личные имена, т. е. и на те категории слов, которые, склоняясь по другим словоизменительным моделям, в ед. числе стоят вне категории лица/не-лица. Такими были названия лиц муж. пола на **-а (староста)**, названия лиц жен. пола на **-а** и **-ь (сестра, дочь)**, некоторые слова ср. рода (**чадо**). По свидетельству П. С. Кузнецова, они появляются в форме В.-Р. мн. с XV в., раньше, видимо, существительные муж. рода на **-а**, а с XVI в. — и существительные жен. и ср. рода:⁵ грабили моихъ... **слугъ** (Гр 1433, ДДГ, № 30); А что судиль Киприанъ Митрополить судей нашихъ обчихъ (Гр. ок. 1439, ДДГ, № 37); даю с(ы)ну своему Михаилу своихъ людей холоповъ и **робъ** (Гр до 1497, сп. XV/XVI); пожаловаль есми... игуменью Марфу, да **стариць** Александру Есиповскую, да Оксинью Елизаровскую, да Анну Окинфовскую, и ихъ **сестрь** тридцати и трехъ **стариць** и с игуменью (Гр 1513, ААЭ I); государи бы... людей своихъ мужей и **жень** и **ребяты** и всякихъ **слугъ** жаловали (Дм. К. XVI); **вдовиць** и **сиротъ** покоити достойно (Там же); **Благословляю...** и ихъ **чадь** и **домочадцевъ** (Там же); А которыЕ посадскиЕ люди давали **дочереи** своихъ **дЕвокъ** за **волныхъ** за всякихъ людей (Ул. Ал. 1649).

Чем можно объяснить тот факт, что мн. число в оформлении значения лица выходит за пределы круга лексики, предопределенные ед. числом? Означает ли это, что мн. число в оформлении значения лица приобретает независимый по отношению к ед. числу характер? Вряд ли, потому что распространение формы В.-Р. на названия животных также проходит поэтапно: мн. число отстает от единственного, как и при грамматикализации зна-

чения лица. В ед. числе омонимия В.-Р. у названий животных складывается на протяжении XIV—XVI вв., во мн. числе — только в XVII—XVIII вв.

Примечательно, однако, то, что разрыва в фиксации словоформ В.-Р. мн. муж. рода (**коней, мериновъ**) и жен. рода (**лошадей, коровъ**) на этом этапе не замечается. Так, один из наиболее ранних примеров — от слова жен. рода, а не мужского: а оу тои привады **птиць** прикормить... и **птиць** отъ тои привады отгонить (Ул. Ал. 1649). В Грамотках XVII в.: изволь ты спросить у Дешъка какъ он продавалъ **коровъ**; на дороге телеги покинули и бежали скорым обычаем **лошадеи** поморили.

Очевидно, что ответ на поставленный вопрос следует искать в особенностях мн. числа, сложившихся не ранее XV века и стабильно проявляющихся на протяжении XVI—XVIII веков. «Приобретение и существительными женского рода формы родительного-винительного, возможно, отражает общий процесс объединения родов во множественном числе...», — это предположение П. С. Кузнецова⁶ представляется оправданным. Однако оно нуждается, на наш взгляд, в одном уточнении: здесь уместней говорить не столько об объединении родов (родовых флексий? родовых парадигм?), сколько об объединении системы падежных противопоставлений всех родов. Для категории, выражаемой через падежные оппозиции, какой является категория лица/не-лица, решающей является общность падежной системы во мн. числе, которая в прямых падежах в XV веке вполне сформировалась. Этот ход рассуждений подтверждается при переходе от категории лица/не-лица к категории одушевленности/неодушевленности. В XVII—XVIII веках мн. число уже сформировалось как единая падежная система. Этим мы объясняем одновременное распространение омонимии В.-Р. падежей на все (в отношении грамматического рода) названия животных.

В общем виде логика событий представляется нам следующей. Категория лица/не-лица формируется и функционирует в ед. числе в пределах одной частной падежной системы⁷ (к XIV веку). Это предопределено тем, что значения лица и не-лица выражаются через оппозицию падежных форм. Сама категория представляет собой две подсистемы, противопоставленные в рамках одной падежной системы. Соответственно и во мн. числе она распространяется в пределах одной (соотносительной с ед. числом) частной падежной системы (XIV—XV века). По мере унификации падежной системы мн. числа (по крайней мере, частичной: унификации отношений И. и В. падежей) его две частные падежные системы сливаются в одну. Категория лица/не-лица распространяется в новых пределах одной частной па-

дежной системы и таким образом захватывает названия лиц «женского» склонения: Р. мн. **старость, сестрь** (XV—XVI века).

Омонимия В.-Р. падежей у названий животных формируется в ед. числе (XIV—XVI века) на базе той же одной частной падежной системы, что и у названий лиц, и распространяется на все мн. число как на уже вполне сложившуюся единую падежную систему. В этом смысле можно, на наш взгляд, говорить о том, что система падежных противопоставлений регулирует сферу проявления категорий одушевленности/неодушевленности и лица/не-лица.

При описании категории одушевленности/неодушевленности в традиционном аспекте в поле зрения исследователей попадает, прежде всего, непоследовательность выражения значения одушевленности в ед. и мн. числе в отношении к грамматическому роду. Грамматический род является важным, но не основным «параметром» рассматриваемого явления, потому что в ходе эволюции категории одушевленности/неодушевленности род пассивен, он не проявляет себя как работающий признак не только во мн. числе, но и в единственном. Так, у слов муж. рода типа **староста** лексическое значение одушевленности не получает выражения в парадигме ед. числа. Если же рассматривать одушевленность/неодушевленность как категорию, выражаемую через падежные оппозиции и (поэтому) в пределах частной падежной системы, то совершенно очевидно, что она «симметрична», т. к. имеет адекватное выражение в ед. и мн. числе.

Падежные противопоставления являются основным средством выражения категорий лица/не-лица и одушевленности/неодушевленности. В грамматическом оформлении категорий рода и числа падежные оппозиции проявляют себя как важное дополнительное средство выражения грамматических значений. Нам уже приходилось писать о том, что сближение существительных одного грамматического рода может осуществляться не только за счет устранения различий во флексии падежных форм, но и за счет унификации систем падежных противопоставлений при сохранении различий во флексиях.⁸ Особенности в системе падежных противопоставлений характеризуется также каждое грамматическое число. В исторический период унификация мн. числа осуществлялась не только путем устранения различий в падежных флексиях; интенсивней и последовательней была унифицирована система падежных противопоставлений в формах мн. числа.⁹ Все это позволяет поставить эволюцию русской падежной системы в связь с развитием других грамматических категорий имени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **Виноградов В. В.** О грамматической омонимии в современном русском языке // Избранные труды: Исследования по русской грамматике. — М., 1975. — С. 19.

² **Виноградов В. В.** Русский язык: Грамматическое учение о слове. — М., 1947. — С. 176.

³ **Якобсон Р.** Морфологические наблюдения над славянским склонением (состав русских падежных форм) // Избранные работы. — М., 1985. — С. 195.

⁴ **Мадоян В. В.** Категория одушевленности имен существительных в древнерусском языке (на материале памятников северо-западной Руси XIII—XIV веков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1980.

⁵ **Кузнецов П. С.** Очерки по исторической морфологии русского языка. — М., 1959. — С. 104.

⁶ Там же. — С. 104.

⁷ Понятие частной падежной системы, предложенное Л. Ельмслевом, означает, что каждый класс склонения имеет свою частную падежную систему, которая отличается от общей падежной системы и от других частных систем по количеству различаемых в ней форм и по характеру падежного синкретизма.

См.: **Hjelmslev L.** Sur l'indépendance de l'épithète.—København, 1956.—Р. 6.

⁸ **Шульга М. В.** К интерпретации падежной омонимии в русском склонении // Вопр. языкознания. — 1985. — № 2.

⁹ **Шульга М. В.** К истории именительного-винительного падежа множественного числа // Синонимия и смежные явления в русском языке. — Ижевск, 1988.

ИСТОЧНИКИ

ААЭ I — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Академии наук. — СПб., 1836. Т. I.

Грамотки — Грамотки XVII — начала XVIII века. — М., 1969.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV — XVI вв. — М.; Л., 1950.

Дм. К. XVI — Домострой по Коншинскому списку и подобным // Чт. в О-ве ист. и древностей рос., — 1908. — Кн. 2. — С. 1—61.

Ул. Ал. 1649 — Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 г. — М., 1961.

Л. И. Игнатьева

СУБСТАНТИВАЦИЯ КАК ФАКТОР ВАРИАНТНОСТИ В ГРУППЕ НЕИЗМЕНЯЕМЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Академическая грамматика 1980 г. относит иноязычные по происхождению слова в сочетаниях типа стиль **ампир**, номер **люкс**, язык **эсперанто**, томат-пюре, волна **цунами** и т. п. к именам прилагательным нулевого склонения, одновременно указывая на способность некоторых из них выступать и в роли существительных¹.

Как доказывают многие исследования, группа неизменяемых прилагательных (НП) интенсивно пополняется в современном литературном языке как за счет новых заимствований, так и в результате лексикализации определенных компонентов сложных слов². Тем самым в состав НП включаются иноязычные имена с атрибутивной функцией (типа языки **банту**, конфеты **ассорти**), а также примыкающие определительные компоненты сложных и сложносоставных слов (типа **видео**показ, **джаз-музыка**), способные к автономному употреблению. Не представляя единства в структурно-грамматическом отношении, все они оказываются вовлеченными в процесс субстантивации, который становится источником вариантности в этой группе прилагательных.

Субстантивные сочетания с НП и образованные на их основе существительные формируют варианты пары типа: язык **эсперанто** /эсперанто, радиоприемник/ радио, видеомагнитофон /видео, рок-музыка/ рок, стиль **ампир** /ампир, шампанское брют /брют, мини-юбка/ мини и мн. др. Ряды субстантивирующихся и субстантивированных форм, реализуя семантико-синтаксический способ экономии языковых средств, представляют явление синтаксического эллипсиса. Оно заключается в свертывании, сжатии двукомпонентной единицы номинации в целостное по структуре наименование: букет **икебана**→**икебана**, волна **цунами**→**цунами**, стиль **ретро**→**ретро**, **дизель-поезд**→**дизель**, **фотография**→**фото** и мн. др. Стяжение сопровождается процессом семантического включения, когда значение наименования с НП в тексте репрезентирует одно, ударное в смысловом отношении слово — субстантивированное заимствование. Так, яр-

ким, грамматически оформленным проявлением синтаксического эллипсиса оказывается процесс субстантивации НП, порождающий целый пласт вариантных форм.

Сосуществование в функционирующей языковой системе двусловных наименований аналитического типа и субстантивированных слов, вычленившихся из них в результате эллиптического опущения существительного, приводит к возникновению вариантных соотношений между разноструктурными образованиями.

Как различные формально-грамматические реализации одной и той же смысловой единицы, они лексически тождественны и способны заменять друг друга в пределах некоторых контекстов. В сознании носителей языка сочетания с НП и эквивалентные им слова существуют параллельно и постоянно конкурируют: **Машины мини** играют все большую роль в мире автоматизации (Наука и жизнь.—1982.—№ 6.—С. 100) — Японские заводы, напротив, проявили с середины 60-х годов живой интерес к **мини**, особенно к самым маленьким моделям первой группы машин (Наука и жизнь.—1980.—№ 2.—С. 45); Такие [подводные] землетрясения вызывают огромные **волны-цунами**, которые, достигая берегов, производят страшные разрушения (Мезенцев, Энциклопедия чудес³) — И в наше время **цунами** по-прежнему приносит огромный материальный ущерб жителям прибрежных районов Курильских островов (Сов. Россия. — 1986. — 14 янв. — С. 3). Заменяя равнозначенные аналитические сочетания субстантивного типа, иноязычные имена меняют свои синтаксические свойства и получают отчетливое грамматическое завершение как существительные.

Таким образом, неизменяемые заимствования с атрибутивной функцией вовлекаются в процесс субстантивации, который активно протекает в современном русском языке. Грамматическая регулярность в образовании однословных субстантивов на базе эквивалентных сочетаний с НП иноязычного происхождения позволяет считать, что отношения между этими разноструктурными единицами носят системный характер.

Так, пары типа: кинофильм / кино, резус-фактор / резус, пальто реглан / реглан, колбаса салями / салями, языки банту / банту и т. п. — удовлетворяют критериям грамматической системности, функционально-семантической эквивалентности и регулярной взаимозаменяемости, поэтому их следует признать грамматическими вариантами.

Специфика грамматического варьирования в группе НП, которое является прямым следствием их субстантивации, обуслов-

лена, во-первых, иноязычным происхождением этих лексических единиц и, во-вторых, относительно новым явлением лексикализации определительных компонентов сложных слов типа **аэро, видео, стерео** и т. п.

Процесс адаптации заимствований становится одним из существенных факторов, стимулирующих вариантность двусловных сочетаний аналитического типа и субстантивированных иноязычных имен. Дело в том, что синтаксические конструкции с неизменяемым заимствованием уже давно превратились в русском языке в удобную грамматическую модель для ассимиляции новых слов. Их приемлемость для литературного языка и нормативность определяются внутренними закономерностями — ростом в современном русском языке аналогичных по структуре конструкций с примыкающим определителем типа в городе **Раменское**, в газете **«Правда»**, поединок **«Водник»** — **«Локомотив»**, которые достаточно полно освещены Н. Ю. Шведовой⁴, отмечающей, что несклоняемость собственного неличного названия в роли приложения становится, если уже не стала, фактом литературной нормы.

У ряда слов лексическая и грамматическая адаптация в языке происходят одновременно. Семантическая стабилизация нового слова осуществляется гораздо быстрее, чем его морфологическое освоение (т. е. приписывание к определенной парадигме), что объясняется причиной заимствования — потребностью в номинации. Семантически полноценное слово необходимо как средство общения. Обособление нового слова в лексической системе подчиняется, прежде всего, требованию семантической регулярности, которое сводится к четкому, симметричному распределению категориальных и дифференциальных признаков. Именно поэтому в начале освоения заимствование вступает в тесную связь с исконным словом, обозначающим родовое понятие, примыкая к нему в неизменяемой форме: пальто реглан, сатин либерти, чулки гольф, танец брейк, игра го, гимнастика ушу, стиль рэп и мн. др. Главный компонент в словосочетании — категоризатор понятия, или детерминатив, — вводит иноязычное слово в грамматическую и лексическую систему. Он служит средством узнавания нового слова, определяет его тематическую отнесенность и несет на себе грамматическую нагрузку, осуществляя связь заимствования с другими словами в предложении. Это значительно упрощает включение иноязычного, немотивированного с точки зрения сложившихся в языке отношений слова в речевые построения. Тем самым заимствование, являясь носителем дифференциального семантического признака, отвоевывает право на свою грамматику, сохраняет черты мак-

симального сходства со своим прототипом в языке-источнике. На первых этапах вхождения в русский язык такие слова в силу неизменяемости остаются чужими, т. е. не получают признаков грамматического освоения. Когда же иноязычное слово становится обычным и понятным для большинства носителей языка, необходимость в пояснителе-детерминативе отпадает. Определяемое может быть опущено, причем оно как бы включается в семантику нового слова. Русское существительное становится элементом значения, входит в его смысловую структуру на правах категориального признака, что, очевидно, предопределяет частеречную отнесенность большинства иноязычных имен. Активность процесса субстантивации НП подкрепляется еще и тем доказанным фактом, что именно существительные составляют основную часть заимствований в языках «обычной европейской структуры»⁵.

В процессе перехода неизменяемых прилагательных в грамматический класс имен существительных при их освоении в русском языке можно выделить 3 фазы вариантности субстантивированных и субстантивирующихся форм. В начальной фазе находится пласт вариантов, относящихся к лексике пассивного запаса. Его составляют устаревшие заимствования (комильфо / человек комильфо, аллегри / лотерея аллегри, либерти / сатин либерти и др.), относительно новые (малимо / ткань малимо, маваша / удар маваша, буффало / рыба буффало и др.) и специальные слова (блиц / блиц-турнир, резус / резус-фактор, микст / партия микст, фри / картофель фри и др.).

Если для большинства социально актуальных неологизмов и стилистически ограниченных в употреблении слов, получающих все большее распространение в литературном языке, эта фаза превращается в нарастающую, то устаревшая лексика либо не испытывает изменений в использовании, либо постепенно выходит из употребления вместе с соответствующими реалиями.

Первая фаза вариантности характеризуется значительным преобладанием составных аналитических наименований при их конкуренции с однословными вариантами. Параллельные субстантивированные и субстантивирующиеся формы обнаруживают стилистические различия. Двусловные сочетания соответствуют строгой литературной норме и являются отличительной чертой стиля официальной, деловой и научной речи: В Киеве мы увидели исполнение сложнейших элементов — прыжков «цукахара», двойного пируэта, освоенного не одной, а несколькими спортсменками (Сов. спорт. — 1972. — 19 июня. — С. 2); [Карл-Маркс-Штадт]... производит более половины текстильной продук-

ции ГДР. Значительную часть этой продукции составляют **ткани «малимо»** (Известия. — 1973. — 26 апр. — С. 3).

Пласт субстантиваций пополняется главным образом за счет образований, идущих из разговорной и профессиональной сферы: В наших краях многие экземпляры **буффало** черного, например, достигают веса 5—6 кг (Сельск. жизнь. — 1974. — 13 авг. — С. 15); После того как Лена удачно прыгнула **«цукахару»** с пируэтом... мы тогда решили и всю комбинацию на брусках сделать (Голубев В., Львов А. История одной девочки//Нева. 1977. — № 8. — С. 28).

Во второй, острой, фазе субстантивированные слова и параллельные сочетания употребляются на паритетных началах: рэп / музыка рэп, мини / юбка-мини, гимнастика ушу / ушу, стиль диско / диско, волны цунами / цунами, конфеты ассорти / ассорти, номер люкс / люкс, танец брейк / брейк и мн. др. Однако некоторые однословные варианты еще сохраняют отпечаток разговорности: Ох уж эта мода на **мини** (Комс. правда. — 1985. — 23 апр. — С. 3).

Вариантный ряд здесь достаточно широк. В самой высокой частотной зоне находятся варианты слов, обозначающих стили и направления в искусстве, а также названия языков и народов, которые еще недостаточно освоены: сонгаи / язык сонгаи, сонгаи / народ сонгаи, рок / рок-музыка, ретро / стиль ретро, эсперанто / язык эсперанто и др.

Как свидетельствует современный узус, фаза равноправного сосуществования вариантов затягивается в том случае, если субстантивированное заимствование варьирует не с одним, а с двумя или несколькими двусловными сочетаниями: ассорти / конфеты ассорти, компот ассорти; икебана / искусство икебана, букет икебана; мини / мини-мода, мини-юбка, мини-автомобиль; люкс / номер люкс, гостиница люкс, ресторан люкс, парикмахерская люкс и др.

Субстантивации, находящиеся во второй фазе, отличаются неустойчивостью нормы согласования в роде (эсперанто — м. и ср. р.; липси — м. и ср. р.; цунами — мн. ч., ж. р. и ср. р.), что является результатом активного взаимодействия с эквивалентным сочетанием и объясняется влиянием детерминатива.

В третью, ниспадающую, фазу попадают те заимствованные имена, которые уже полностью грамматически освоены русским языком как существительные. Вариантность конкурирующих разноструктурных единиц (сочетаний с НП и эквивалентных им слов) идет на убыль за счет усиления позиций в литературном языке однословных номинаций иноязычного происхождения. Члены вариантной пары в плане стилистических противопостав-

лений по сравнению с начальной фазой меняются местами. Стилистически маркированным становится двусловное наименование, а нейтральным — иноязычная субстантивация. Чаще всего наблюдается противопоставление общелитературного варианта (брют, галифе, гольфы, майонез, какао, салями, декольте, дизель, люрекс) варианту, характерному для профессионального стиля (шампанское брют, брюки галифе, чулки гольф, соус майонез, порошок какао, колбаса салями, вырез декольте, дизель-поезд, нить люрекс). Так лаконичные однословные наименования, появившись в неофициальной разговорной речи через каналы массовых коммуникаций, проникают в нейтральный стиль литературного языка: Мимо женщин во мраке и холоде плывет конвейер с **«брютом»**, который потом поступит на самые избранные столы (Аргументы и факты.—1990.—2-8 июня.— С. 4); На сегодняшний день в этих помещениях работают кружки английского и латышского языков, рисования, **батики** и рукоделия (Сов. молодежь. — 1990. — 4 янв. — С. 1.).

Для заимствований, у которых процесс субстантивации уже почти завершился, характерно колебание падежных форм типа **техника батик / техника батики**, а также словообразовательное варьирование, способствующее формированию трехчленного вариантного ряда типа **народ суахили / суахили / суахильцы**.

Особый тип грамматических вариантов формируют заимствования, которые уже освоены грамматической системой русского языка в двух общекатегориальных значениях — как существительные и как прилагательные, а также иноязычные компоненты сложных слов типа **видео, метео, радио** и др., наиболее сильно затронутые тенденцией к лексикализации⁶ и субстантивации. Их специфика обусловлена решающей ролью синтаксической позиции при разграничении соотносительных форм. Здесь позиционные соотношения реализуются в двух разновидностях в зависимости от словоизменительных свойств определителя.

Первая разновидность представляет собой варьирование сложного наименования с НП и эквивалентного ему двусловного сочетания с несклоняемым существительным в роли зависимого компонента: комментатор / комментатор радио, киноискусство / искусство кино, видеопокказ / показ видео, хиппи-мода / мода хиппи, какао-бобы / бобы какао и т. п. Грамматическая роль определителя, его грамматическое значение целиком зависят от позиционных условий. Занимая типичную для обычного согласованного определения позицию перед определяемым словом, иноязычное имя ведет себя как прилагательное (ср.: **метеорологическая** сводка и **метеосводка**, **изобразительное** искусство и **киноискусство** и т. п.). В случаях относительного постпозитив-

ного употребления заимствование из примыкающего компонента превращается в управляемый, одновременно меняя частеречную принадлежность и, соответственно, свое грамматическое значение: показ (чего?) **видео** — это показ **видеофильмов**; бобы (чего?) **какао** — это плоды **дерева какао** и др.

Заимствование в постпозиции, сохраняя неизменяемость, оказывается вовлеченным в парадигму склонения существительных. Управляющее слово предопределяет актуализацию грамматического значения родительного падежа у аналитической формы. Здесь позиция выступает основным средством разграничения грамматических функций, что повышает значимость синтаксического порядка расположения этих слов в речи.

Соотносительность эквивалентных форм типа **радиослушатель / слушатель радио** сводится к конкуренции аналитических конструкций разного типа: с одной стороны составное наименование с примыкающим препозитивным определением-прилагательным, с другой — конструкция управления с несклоняемым постпозитивным существительным в родительном падеже.

Вторую разновидность позиционных вариаций в группе НП образуют лексико-грамматические соотношения аналитических и синтетических форм типа: **джаз-ритм / ритм джаза, рок-звезда / звезда рока, дизайн-выставка / выставка дизайнера** и др. В данном случае синтаксическая позиция обуславливает не только грамматическое значение, но и форму определителя.

Позиция четко противопоставляет падежные формы определителей у вариантов, служащих для выражения одних и тех же атрибутивных отношений разными грамматическими средствами. Отождествление синтетических и аналитических вариантов в речи происходит вопреки сохранению частнокатегориальных противопоставлений, но вследствие нейтрализации общекатегориальных оппозиций, которая заключается в редукции различий между двумя грамматическими классами имен — прилагательными и существительными.

Характерная черта всех НП, подверженных позиционной вариантности аналитических и синтетических форм, — морфологический облик с исходом на согласный звук. Именно благодаря своему внешнему виду они легко вписываются в систему русского словоизменения. Очевидно, что изменение постпозитивных определителей первой разновидности (типа **киноактер / актер кино**) не происходит лишь по причине иноязычного характера их формы, оканчивающейся на гласный.

Итак, субстантивация становится причиной 2 типов грамматического варьирования в группе неизменяемых прилагательных заимствованного происхождения. Первый тип представляет

собой соотношение субстантивных сочетаний с НП и образованных на их основе существительных (соус майонез / майонез). Во втором типе одно и то же заимствование обнаруживает себя в зависимости от позиционных условий в разных качествах: в препозиции оно примыканием выражает лишь значение признака, ведет себя как неизменяемое прилагательное (видеопозаказ, рок-звезда), а в постпозиции получает морфемное (звезда рока, ритм джаза) или аналитическое (позаказ видео, актер кино) завершение как существительное. Варьирование выходит за рамки одного грамматического класса, еще раз доказывая, что между существительными и прилагательными нет непреодолимых границ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Русская грамматика. — М., 1980. — Т. I. — С. 556.

² Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского языка. — М., 1968. — С. 105—135; Катлинская Л. П. Об особой категории слов в разряде относительных прилагательных современного русского языка // Грамматика и норма. — М., 1977. — С. 92—106; Арутюнян В. Н. Неизменяемые прилагательные в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Баку, 1983.

³ Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов. — М., 1984.

⁴ Шведова Н. Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе. — М., 1966. — С. 95—122.

⁵ Хауген Э. Процесс заимствования // Новое в лингвистике. — М., 1972. — Вып. 6. — С. 374.

⁶ Нурлыбекова У. Б. Лексикографическое отображение вариантов слово-сочетаний и сложносокращенных слов. Дис. ... канд. филол. наук. — М., 1989. — С. 148.

Т. А. Чернякова

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ОЦЕНОЧНОГО ЗНАЧЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ)

В отечественной и зарубежной лингвистике разработка проблем, связанных с исследованием сферы языковых оценок, в последние два десятилетия выдвигается на одно из центральных мест.

В научной литературе 70—80-х годов активно обсуждаются вопросы объема и содержания понятия «оценка», природы и типов языковых оценок, лингвистического статуса категории оценки, соотношения понятия оценки с другими лингвистическими понятиями и категориями (модальностью, экспрессивностью, эмоциональностью и др.), рассматриваются средства выражения оценки на разных уровнях языка. Что же касается вопросов формирования языковых средств выражения оценки, то они остаются еще недостаточно исследованными. В связи с этим представляется актуальным обращение к развитию оценочного значения имен прилагательных, которые, как отмечают многие лингвисты, наиболее очевидно выражают категорию оценки.¹

Для многих имен прилагательных современного русского языка оценочное значение является исторически производным. В литературе, имеющей отношение к этому вопросу, можно обнаружить историю семантического развития отдельных прилагательных, а также историю отдельных групп прилагательных.² Сегодня может быть поставлена задача обобщения этих фактов, выявления некоторых общих закономерностей формирования и развития оценочного значения прилагательных с учетом достижений современной лингвистической науки.

Отправными моментами при решении этой задачи служат следующие положения.

1. Релевантным для лексико-семантических исследований является узкое (аксиологическое) толкование понятия «оценка», подразумевающее только такой тип субъективной реакции, который связан с одобрением/неодобрением, с выражением ценностного отношения на основе критерия «хорошо/плохо».

2. Достижением семасиологии является понимание лексического значения как сложного образования, состоящего из компонентов смысла.

С точки зрения места оценки в структуре лексического значения слова необходимо различать оценочный компонент, входящий в денотативную часть значения (ПЛОХОЙ, СКВЕРНЫЙ, ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ), и коннотативно-оценочный компонент, который не входит в денотативное ядро (ПРЕДАТЕЛЬСКИЙ, ГРУБЫЙ, ЗАВИСТЛИВЫЙ). Это положение поддерживается большинством современных исследователей (впрочем, с некоторыми расхождениями в вопросах теории и практики).³

Интерес для нас представляют прилагательные, содержащие оценочный компонент в денотативной части значения.

3. При изучении оценочной семантики важно учитывать получившую распространение в лингвистике идею о существовании двух типов значений: дескриптивных и оценочных. Первые ориентированы на отражение элементов действительности, вторые — на выражение ценностно-оценочного отношения к элементам действительности. Указанные типы могут совмещаться в денотативной части значений слова. Соотношение их может быть различным: от нуля оценочных смыслов до нуля дескриптивных смыслов. В соответствии с этим в современной лингвистике принято выделять три типа значений прилагательных.⁴

1) Нейтральные в оценочном плане (напр., исходные значения прилагательных СИНИЙ, КАМЕННЫЙ, БОЛЬШОЙ).

2) Общеоценочные. Они выражают общую оценку, которая реализуется прежде всего основными значениями прилагательных ХОРОШИЙ, ПЛОХОЙ. Специфика их в том, что они исчерпываются понятием, содержанием которого является оценка. Общая оценка реализуется также в синонимах прилагательных ХОРОШИЙ, ПЛОХОЙ с разными экспрессивными, смысловыми и стилистическими оттенками: ОТЛИЧНЫЙ, ОТМЕННЫЙ, ПРЕКРАСНЫЙ, ПРЕВОСХОДНЫЙ, ЧУДЕСНЫЙ, ХУДОЙ, ДРЯННОЙ, ПАРШИВЫЙ, СКВЕРНЫЙ и др.

3) Частнооценочные. Они содержат указание одновременно на признак и оценку. По определению Н. Д. Арутюновой, это значения, «дающие оценку одному из аспектов объекта с определенной точки зрения»⁵: ПРИЯТНЫЙ, ВРЕДНЫЙ, ПОЛЕЗНЫЙ, ГЛУПЫЙ, МЕРЗКИЙ и др.

В качестве исходного материала взяты прилагательные, имеющие в современном русском языке исторически производное частнооценочное и/или общеоценочное значение.

Путь развития оценочной семантики у каждого конкретного прилагательного, изначально не имеющего оценочного значения,

индивидуален. Вместе с тем можно выделить ряд общих последовательных этапов, которые проходит в своем развитии лексика с производным оценочным значением.

Основой для возникновения оценочного значения служит, как правило, дескриптивная номинация, лишенная оценочных сем.

Первым этапом на пути формирования у слова оценочного значения является развитие оценочных коннотативных сем на базе дескриптивного признака. Механизм появления оценочных коннотаций в значении слова состоит в следующем. Понятие о некотором качестве, свойстве при подключении системы ценностных представлений носителей языка может вызвать у последних положительные или отрицательные ассоциации. Со временем оценочные ассоциации приобретают в сознании членов языкового коллектива устойчивый характер. Итогом этих процессов может стать закрепление устойчивых ассоциаций в значении слова в виде оценочной коннотативной семы. Дескриптивный компонент является на этом этапе ведущим в значении слова, оценочная сема является вторичной, периферийной.

Следующий этап — возникновение на базе дескриптивного признака с оценочной коннотацией частнооценочного значения. Это значение возникает в результате регулярной актуализации оценочной коннотативной семы, что приводит к изменению характера и соотношения дескриптивных и оценочных сем в значении слова. Оценочная сема из коннотативной становится денотативной (без нее затруднительно сформулировать дифференциальный признак понятия) и постепенно занимает ведущее место в структуре лексического значения. Роль дескриптивного компонента ограничивается указанием на мотив (основание) оценки.

Последний этап — развитие у прилагательного общеоценочного значения. Этот процесс сопровождается ослаблением или утратой связи с исходным номинативным значением прилагательного, размытием критериев, на основании которых выносится оценка. Последнее отражается, как правило, в расширении круга существительных, с которыми сочетается прилагательное. Общеоценочное значение в идеальном, завершенном виде выражает «чистую» оценку, без опоры на дескриптивные признаки.

Рассмотренную модель развития оценочного значения у прилагательных можно представить следующей схемой:

I. Дескриптивное значение	II. Дескриптивное значение, осложненное оценочной коннотацией	III. Частнооценочное значение	IV. Общеоценочное значение
---------------------------	---	-------------------------------	----------------------------

Представленную модель развития оценочного значения в слове можно проиллюстрировать семантической историей ряда прилагательных. Рассмотрим сначала семантическую эволюцию некоторых прилагательных, имеющих в современном русском языке производное общеоценочное значение.

Прилагательное ЗНАТНЫЙ восходит этимологически к глаголу ЗНАТИ. Первоначальное значение данного прилагательного — «известный, знакомый»: Он Ивашко издЕтска въскормленъ въ мнстрЕ и службы мнстрыские ему всЕ знатны...; Ивашко де МатвЕевъ ему, Ивашку, знатень, потому что де у него тотъ Ивашка... шилъ на него шубу (Сл XI—XVII, 6, 51).

На этой дескриптивной, нейтрально-оценочной основе развивается значение с положительно-оценочной коннотацией — «пользующийся известностью, авторитетом»: Городъ Переяславль въ малороссийскихъ городЕхъ знатной (Сл XI—XVII, 6, 51).

Оценочная коннотация возникает на базе дескриптивного признака «известный, знакомый» в силу регулярных ассоциаций, связывающих данный дескриптивный признак с наличием каких-либо положительных качеств предмета или лица.

В дальнейшем оценочная сема усиливается, что приводит к развитию значения, близкого к частнооценочному. Признаки частнооценочной семантики можно обнаружить в зафиксированном в словарях современного русского языка значении «знаменитый, прославленный»: знатные люди, знатный ученый, знатная доярка. В этом значении оценка входит в денотативную его часть («известный своими заслугами, достоинствами, положительными качествами»).

На основе частнооценочного значения в языке развивается общеоценочное значение «замечательный, отменный» (в словарях современного русского языка оно квалифицируется как просторечное): Пепе малый славный, и собаки у него знатные (Тургенев — МАС); Знатный табак в Москве! (Соколов — Микитов — МАС).

Общеоценочное значение прилагательного ЗНАТНЫЙ формируется в результате дальнейшего усиления оценочной семы, с одной стороны, а с другой, — стирания и утраты дескриптивного признака.

Другим иллюстрирующим примером к представленной модели может служить семантическая эволюция в истории языка прилагательного ОТЛИЧНЫЙ.

Первоначальное значение этого прилагательного (являющегося отглагольным образованием) — «отличающийся от кого-либо, чего-либо» — имело дескриптивный, нейтрально-оценочный характер: Намъ же убо мнится, яко и се не истинно есть,

понеже... во всехъ великихъ обителехъ пЕние **отлично** отъ нашего пЕния... (Сл XI—XVII, 13, 259).

В процессе употребления у этого прилагательного развивается коннотативно-оценочная сема. Оценочная коннотация возникает на основе представления носителей языка о том, что способность выделяться из ряда себе подобных является положительным свойством. Здесь следует вспомнить об одном наблюдении исследователей оценочной семантики, заключающемся в том, что положительная оценка ориентируется не на среднее, рядовое, а на неординарное, отступающее от среднего⁶. (Эта связь между признаком «выделяющийся из ряда себе подобных» и положительной оценкой лежит в основе развития оценочного значения у целого ряда прилагательных: **ОТЛИЧНЫЙ**, **ОТМЕННЫЙ**, **ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ**, **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ**, **ВЫДАЮЩИЙСЯ** /см. ниже/ и др.). Deskриптивный признак, осложненный оценочной коннотацией, можно обнаружить в значении «предпочтительный, превосходный» (т. е. превосходящий чем-либо других), зафиксированном в «Словаре церковнославянского и русского языка»: **отличные** заслуги, **отличные** дарования (ср. там же: **ОТЛИЧАТЬ** — «давать одному перед другим предпочтение», напр.: отличать заслуженного человека).

Дальнейшая семантическая история этого прилагательного связана с усилением оценочной семы и переходом ее в разряд денотативных. Этот процесс приводит сначала к формированию частнооценочного значения — «выдающийся, обладающий высокой степенью какого-либо качества»: Правин был уважаем как офицер **отличной** храбрости и познаний (Марлинский — БАС). Оценочный компонент выдвигается в этом значении на первый план, deskриптивный же компонент значения ослабевает. Связь с внутренней формой слова оказывается затемненной.

Продолжающийся процесс усиления оценочного компонента, с одной стороны, и ослабления deskриптивного признака, — с другой, постепенно приводит к тому, что оценочный компонент становится не просто ведущим, но и единственным; связь с внутренней формой слова утрачивается. В результате этих изменений в языке закрепляется новое значение прилагательного — «очень хороший, превосходный»: **отличный** работник, **отличная** книга.

Иллюстрацией к указанной модели развития оценочного значения может служить также семантическая история ряда прилагательных, у которых словари современного русского языка отмечают (впрочем, довольно непоследовательно) общеоценочный оттенок частнооценочного значения.

Так, прилагательное **ПОГАННЫЙ** в древнерусском языке

имело дескриптивное, нейтрально-оценочное значение — «языческий, нехристианский»: Она же [Ольга]... рече ко црю: Азь **погана** есми; аще мя хочешь крстити крсти мя самъ (Сл XI—XVII, 15, 181).

В связи с распространением на Руси христианства как официальной религии к язычеству, язычникам, ко всему языческому складывается отрицательное отношение. Со значением прилагательного **ПОГАНЫЙ** начинают связываться устойчивые отрицательные ассоциации членов языкового коллектива. Закрепление устойчивых отрицательных ассоциаций в виде коннотации можно обнаружить в следующих значениях:

1) «неправо верующий, еретический, еретик»: Маркошь от Рима въ град Бърне, идеже бе жилъ **погани** злыи Дедрикъ (Срезн. II, 1011);

2) «запрещенный верованием, нечистый с религиозной точки зрения, оскверненный»: **поганая** пища, **поганое** зелье, **поганая** посудина.

На базе последнего значения развивается частнооценочное значение «отвратительный, мерзкий», выражающее отрицательную эмоциональную оценку: **поганое** животное, **поганое** дело. Развитие указанного значения связано с утратой социальной актуальности первоначального значения прилагательного **ПОГАНЫЙ** и вследствие этого — с ослаблением дескриптивного признака и усилением оценочного компонента значения. Итогом этих семантических сдвигов является переход оценочных сем из разряда коннотативных в разряд денотативных, выдвижение их на первый план в денотативной части значения и формирование нового, частнооценочного значения.

На основе частнооценочного значения «отвратительный, мерзкий» у прилагательного **ПОГАНЫЙ** развивается общеоценочный оттенок значения «плохого качества, дрянной» (**МАС**): **поганое** ружье.

Здесь уместно будет отметить, что в целом развитие общеоценочного значения на базе частнооценочного (особенно для прилагательных, выражающих оценку эмоционального состояния) происходит сравнительно легко. Это связано с доминирующим положением оценочной семы в частнооценочном значении и периферийностью дескриптивного признака. Для одних прилагательных этот процесс завершился к настоящему времени выделением общеоценочного значения, для других еще не закончен. Тенденцию к развитию общеоценочного значения на базе частнооценочного в современном русском языке обнаруживает целый ряд прилагательных. Среди них можно назвать, помимо рассмотренного прилагательного **ПОГАНЫЙ**, прилагательные

ГАДКИЙ, ОТВРАТИТЕЛЬНЫЙ, ОТВРАТНЫЙ, ПОДЛЫЙ, БЕЗОБРАЗНЫЙ и др. О незавершенности процесса формирования общеоценочного значения свидетельствует некоторый разнобой в выделении значений указанных прилагательных в словарях современного русского языка: общая оценка рассматривается то как самостоятельное значение слова, то как оттенок значения, то совсем не выделяется в пределах частнооценочного значения.

Возвращаясь к рассматриваемой модели развития в слове оценочного значения, отметим, что в соответствии с той же моделью идет семантическое развитие многих прилагательных, имеющих в современном русском языке частнооценочное значение.

Развитие частнооценочного значения можно проследить на примере истории прилагательного **ВЫДАЮЩИЙСЯ**. Это образование по своей исходной форме представляет собой причастие от глагола **ВЫДАВАТЬСЯ**. Первичное дескриптивное значение глаголов **ВЫДАТЬСЯ - ВЫДАВАТЬСЯ** — «выступить - выступать за какую-либо границу, выдвинуться наружу»: А городова стЕна **выдалася** за городъ колЕномъ (Сл XI—XVII, 3, 191). Это значение лишено оценочных смыслов. Оценочная коннотация (со знаком «+») появляется у рассматриваемого отглагольного образования в связи с развитием переносного значения у глаголов **ВЫДАТЬСЯ-ВЫДАВАТЬСЯ** — «показать-показывать свои качества перед кем-либо, выделиться-выделяться среди других своими качествами»: Однако как самолюбие дЕйствует в нас с самого ребячества, то захотЕлось мнЕ перед ними **выдаться**, показать свою нетрусливость (Сл XVIII, 4, 211). Оценочная коннотация развивается в значениях этих глаголов и отглагольных образований на основе указанной выше (при рассмотрении семантической истории прилагательного **ОТЛИЧНЫЙ**) ассоциативной связи в сознании носителей языка между признаком «выделяющийся из ряда себе подобных» и положительной оценкой.

Усиление коннотативно-оценочной семы в значении рассматриваемого образования приводит к развитию у него частнооценочного значения — «исключительный по значению, таланту, качеству»: **выдающийся** композитор, **выдающееся** произведение, **выдающийся** успех. Оценка занимает здесь ведущую позицию, дескриптивный же признак играет роль мотива оценки.

В новом, качественно-оценочном значении причастие **ВЫДАЮЩИЙСЯ** выступает как прилагательное.

Развитие частнооценочного значения на базе первичного дескриптивного, нейтрально-оценочного значения в соответствии

с рассматриваемой моделью отмечается также у прилагательных ГРЯЗНЫЙ (первичное значение — «покрытый грязью», частнооценочное значение — «вызывающий моральное отвращение»), ПОШЛЫЙ (первичное значение — «бывший издавна в обычае или в употреблении, стародавний»), ПРОТИВНЫЙ (первичное значение — «расположенный напротив, противоположный») и др.

Семантическая история рассмотренных слов подтверждает адекватность представленной модели развития оценочного значения имен прилагательных.

Вместе с тем было бы излишним упрощением полагать, что для всех прилагательных каждой ступени модели можно поставить в соответствие одно определенное значение. Здесь следует иметь в виду прежде всего два случая.

Во-первых, той или иной ступени в развитии оценочной семантики слова может соответствовать несколько значений. При этом они нередко характеризуются градацией оценочного признака.

Так, прилагательное ПРОТИВНЫЙ, которое развило на базе исходного дескриптивного признака («расположенный напротив, противоположный») путем семантических изменений частнооценочное значение «очень неприятный, отвратительный», характеризуется уже в XI—XVII вв. достаточно развитой системой значений. Среди них можно отметить по крайней мере два значения, соответствующие второй ступени модели (здесь они даны в порядке усиления коннотативно-оценочной семы):

1) «сопротивляющийся, непокорный»: Обратить срьдъца оць на чяда и противныя въ мудрость правдыныхъ (Срезн. II, 1595);

2) «неудобный»: Оже ли кто въ короткое время, а то рюшить... а боудеть Богу противень и святЕи Софии (Срезн. II, 1595).

Указанные значения представляют промежуточные шаги на пути от нейтрально-оценочного дескриптивного значения к частнооценочному.

Можно также привести примеры соответствия нескольких значений третьей ступени модели. Так, у прилагательного БЕЗОБРАЗНЫЙ (исходное значение — «не имеющий облика, формы, очертаний») словари отмечают два частнооценочных значения: «очень некрасивый, уродливый» (безобразное лицо) и «непристойный, неприличный, возмутительный» (безобразный поступок). При этом второе значение, развившееся на базе первого, отличается более общим, отвлеченным характером де-

скриптивного признака и стоит ближе к общеоценочному значению.

Во-вторых, не каждой ступени предложенной модели соответствует самостоятельное значение слова. Для ряда прилагательных, например, не выделяется значение, соответствующее второй ступени. Оценочные коннотации развиваются в этом случае на базе дескриптивного признака в границах первичного значения имени.

Так, у прилагательного ПАРШИВЫЙ, исходное дескриптивное значение которого — «покрытый паршой, шелудивый» (**паршивая** овца, **паршивая** голова), частнооценочное значение «ничтожный, отвратительный» (**паршивый** мальчишка) возникает непосредственно на основе первичного значения, развившего в процессе употребления оценочные коннотации (со знаком «—»).

Однако при всех возможных особенностях пути развития оценочной семантики общее направление и характер семантических процессов сохраняются.

В заключение необходимо отметить следующее.

Как всякая схема, предложенная модель развития оценочного значения является упрощенной. Вместе с тем она отражает общие этапы и общее направление развития семантики оценки в слове.

Процессы развития оценочных значений прилагательных характерны для всего исторического периода языка. Сравнительная «легкость», с которой в значении слова появляются и развиваются оценочные смыслы, объясняется природой оценки как вида познавательной и психической деятельности человека: природа оценочной деятельности такова, что все входящее в сферу интересов человека может быть оценено им положительно или отрицательно.

Благодаря тому, что прилагательные сравнительно легко приобретают и развивают оценочные смыслы, а также благодаря общей направленности в развитии семантики слов, получивших оценочные коннотации, в современном русском языке имеется широкая система прилагательных с оценочным значением⁷.

Эта система, современное состояние которой является результатом длительного исторического развития, сегодня также характеризуется процессами постоянного обновления. В связи с этим построенная на историческом материале прошлого модель развития оценочного значения прилагательных, как нам кажется, может также представлять интерес при изучении изменений в области оценочной лексики современного русского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: **Вольф Е. М.** Варьирование в оценочных структурах // Семантическое и формальное варьирование. — М., 1979.

² См., напр.: **Коробейникова В. А.** Развитие переносных значений имен прилагательных // Теория слова и функционирования словарных единиц. — Саратов, 1981; **Куканова Н. Н.** К вопросу о типах семантических изменений: (Развитие оценочных значений у прилагательных) // Лингвистические исследования, 1981. — М., 1981; **Пелевина Н. Ф.** Коннотативные компоненты значения слова в процессе исторического развития языка: (На материале значений цвета) // Семантика слова в диахронии. — Калининград, 1987; **Петрова З. М.** Развитие лексического состава русского языка XVIII в. (Имена прилагательные): Дис. ... д-ра филол. наук. — Л., 1983.

³ Обзор существующих точек зрения по этому вопросу содержится в работах: **Кулигина Т. И.** Категория оценки и средства ее выражения в современном немецком языке: Дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1985; **Говердовский В. И.** Опыт функционально-типологического описания коннотации: Дис. ... канд. филол. наук. — М., 1977.

⁴ См.: **Арутюнова Н. Д.** Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт — М., 1988; **Вольф Е. М.** Функциональная семантика оценки. — М., 1985.

⁵ **Арутюнова Н. Д.** Указ соч. — С. 75.

⁶ См., напр.: **Вольф Е. М.** Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо / плохо» // Вопр. языкознания. — 1986. — № 5.

⁷ Опыт системного описания оценочных прилагательных на материале современного русского языка представлен в работах: **Сергеева Л. А.** Качественные прилагательные со значением оценки в современном русском языке: Дис. ...канд. филол. наук. Уфа, 1980; **Шрамм А. Н.** Очерки по семантике качественных прилагательных: (На материале современного русского языка) — Л., 1979.

Ц. Досева

**ИМЕНА СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА
В НОВГОРОДСКИХ МИНЕЯХ 1095—1097 ГГ.**

Новгородские минеи — древнейшие из дошедших до наших дней датированных славянских служебных миней. По всей вероятности, они являются копией с древнеболгарского протографа, тесно связанного с глаголической традицией (ср., например, наличие ять на месте а йотированного в корне Ед в Минеях за сентябрь и октябрь, в слове **измаилитЕне** в Минее за октябрь).

Новгородские минеи (далее НМ) давно известны славистам (они изданы И. Ягичем еще в 1886 г.)¹, но почти не привлекаются в качестве материала для языковых исследований, в особенности в области исторической лексикологии и словообразования². Во многих лексикографических источниках лексика НМ, как правило, не представлена.

О значении древнерусского рукописного наследия не только для истории русского языка, но и для освещения некоторых вопросов староболгаристики говорилось много раз. Исследование лексики НМ расширяет наши представления и о лексической системе древнеболгарского (старославянского. — Ред.) литературного языка.

Для характеристики лексики трех служебных миней за сентябрь, октябрь и ноябрь 1095—1097 гг. показателен анализ суффиксальных существительных³. По сравнению с остальными древнерусскими рукописями XI в. НМ отличаются обилием суффиксальных имен (около 1300), при этом почти половина из них не встречается в словаре Садник—Айцетмюллера. Особый интерес как в количественном, так и в качественном отношении представляют имена со значением лица. Их высокая частотность в НМ не случайна. В гимнографическом жанре эти существительные сопутствуют именам святых, мучеников и т. д., тесно связаны с христианским мировоззрением.

Однако анализ лексики НМ сопряжен со значительными трудностями: большой объем материала, наличие значительного количества гапаксов и редких лексем, засвидетельствованных иногда очень неясными контекстами, лексические и другие языковые ошибки, отсутствие текстологии греческих служб в составе миней и др. — все это существенно усложняет лексикологическое исследование.

Общее количество суффиксальных существительных со значением лица в НМ составляет 389 лексем. В настоящей статье будут приведены некоторые результаты анализа этих имен в НМ.

1. Лексемы, общие для НМ и для классических древнеболгарских рукописей.

Из всех суффиксальных существительных со значением лица в НМ 37,33% зафиксированы и в древнеболгарских рукописях. Среди общих лексем наблюдается, однако, своеобразие значений и употреблений. Для НМ характерно переносное, метафорическое использование многих имен, ср.: **ДЕлателью** — смысл нашихъ и насадителю дшамъ (Мин. IX, 84. 11) 'тот, кто обрабатывает души, мысли'. Слово **служитель**, отмеченное в Евх. (1) и Ен. (1) ('священнослужитель'), в НМ имеет 27 употреблений, главным образом переносных, ср.: **слоужителя** славЕ (Мин. X, 40.27); **служитель** англмъ (Мин. X, 212.12); **слоужителемъ** свЕта (Мин. XI, 325. 17—18).

Наблюдается много лексем, общих с Супр. и Евх. Как указывает Р. М. Цейтлин, «для Супр Евх Хил и близких к ней ДР (древнеболгарских рукописей. — Ред.) меньшего объема характерно обилие мотивированных слов со значением лица»⁵. Некоторые гапаксы из НМ засвидетельствованы только в Супр., Евх., а также в Син. пс. Последний факт подтверждает вывод Р. М. Цейтлин, что Син. пс. «выделяется своим своеобразием, только в ней содержится значительное число слов, отсутствующих в других ДР»⁶.

2. Часть лексики НМ, отсутствующей в древнеболгарских рукописях, зафиксирована в других источниках, что является косвенным доказательством возможности ее наличия и в системе древнеболгарского литературного языка.

а) Некоторые лексемы отмечены в произведениях древнеболгарских писателей, сохранившихся в инославянских списках, например: **законодатель** (у Пресвитера Космы), **законоположитель**, **повиньникъ** (в Шестодневе Иоанна Эксарха), **вьсевидьць**, **садитель** (в Богословии Иоанна Эксарха), **съдръжитель**, **отъступьникъ** (в Шестодневе и Богословии) и др.

б) В среднеболгарских рукописях: **видитель**, **вьсезиждитель**, **дръжатель**, **кръмитель**, **насадитель**, **питатель**, **прЕдстатель**, **раздрушитель**, **священнослужитель**, **сьмотритель**, **сьписатель**, **боготорковица**, **причастница**, **иконоборецъ**, **побЕдоносець**, **свЕтоносець**, **стрЕлецъ**, **вьсадникъ**, **отступникъ**, **поборникъ**, **пособникъ**, **сьвръстникъ**, **сьрЕдникъ**, **чиноначальникъ** (ограничимся здесь перечисленными лексемами из Хроники Манассии по Синодальному списку)⁷.

в) В южнославянских рукописных минеях: богодЕлатель (л. 57б), богоповЕдатель (л. 55), триязычникъ (л. 28б) — в Скопской минее, в идентичных с НМ контекстах; слово свЕтодавьць — в каноне о апостоле Андрее Наума Охридского, в сербской рукописи XIII в. (Зогр. 88)⁸.

г) В болгарских говорах, в топонимике: питатель — Оти господи ни зема питателъ и благодетелъ наш? — Неврокопское наречие (Диалектный архив в Институте болгарского языка Болгарской АН); всадник — 'конник', Беломорская Фракия (там же). В РРОДД (Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX в. — София, 1974) встречаются слова: вещатель, обручитель (устаревшее слово, болг. годешар), рачитель, съписатель, ратоборец (старин. борец). Ср. в топонимике: душегубьць в НМ — Душегубичка (река), Душогубица (деревня); душегубец//душогубник (в юго-западных говорах), ср. однокоренные слова душегубие — Дымбени, Костурского района, Охрид, деревня Загоричене, Костурского района, душегубка — на большей части языковой территории⁹.

3. Суффиксальные существительные в НМ характеризуются большим количеством гапаксов. Например, среди отсутствующих в древнеболгарских рукописях лексем это: баснословьць, богоблаженьць, богоненавидьць, вЕньцедавьць, духоборьць, душегубьць, живописьць, иконоборьць, миродрьжьць, носьць, письць, плододавьць, провидьць, прьвострададьць, свЕтоносьць, страстодавьць, стрЕльць, съборьць, смъртоносьць, таинописьць, чадолюбьць, чистовидьць, богодЕлатель, богоповЕдатель, богопроповЕдатель, видитель, видЕтель, въздрастителъ, вьсезижитель, вьсесъдЕтель, вьсещедрителъ, вЕньцедатель, вЕщатель, дрьжателъ, законодатель, законоположителъ, запинатель, заступитель, направитель, обручитель, отгонитель, поборитель, повЕстелъ, подобитель, подражатель, прилежателъ, проразумитель, просвЕтителъ, прохладителъ, прьвородителъ, прЕдължителъ, равьносужителъ, раздрушителъ, разорителъ, рукодЕлатель, садителъ, самодЕтель, священодЕлатель, священослужителъ, сятелъ, съдрьжителъ, съдЕлатель, съмолителъ, съписатель, угодителъ, щедрителъ (необорителъ, священозижителъ, седмородителъ — вероятно, ошибки); богорожаница, вЕньченосица, вЕньчъница, истиньнородителъница, исходатаиница (встречается в двух идентичных контекстах), наставъница, невЕстородителъница, обьщъница, побЕдительница, побЕдоносица, поборъница, повиньница, похваленица, правительница, причастъница, прЕдъвЕстъница, рожаница, священосица (встречается в двух идентичных контекстах), службъница, страдалица, страдоносица, сужителъница, съвъзрастьница, съвЕстьница, събыщъница,

състрадалица, оучительница; бесЕдьникъ, богослуженикъ, богогласьникъ, богопобЕдьникъ, богоприятъникъ, богословесьникъ, богоятъникъ (вместо богоприятъникъ?), воиноначальникъ, върховникъ, въслЕдьникъ, всядьникъ, вЕньчьносьникъ, доблестьникъ, достоинникъ, дЕвьствьникъ, законоположьникъ, заповЕдьникъ, зьлокъзньникъ, корабльникъ, любвььникъ, любьзно-мученикъ, обрящъникъ, оглагольникъ, оступьникъ, печальникъ, подвигоположьникъ, пособьникъ, приобщъникъ, просвЕщъникъ, прьвопостьникъ, прьвопрестольникъ, прьвостояньникъ, прьвострадацьникъ, прЕблаженикъ, прЕмудрьникъ, прЕстольникъ, преходьникъ, пучиньникъ, рожьникъ, святопобЕдьникъ.

4. Можно выделить группу лексем, которые не зарегистрированы в лексикографических источниках и карточках, в частности, в КСДР и КДРС Института русского языка АН СССР, или известны только по НМ. Например, среди гапаксов: богоблаженьць, страстодавць, съмрьтоносць, чистовидць; богоблаженикъ, богоприятъникъ, вЕньчьносьникъ, доблестьникъ, заповЕдьникъ, зьлокъзньникъ, обрящъникъ, прьвопостьникъ, прьвостояньникъ, пучиньникъ, святопобЕдьникъ, священодЕлатель, съзаступьникъ, съликъствьникъ, тожестрастьникъ, триязычьникъ; богорожаница, вЕньчьница, истиньнородительница, невЕстородительница, похваленица, прЕдъвЕстьница, страдалица, страдоносица, съвъзрастьница.

5. НМ предлагают более раннюю фиксацию некоторых лексем, например: Еумение, тя сЕятеля ч(и)ста ч(и)стыихъ оучении (Мин. IX, 151.2). Ср. у Р. М. Цейтлин: «Сущ. сЕятель впервые отмечено в известных нам словарях в тетраде 1144 г. в Мк 4,3 (Срезн. II, 906; у Вост. II, 219, дан пример из Микл по изд. 1850 г. из трюнди XIV или XVI в.)»¹⁰.

6. Двукорневые образования, осложненные суффиксами, представляют собой одну треть всех суффиксальных имен со значением лица. В гимнографическом жанге они обладают большой семантической и стилистической нагрузкой. Наличие композит, которые не отмечены в других источниках, ставит и вопрос об индивидуальном словотворчестве переводчика (переводчиков) НМ. При этом, разумеется, необходимо сопоставление с греческими рукописями.

В словаре Срезневского имеются сложные слова, которые даны без указания на значение или с (?), а в числе источников фигурируют только НМ. Это: жизнодавьць, законоположитель, зьлокъзньникъ, мучениколюбць, рукодЕлатель, таинсловць (?), чистовидць (?).

В языке древнеболгарских рукописей отсутствуют композиты на **басно-**, **свЕто-**, **суе-**, **таино-**, **хлаго-**¹¹. В НМ,

однако, встречаются: баснословьць, свЕтодавьць, свЕтодатель, свЕтоносьць, суемысльникъ, таиноглагольникъ, таинописьць, таинословьць, хладодавица.

7. Производит впечатление высокая продуктивность одушевленных имен женского рода в НМ, а точнее имен с формантом **-(ьн)ица**: в нашем памятнике их 50 (для сравнения в древнеболгарских рукописях — 29, включая **телица, юница**)¹². Этот факт особенно показателен при сопоставлении с древнерусскими рукописями XI в. Так, например, в Чудовской псалтыри нет ни одного суффиксального существительного со значением лица женского рода¹³. По нашим подсчетам, в Путятиной минее из 154 суффиксальных имен со значением лица 18 — женского рода.

8. Что касается особенностей употребления рассматриваемых существительных, то они часто выступают в роли обращения (в минеях естественно обращение к тому или иному святому и его прославление) или в составе сравнения. Характерно наизывание в одном контексте однокоренных имен с различными суффиксами или скопление слов с разными корнями, но с совпадающими суффиксами (так наз. гомеоптотон, по Р. Якобсону)¹⁴, а также случаи значительной концентрации синонимов среди существительных со значением лица.

9. Обращают на себя внимание суффиксальные имена с префиксом **съ-**. Их приблизительно в два раза больше, чем в древнеболгарских рукописях. По-видимому, их употребление в НМ связано и со спецификой жанра, «общением» с богом, особой «сопричастностью» и «сопереживанием». Для НМ характерны и имена с префиксом **прЕ-**. По словам Н. А. Нечунаевой, образования с **прЕ-** «способствуют тому, что контекст произведения воспринимается как сложный, высокий»¹⁵.

10. В результате применения комплекса лингвистических и нелингвистических критериев, с учетом данных лексикографических источников и картотек, с привлечением других славянских списков миней за сентябрь, октябрь и ноябрь, в том числе и среднеболгарских, с учетом греческих миней можно отметить некоторые ошибки в группе суффиксальных существительных со значением лица в НМ. Так, например, среди имен на **-тель** это, по всей вероятности, **необоритель, седмородитель, священнозжитель**.

НЕОБОРИТЕЛЬ (Мин. XI. 26.XI. ка. Георгьна. пЕ(с). з. бопротивно. 474.20): Яко мчнкъ непобЕдимъ, яко страсотръпць, яко неподвижимъ вЕрЕ поборитель, нынЕ стльпъ **необоритель** хвалящимъ тя премоудре Георгие, боуди, огражая млтвами. У И. Ягича под линией: «ожидали бы **необоримъ**» (akradantos).

В данном случае, очевидно, произошла контаминация с предшествующим словом **поборитель**. В пользу этого тезиса можно привести и другие аргументы. Слово **необоритель** отсутствует в словаре Миклошича, в Словаре Пражской Академии наук, в Сл XI—XVII; у Срезневского и в Учебном словаре П. Филковой¹⁶ цитируются только НМ. В Зогр. 88 **необоритель** отсутствует; в Братковой минее: стльпь **необоримы**.

СЕДМОРОДИТЕЛЬ (Мин. X. 28. X. кано(н). пЕ(с). д. ирмо(с). въздвиже на тя. 204.3): Седмобратьныи ликъ мчнкъ съдъвЕма родителема (в НМ **седмородителема**, исправлено И. Ягичем) непорочная жертва. тебе тЕхъ ради дивьно заколено яко овьча... В греч. (по Ягичу): hē heptadelphos choria tōn aulophorōn syn tois dysi gennētorsi.

Лексикографические источники подтверждают конъектуру Ягича. У Миклошича, в пражском Словаре нет слова **седмородитель**. В Зогр. 88: родителема; в Братковой минее нет данной лексемы.

С(ВЯ)Щ(Е)НОЗИЖИТЕЛЬ (Мин. IX. 29. IX. пЕ(с). з. ермо(с). оцЕсти мя спсе. 226. 4—5): яко дшвьныи ковьчегъ прия слово безначально. яко стго и **сщцнозижителя**. вьмЕшьшу яко прЕстоло огнь-носяи. носиши кръмителя. оце. всего мира.

Лексема отсутствует у Миклошича, в КСДР, КДРС. В Учебном словаре П. Филковой приведен пример из НМ со значением 'создатель'. В Зогр. 88: яко сто и безначелно и священно. жиж(д)ителя вьмЕшьши; в Братковой минее: яко сто и сщеньно. зижителЕ си вьмЕшьши; в печатном греческом тексте: 'как святой и священный'.

11. Среди суффиксальных существительных со значением лица нет типичных восточнославянизмов, русификация осуществляется на фонетико-орфографическом уровне. Таким образом, материал НМ позволяет внести некоторые коррективы в утверждение Н. А. Мещерского о том, что отмечается «относительная неустойчивость лексики древнеславянского памятника при его переходе в восточнославянскую речевую среду»¹⁷.

12. В тексте НМ можно выделить архаизмы и неологизмы. К первым относятся, например: дЕлатель, жатель, пастырь, ратаи и др., ко вторым — богочтьць, богоносьць, постыникъ.

13. В НМ встречаются и так наз. преславизмы, хотя много раз подчеркивалось, что выделение преславизмов условно. Среди преславских слов можно указать, например, жрьць, жидовинь, пастухъ, причастьникъ, причастьница, священникъ, чиститель¹⁸, дЕвица, невЕстьникъ¹⁹ и др.

Ввиду ограниченного объема данного обзора в статье не

будут затрагиваться вопросы словообразования рассматриваемых имен.

Приведенный материал дает некоторое представление о значении лексики древнерусских списков служебных миней за сентябрь, октябрь и ноябрь для староболгаристики. Новгородские миней отличаются значительным богатством и разнообразием суффиксальных имен со значением лица, особенно ярко проявляющимся при сопоставлении с другими древнерусскими рукописями. Учитывая материал НМ, на основе комплекса критериев можно отыскать лексику, которая восходит к первым переводам церковных песнопений с греческого на древнеболгарский или присутствует в оригинальных древнеболгарских песнопениях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ягич И. В. Служебные миней за сентябрь, октябрь и ноябрь. — СПб., 1886.

² Из последних исследований см.: Мурьянов М. Ф. Гимнография Киевской Руси: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Л., 1985.

³ Использовано издание И. Ягича, а также сами рукописи, хранящиеся в ЦГАДА в Москве.

⁴ Здесь указаны страница и строка по изданию Ягича.

⁵ Цейтлин Р. М. Лексика древнеболгарских рукописей X—XI вв. — София, 1986. — С. 293.

⁶ Там же. — С. 294.

⁷ Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературах. — София, 1988.

⁸ См.: Кожухаров Ст. Песенното творчество на старобългарския книжовник Наум Охридски // Литературна история. — 1984. — № 2.

⁹ Кочев И., Кочева Е., Домусчиева Л. За народната основа на словообразователните модели на сложните съществителни в старобългарския език // Славянска филология. — София. — 1988. — Т. 19.

¹⁰ Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. — М., 1977. — С. 98.

¹¹ Там же. — С. 211.

¹² Там же. — С. 133.

¹³ Погорелов В. Словарь к толкованиям Феодорита Киррского на Псалтырь в древнеболгарском переводе. — Варшава, 1910.

¹⁴ Якобсон Р. Работы по поэтике. — М., 1977. — С. 29.

¹⁵ Нечунаева Н. А. Лингвистический анализ древнеславянского перевода майской миней: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1978.

¹⁶ Филкова П. Староболгаризмы и церковнославянизмы в лексике русского литературного языка: Учебный словарь. София, 1987. — Т. I—III.

¹⁷ Мещерский Н. А. Лексические и грамматические критерии разграничения памятников древнеславянского литературно-письменного языка русского извода и древнерусского литературного языка (книжно-славянского типа) // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии: Тез. конф. — М., 1975. — Вып. 1. — С. 35.

¹⁸ См.: Славова Т. Преславска редакция на Кирило-Методиевския старобългарски евангелски превод // Кирило-Методиевски студии. — София, 1989. — Кн. 6. — С. 124—127.

¹⁹ Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. — М., 1977. — С. 290.

ИСТОЧНИКИ

Браткова минея — сербская рукопись, со следами русизмов, XIII в., Народная библиотека Сербии, Рс 647.

Зогр. 88 — Служебная минея за сентябрь, октябрь и ноябрь, XIII в., сербская, из собрания Зографского монастыря.

Мин. IX — Минея за сентябрь 1095—1096 г.

Мин. X — Минея за октябрь 1096 г.

Мин. XI — Минея за ноябрь 1097 г.

Скопская минея — праздничная минея, среднеболгарская, XIII в.

А. Д. Кривоносов

**НЕАКЦЕНТОВАННЫЕ ИМЕННЫЕ
СЛОВОФОРМЫ В СЕВЕРНОРУССКОЙ РУКОПИСИ
XVII ВЕКА**

Объектом исследований по русской исторической акцентологии всегда были акцентованные памятники, откуда выбирались и анализировались слова и словоформы, помеченные знаками ударения. Однако любой исследователь древнерусского акцентованного источника заметит, что тексты с расставленными в них знаками ударения далеко не равноценны как по степени их акцентовки (ср., например, данные А. А. Зализняка, Е. А. Аксеновой, Г. Невекловского, Н. Линдгрена¹), так и по семантике (а точнее, по символическим) акцентных знаков.

Основной фонд надежно акцентованных рукописей появляется в XVI—XVII вв. — в период активных акцентных преобразований, связанных с процессом формирования национального русского языка и определяемых на уровне морфологии. Именно в это время начинает складываться норма русского литературного языка. Понятие нормы, разумеется, предполагает наличие вариантов; именно для разграничения вариантов (а с XIV в. древнерусская система отражает уже и диалектные различия) и потребовались просодические диакритики.

Говоря о норме русского литературного языка, необходимо подчеркнуть, что к XIV—XVII вв. устная норма языка еще только складывается, норма письменного языка представлена в образцовом тексте. Однако к данному времени изменяются и принципы составления самих образцовых текстов: от синтагм-формул — к семантически самостоятельному отдельному слову.² В связи с изменением принципов организации старорусского текста изменяется акцентная маркировка текста: знаками ударения помечаются теперь практически все слова в тексте. Естественно, что часть словоформ не имеет знаков акцента.

Развитие исторической акцентологии в настоящее время невозможно без расширения фронта работ и в области сравнительной акцентографии.³ Если акцентология занимается прежде всего акцентуацией текста — системой ударения, представленной в каком-либо источнике, то объект акцентографии — акцентовка текста — система его акцентной маркировки. Но в ак-

центовграфическом исследовании источника должны быть учтены и словоформы, не помеченные знаками ударения.

Целью данной статьи является определение причин появления в старорусском тексте форм без знаков ударения (далее — б. уд.), причем к исследованию привлекаются материалы только одного памятника — севернорусского Сборника, написанного в Ярославле в 1606—1607 гг. (хранится в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде; шифр рукописи 1319 из собрания Н. М. Погодина, 846 лл.) и содержащего тексты богословского характера («Маргарит» и Слова Иоанна Златоуста, главы из Киево-Печерского патерика, Тактикон Никона Черногорца, выписки из патериков). Интенсивное изучение акцентных данных одного источника или группы однотипных памятников сможет дать впоследствии материал для реконструкции русской акцентной системы как в ее динамике, так и на диалектных срезах, а для рукописей XVI—XVII вв. этот материал будет скорректирован и по стилистическим параметрам.

В изученном нами Сборнике довольно высокий процент акцентовки (78%); для определения особенностей акцентной системы этой рукописи были проанализированы и словоформы, не помеченные знаком ударения. Исследование акцентуации имен существительных Сборника в сопоставлении с другими старопечатными и рукописными данными XVI—XVII вв. показало, что Сборник 1606—1607 гг. отражает акцентную систему памятника высокого (книжного) стиля. Одной из основных особенностей этой системы является выделение знаком акцента корневой морфемы. В технике акцентных маркировок этого памятника выделяется обилие словоформ с двумя знаками ударения (ср. материалы к комментарию Л. Стенсланда⁴), что определяется соотношением церковно-книжного и народно-разговорного акцента. Это предполагает наличие различных приемов акцентного обозначения словоформ у древнерусского книжника: или двойное ударение в словоформе, или отсутствие знаков акцента.⁵

Появление неакцентованных словоформ рассматривается в рукописи на примере словоформ имени существительного, классификация материала производится в соответствии с выделяемой Хр. Стангом в праславянском системой трех акцентных парадигм (а. п.): а. п. *a* — баритонеза, а. п. *b* — окситонеза, а. п. *c* — подвижность.

Баритонеза — а. п. с постоянным по всей парадигме накоренным ударением — в праславянском была наиболее устойчивой. Однако материалы В. В. Колесова показывают, что в изученных им древнерусских источниках XVI—XVII вв. отсутству-

ют памятники, которые не отражали бы колебания акцента в баритонированных именах.⁶

В Сборнике 1606—1607 гг. некоторые существительные исконной а. п. а дают формы б. уд.*

Имена ж. р.: вЕра 337 (2 х), вЕры 11 (2 х), вЕрЕ 308, вЕру 307 об. (4 х), вЕрою 338 об. (2 х), в вЕрЕ 317;

без мЕры 760, мЕру 117, в мЕры 760, в мЕрах 570 об.;

силЕ 752, силу 597 об. (3х), силою 722 об., в силах 724 об.

Такие словоформы зафиксированы и в именах праславянской окситонезы, для которых с древнейших времен в древнерусском была характерна баритонеза:

нужа 39 об. (2 х), нужу 764, нужую 535;

пища 427 об., пищу 428 (2 х), о пищЕ 761.

Характерно, что существительные **вЕра, мЕра, сила** являются славянскими заимствованиями в литовской 4-ой а. п., представляющей колонную окситонезу. (Ср. также материал Е. А. Морозовой⁷ из севернорусских рукописей XVI—XVII вв., где имена данного списка слов демонстрируют акцентную нестабильность).

Имена м. р.: брат 717 об (2 х), от брата 719, брату 719 об., брата 720;

плач (И. и В. ед.) 589 об., плачем 745, о плачЕ 746 об.;

скит 720, скита 752, в скит 752, в скитЕ 752;

хлЕб 14 (4 х), хлЕба 406 (2 х), хлЕбу 400 об., хлЕб 586 об. (2 х), хлЕбом 265, хлЕбов ради 723.

Данные существительные м. р. могли в севернорусских памятниках развивать акцентуацию по подвижному типу,⁸ что объясняется релевантностью в севернорусских говорах XVI—XVII вв. двух просодических дифференциальных признаков: ударения и количества.

Из имен ср. р. чаще всего словоформы б. уд. встречаются в слове лЕто: пред лЕтом 745, лЕта (И. мн.) 285, лЕта (В. мн.) 283 об., лЕты 556, два лЕта 77 об.

По наблюдениям В. В. Колесова,⁹ это имя в севернорусских говорах могло развивать нафлексивную акцентовку.

Формы б. уд. обнаруживаются и в исконно окситонированных существительных.

Имена ж. р.: бЕда 498, бЕдЕ 506, бЕду 479 об., в бЕдЕ 366 (3 х), бЕдам 147 (3 х), бЕды (В. мн.) 530 об. (2 х), в бЕдах 115 (5 х); жена 377 (3 х), от жены 327, женЕ 448 об. (3 х), жену (4 х), жено 556 об., женам 529 (4 х), жены (В. мн.) 793, же-

* При презентации материала грамматические пометы даются лишь в необходимых случаях; количество зафиксированных словоформ обозначаем значком «х».

нами 551 об; мзды 394 об. (2 х), мздЕ 110 об., мзду 79 об. (2 х), мздою 750 об.; в рЕцЕ 722 об., рЕкам 236 об., в рЕках 814 об.

В этой группе имен формы б. уд. появляются либо в существительных с долгим корневым гласным, либо в тех словах, которые дают в древнерусском акцентную нестабильность.¹⁰

Формы имен м. р.: блуда 744, блудом 719, во блудЕ 566 об. (Важно отметить, что в словоформах этого имени в Сборнике наряду с формами б. уд. встречается и дублетное ударение — накоренное и нафлексивное);

креста 758, кресту 636 об., крестом 402, на кресте 296, крестов 597, с кресты 572;

раба (В. ед.) 576, рабом 629 (2 х), рабе 757 об., рабом (Д. мн.) 50 (4 х), рабов (В: мн.) 752, о рабЕх 382 об. (2 х);

бес труда 740 об., трудом 85, трудов 578, труды 46: о трудЕх 96 об;

ума 394 об., уму 592, умом 464 (6 х).

Накоренной акцент возможен в этих именах, и такое ударение регистрируется в памятнике; накоренной акцент появляется прежде всего в лексике книжного, церковного характера.

Имена ср. р.: дЕло 550, дЕлу 407, дЕло 577, дЕлом 655 об., го дЕлом 268 об. (4 х), дЕла (В. мн.) 268, дЕлы 716, о дЕлЕх 617, ср. форму с новой флексией на дЕлах 783;

лице 815, лицу 601 об., лице (В. ед.) 726 об., пред лицом 194 об. (3 х), на лица (2 х), лица 502;

мЕсто 622 об., от мЕста 417 об., мЕсту 750, мЕсто 579, на мЕсте 342, по мЕстом 725 об., сквозЕ мЕста 732;

село 728, села ради 727, село 726 об., на селЕ 744 об.

Появление словоформ б. уд. имен **лице**, **село** продиктовано зафиксированными в древне- и среднерусском случаями накоренной акцентовки.¹¹ Что касается исконно окситонированных существительных **дЕло**, **мЕсто**, предполагаемое в неакцентованных словоформах нафлексивное ударение можно объяснить многозначностью этих имен в древнерусском.

Неакцентованные формы видим и среди имен а. п. с.

Имена ж. р.: вода 751 об., воду 747 (2 х), водою 260 (6 х), в водах 22 об. (3 х);

на горЕ 754 (2 х), горам (3 х), на сих горах 767 об.;

зимЕ 431 об. (3 х), в ту зиму 802 об., в зимЕ 258;

от руки 401 (2 х), руку 744 об., рукою 744 об., рукам 339 об., на руках 140 (3 х).

Формы имен ж. р. б. уд. (наряду с акцентованными) показывают неустойчивую акцентовку данных существительных, которые (несмотря на их принадлежность к а. п. *б* и *с* в славянских языках) возводятся к индоевропейской баритонезе.

Имена м. р. бЕс 605 об. (2 х), бЕсу 557 (2 х), бЕса 744, бЕ-

си 405 (3 х), бЕсове 752, бЕсов 404 об. (3 х), бЕсом (3 х), бЕсы 644;

вЕка 628 (2 х), в вЕце 283 об. (2 х), от вЕков 619 об., вЕком 113 (4 х), вЕкы 761 об.;

гнЕв 652 об., гнЕва 820 об., гнЕву 719, гнЕв 759, гнЕвом 356 (3 х);

град 501 об. (3 х), града 391 об. (3 х), граду 96 об. (3 х), град (В. ед.) 255 (5 х), в градЕ (6 х), градове 674, в градЕх 670 об.;

дух 67 (5 х), духа 608, духу 746, дух (В. ед.) 410 об., духом 609 об.;

свЕт 13 (3 х), свЕта 403, свЕту 351, свЕтсм 291 об.;

страх 74 об. (6 х), страха (2 х), страх (В. ед.) 344 об. (3 х), в страсЕ 759;

храм 45 (3 х), храм (В. ед.) 661 об. (2 х).

Формы б. уд. в подвижноударных именах м. р. фиксируются в Сборнике прежде всего среди тех существительных, где возможно колебание акцента (бЕс) или напредложная рецессия иктуса.

Формы б. уд. регистрируются и среди заимствований, когда писец, вероятно, не имеет четкого акцентного типа для иноязычного слова, как, например, для имен **корабль** и **монастырь**, представленных в нашей рукописи как с накоренной, так и с накоренной акцентовой: монастырю 374, монастырем (Т. ед.) 384, монастырем (Д. мн.) 598 об., в монастырЕх 687;

корабли (И. мн.) 723, корабли (В. мн.) 745 об., с корабли 791 об.

Неакцентованные словоформы встречаем и среди многосложных заимствований ж. р. а. п. а:

икон (Р. мн.) 762 об., иконам 744, на иконах 761;

внЕ кЕлли 755 об., в кЕлли 578, кЕлли (И. мн.) 725, в кЕллиях 716 (2 х);

суботы (Р. ед.) 477, субботу 252 об., субботы (И. мн.) 429, суботам 426, в субботы 528 (2 х), в суботах 466;

хартя 756 об., хартии (Р. ед.) 756, хартию 756, в хартиях 574 об.

Слогоформы б. уд. обнаруживаются и в формах Р. мн. окситонированных и подвижных имен былых о-основ м. р., где при новой флексии **-овъ** в Сборнике наблюдается накоренное ударение. В. В. Колесов¹² отмечает накоренное ударение у исконно окситонированных имен в зоне памятников русского Севера. Видимо, накоренной акцент с новой флексией обязан своей исконной форме с нулевой флексией и акцентованным корнем. Формы Р. мн. с флексией **-овъ** появляются прежде всего в окситонированных и подвижных именах:

имена а. п. *b*: врачей 753 об., еретиков 599, блудов 744, крестов 597, трудов 723 об., ср. трудъ 578;

имена а. п. *c*: бЕсов 404 об., от вЕков 619 об., зубов 720 об., от князей 768 об., ср. от князь 584, мужей 33 об.

Характерно, что баритонированные имена дают словоформы с нулевой флексией от варяг 308, от патриарх 586, язык 531, мних 439. Единственная форма с новой флексией хлЕбов ради 723 об. объясняется, как и другие формы этого имени, воздействием подвижной а. п.

Постоянно безударными оказываются и словоформы Д. и М. падежей мн. числа окситонированных и подвижноударных имен ж. р., а также имен а. п. *b* м. р. о-основ. Анализ таких форм дает основание утверждать, что Сборник отражает один из этапов образования нового акцентного типа — новой подвижности. В группе имен с еровыми суффиксами некоторые словоформы Д. и М. мн. также не помечены знаками акцента, что может показывать снижение словообразовательной активности у этих имен с данными суффиксами: они, как и непроизводные, вовлекаются в сферу действия новой подвижности.¹³

При анализе производных имен оказалось, что словоформы б. уд. регистрируются прежде всего там, где возможны дублетные акценты. Ср., например, в существительных с еровыми суффиксами: от а. п. *a*: дЕвство (И. ед.) 304 об, дЕвства 305, дЕвству 304 об., в дЕвствЕ 304 об.; от а. п. *c*: богатство (И. ед.) 118, богатства 120 об. (2 х), богатству 830 об., богатством 394 об. (4 х), в богатствЕ 236 об. (2 х);

разньство (И. ед.) 643 (2 х), разньства 643, разньством 602 об.;

божество (И. ед.) 305 об. (3 х), божества 441 об. (2 х), божеству 306 об. (3 х), божество 623 об. (2 х), божеством 241 (2 х);

рождеством (Т. ед.) 841 об., в рождествЕ 286 (2 х) и многие другие.

Итак, неакцентованные формы в Сборнике могут выявлять диалектные особенности просодической системы писца (брат, хлЕб, лЕто, мЕсто), указывать на различия в стилистической маркировке слова (крест, раб, труд), наконец, давать информацию о системных морфологических сдвигах, отраженных в памятнике (флексия *-ов*, которая появляется прежде всего у окситонированных и подвижноударных существительных м. р.).

Представленные в системе и изученные параллельно с акцентованными, словоформы без знака ударения становятся дифферентами акцентных единиц старорусского текста.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. — М., 1985. — С. 202. Аксенова Е. А. Акцентная система севернорусской рукописи XVI в. (Диахронический и синхронический анализ): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1982. — С. 11;

Neweklowsky G. Die Akzentuation der a/ja — Stämme in der Sprache Avvakums//Dona slavica Aenipontana in honorem H. Schelesniker. — München. 1987.—S. 126;

Линдgren Н. Акцентологическая характеристика севернорусской рукописи XVII века. — Stockholm, 1990. — С. 17.

² Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. — Прага, 1976. — С. 20—21.

³ См., например: Стенсланд Л. Акцентировка и акцент: Акцентологический анализ Служебника XV в. *Chil.* 323. — Stockholm, 1990;

Лехно Е. А. К интерпретации надстрочных знаков в древнерусских рукописях // Закономерности языковой эволюции: Тез. докл. Всесоюз. научн. конф. — Рига, 1990. — С. 179—180.

⁴ Стенсланд Л. Указ. соч. — С. 31—33.

⁵ Материал и его обсуждение см.: Кривонос А. Д. 1) Специфика акцентной маркировки словоформ в русской рукописи XVII века // Вестн. ЛГУ. Сер. 2. 1988. — Вып. 4. — С. 48—52; 2) Старорусский текст: принципы составления и акцентная маркировка // Закономерности развития и взаимодействия национальных языков и литератур: Тез. докл. науч.-практ. конф. — Казань, 1989. — С. 133—135; 3) Имя существительное в русской рукописи XVII века: тип склонения и тип ударения // Семантика и фонология. — Ташкент, 1990. — С. 37—43.

⁶ Колесов В. В. История русского ударения. — Л., 1972. — С. 16.

⁷ Морозова Е. А. Именная акцентуация в древнерусском языке XVI — XVII вв. (на материале рукописей XVI—XVII вв. из Пинежского собрания ИРЛИ): Дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1978. — С. 48—50.

⁸ Колесов В. В. Указ. соч. — С. 110.

⁹ Там же. — С. 195.

¹⁰ Там же. — С. 53; Зализняк А. А. Указ. соч. — С. 287.

¹ Колесов В. В. Ударение *neitra* *о-основ в древнерусском языке// Изв. АН СССР.—Отд. лит. и яз. 1969. — Т. XXVIII. вып. 1. — С. 25, 28.

¹² Колесов В. В. История русского ударения. С. 120.

¹³ Материал см.; Кривонос А. Д. Об отражении новой подвижности в русской рукописи XVII в. // Функционирование языковых единиц в синхронии и диахронии. — Л., 1987. — С. 51—60.

Ю. С. Кудрявцев

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛАВЯНСКОГО ИМПЕРФЕКТА В СВЕТЕ ДАННЫХ ВНУТРЕННЕЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Как известно, славянский имперфект является новообразовани-ем праславянского периода. У него нет видимых соответствий в языках других ветвей индоевропейской семьи. Последнее обстоятельство во многом определяет подход к этой грамматической форме в научной литературе. Авторы общих курсов обычно ограничиваются двумя-тремя фразами типа той, которой начинается наша статья, и переходят к письменному периоду. Поскольку историческая лингвистика рассматривается до сих пор, по крайней мере в отношении дописьменной эпохи, как с р а в н и т е л ь н о-историческая *par excellence*, то кажется излишним толковать о языковом явлении, лишенном компаративной перспективы. В данном отношении, однако, более приемлема традиция этимологов, для которых отсутствие родственных слов в других языках никогда не служило поводом пренебрегать той или иной лексемой и отказывать ей в своем внимании.

Что касается специальных работ, посвященных происхождению славянского имперфекта, то на их недостаток нельзя пожаловаться. К несчастью, почти каждая из них предлагает свою, новую теорию этого процесса. Не будет исключением и наша статья. Думается, что существенным ее отличием от предшествующих работ является то, что мы попытаемся рассмотреть происхождение имперфекта только на славянском фоне.

Как указывает в своем обзоре Х. Бирнбаум¹, попытки «этимологизировать» нашу форму протекают в двух направлениях.

Во-первых, по аналогии с сербским футурусмом типа *носићу* < *носи(ти хъ)ћу* или украинским будущим модели *працюватиму* < *працювати* иму желают видеть в форме славянского имперфекта бывшее сочетание основного глагола с какой-либо формой вспомогательного глагола. Относительно аналогии можно было бы заметить, что будущие времена во многих языках представляют собой поздние инновации, возникшие по настоятельной необходимости заполнить пустую грамматическую «клетку», тогда как «пустая клетка» для имперфекта со специфическим длительно-кратным значением должна была еще возникнуть. Типо-

логически ее не очень легко обосновать. Но более серьезные трудности встречает «аналитический» подход к исследуемой форме в области фонетики и собственно грамматики. Рассмотрим это на примере реконструкции В. Георгиева². В основе имперфекта, по Георгиеву, лежит аналитическая форма, состоявшая из причастия действительного залога настоящего времени основного глагола и имперфекта от глагола-связки **быти**, причем имперфекта, образованного от основы настоящего времени. Примеры (в традиционной транскрипции, отличающейся от транскрипции автора): *zovā + jāšъ > zovaasъ*, *bijā + jāšъ > bijaasъ*. Трудно, однако, обосновать финаль причастной формы **-ā*: ст.-сл. **ЗО-ВЫ**, др.-рус. **зова** восходят, все-таки, скорее к праформе **zovōnts*. Невозможен также и фонетический переход **s > ch* после **ā*. Георгиеву приходится привлекать для объяснения аналогичское воздействие со стороны славянских форм аориста на **-ch*. Заметим это как общую черту большинства работ по имперфекту. С грамматической стороны серьезная трудность заключается в том, что рефлекс формы **jāšъ* не засвидетельствованы. Т. о., исторически неясное объясняется через ясное, но не историческое. Подобные трудности приходится преодолевать всем авторам, работающим в данном направлении.

Второй подход выглядит более реалистичным. За основу принимается унаследованная форма простого претерита в каком-либо частном случае его оформления (обычно форма с итеративной семантикой). Остаются, таким образом, только фонетические проблемы. Нас больше всего привлекает концепция Х. Станга.

По мнению Станга, славянские имперфекты на **-ЕАХ-** восходят к тем же праформам, что литовские простые претериты на *-ėjo* типа *turėjo mylėjo, sėdėjo*.³ Слав. **Е** (ять) соответствует лит. *é* (< и.-е.**ē*), слав. **а** — лит. *o* (< и.-е.**o*). Элизия интервокального йота осуществилась на славянской почве подобно тому, как это произошло в членных формах прилагательных, напр.: **mala + jego > МАЛААГО*. **-Х-** присоединено по образцу славянского аориста с переходом и.-е.**s > ch*: **ХОДИХЪ, МОЛИХЪ**. Таким образом, фонетические и морфологические трудности полностью снимаются. «Schwieriger ist die semantische Seite des Problems»⁴. Труднее семантическая сторона этого вопроса, пишет Станг. Используя наблюдения Шантрена над древнегреческим глаголом, Станг принимает утверждение о том, что индоевропейские формы с показателем **-ē-* имели имперфективное значение. Литовские претериты на *-ėjo*, славянские на **-ЕА-** он рассматривает как формальное расширение таких и.-е. претеритов. Отсутствие в литовском языке «имперфективных об-

разованый» на -е- от основ, имеющих претерит на -о- (типа *budo, pyko, dirbo*), приходится принимать как указание на то, что сами формы на -о- первоначально функционировали в качестве имперфектов. Аналогично к этому Станг усматривает в том, что славянские глаголы с инфинитивом на -а- (соответствует лит. -о-) образуют имперфект без показателя -Е-: **ЖЬДААХЪ, ЗНААХЪ**. Отметим эту нестандартную трактовку (обычно считается, что **ЖЬДААХЪ, ЗНААХЪ**—результат стяжения гласных). Поскольку современные балтийские простые претериты не обнаруживают никаких следов имперфективного значения, вся эта по-своему изящная логическая конструкция повисает в воздухе.

В целом попытки истолковать происхождение славянского имперфекта на индоевропейском фоне не привели к результатам, удовлетворяющим если не большинство, то хотя бы значительную часть славистов. В этой ситуации резонно проверить, исчерпаны ли в объяснении нашей формы ресурсы внутренней реконструкции.

Исторически засвидетельствованный старославянский имперфект имеет три варианта суффикса: -ЕАХ, -ААХ-, -АХ. -ААХ- употребляется только после мягких согласных: **ХОЖДААХЪ, МОЖЛААХЪ** и является результатом регулярного перехода **ē* > *a*. Соотношение -ЕАХ- и -АХ- принято рассматривать как результат стяжения гласных: *zna + ēach* > *znaach*⁵. Однако возможна и обратная трактовка: -Е- (после мягких -А-) допускает понимание в качестве такой своеобразной морфемы, как интерфикс, а собственно суффиксом имперфекта тогда выступает инвариантная часть -АХ-.

Термин «интерфикс» введен А. М. Сухотиным, одним из основателей Московской фонологической школы⁶. В настоящее время мало кто из специалистов по русской морфемике сомневается в существовании интерфиксов. Споры идут по другому вопросу: можно ли считать морфемой незначимый звуковой отрезок. Для нашей темы эта таксономическая тонкость не имеет значения. Интересно, что никто не отказывает в морфемном статусе т. н. тематическим гласным (белеть, ходить, играть), хотя они тоже лишены значения. На близость тематических гласных к интерфиксам указал А. А. Реформатский⁷.

Важнее для нас вопрос о функциях интерфикса. Определение «соединительная гласная» (герр. «соединительная согласная») ничего не дает, т. к. необходимость соединения морфем с помощью специальных незначимых элементов не может быть доказана. В подавляющем большинстве случаев морфемы соединяются непосредственно. Даже для двух корней формальное выражение

связи интерфиксом не обязательно, ср. **двоюродный**, **вездеход**, **диван-кровать** и под. Более содержательна формулировка «асемантическая прокладка, устраняющая сочетания фонем, запрещенные законами морфонологии или нехарактерные для структуры русского слова»⁸. Следующие за этим примеры частично подтверждают высказанные Е. А. Земской положения, ср. **африк(ан)-ец** ([k'e] нехарактерно для стыка корня и суффикса), **орл(ов)-ский** ([рлск] труднопроизносимо), **жи(л)-ец** ([ие] без йота невозможно в русских словах), **кофе(ж)-ный** (основы русских существительных не заканчиваются на гласный, и модель словообразования не приспособлена для таких случаев) и др. Однако другие примеры не могут быть истолкованы подобным образом. **Пе(в)-учий** — сочетание [eу] на стыке морфем возможно: **неужели**, **синеусый**⁹; **орл(ов)-ец** — возможно ***орл-ец** или ***орёл-ец** без нарушения правил морфонологии; **суди(л)-ище** — неясно, почему не используется модель с наложением морфем (типа **таксист**). Это заставляет более внимательно присмотреться и к первому ряду примеров, где морфонологическая обусловленность проявляется несомненно. Конечным итогом такого рассмотрения мог бы быть вывод, что интерфикс не только выполняет функцию «удобного» соединения морфем, но и одновременно (а в примерах второй группы исключительно) формально разграничивает эти морфемы, тем самым однозначно определяя модель, по которой построено слово (а следовательно, и его словообразовательное значение).

Эта вторая функция интерфикса никем, кажется, до сих пор не указывалась. Между тем она очень важна в различного рода новообразованиях, как лексических, так и грамматических. На стыке морфем часто происходят автоматические звуковые изменения, затемняющие первоначальный облик формантов (ср. какое-нибудь **иждивение**). Интерфикс препятствует последнему. Интерфикс **-Е-** перед формантом имперфекта **-АХ-** идеально выполняет эту функцию, принимая на себя все звуковые вариации: **Е/А/ Ø** и сохраняя неизменным семантизированный элемент **-АХ-**.

В качестве аналогии интерфиксу имперфекта можно указать такой же «соединительный гласный» в формах компаратива: **ДОБРЕЕ** — ср. **БОЛЕ**.

Отделив интерфикс, мы получаем единый звуковой облик суффикса анализируемой формы **-АХ- < *āch-**, который отличается от показателя нового сигматического аориста **-ОХ- < *och-** только двумя компонентами: а) с формальной стороны — длиной гласного; б) с семантической стороны — указанием на длительность или кратность действия. Напомним, что большинство

гипотез о происхождении исследуемой формы вынуждено принимать влияние со стороны форм сигматического аориста с измененным на славянской почве согласным *s > ch. При нашем способе анализа речь должна идти уже не о влиянии, а о прямом генетическом тождестве. Если *-o- в суффиксе нового сигматического аориста — по происхождению обычная тематическая гласная, вновь использованная по способу агглютинации, то *-ā- в имперфекте — результат ее продления в духе элементарного звукового символизма: краткое действие — краткая гласная, длительное действие — долгая гласная.

Такое использование чередования по долготе, как известно, часто встречается в других морфемах праславянского языка. Ср. в глагольных корнях: **НОСИТИ-НАШАТИ**, **БЪРАТИ-(СЪ)БИРАТИ**. Аналогично в приставках *pro-prā, *po-pā-и, как мы стремились доказать в другой работе¹⁰, *ui-ūi. Звукосимволизм в приставках, однако, не сводится к таким простым отношениям, как в глагольных корнях и в суффиксах простых претеритов.

Таким образом, внутренняя реконструкция показывает, что новый сигматический аорист и имперфект в равной мере являются поздними инновациями, и их возникновение не случайно, а представляет собой формальную поляризацию развивающихся видовых значений, которые раньше выражались только способом внутренней флексии.

На пути такого толкования стоит одна серьезная трудность. Новый сигматический аорист считается формой более поздней по образованию, нежели имперфект. Эта форма полностью отсутствует в таких памятниках старославянской письменности, как Синайская псалтырь, Клоцев сборник и Маринское евангелие. Данные памятники оцениваются как наиболее древние. Вот как, по А. Вайану¹¹, распределены формы нового сигматического аориста в основных рукописях:

Нет	Нередко встречается	Употребляется равномерно с другими типами	Преобладает	Подавляюще преобладает
Син. пс. Клоц. сб. Мар. ев.	Син. гр. Ассем. ев.	Зогр. ев.	Савв. кн.	Супр. рук.

Однако такое распределение допускает не только хронологическое толкование, но и географическое. Памятники, стоящие в левой части таблицы, по-видимому, написаны на западе (приходят из Охридской школы писцов), а памятники правой части — на востоке (Преславская школа). Вайан дает следующую фор-

мулировку: «Таким образом, в древнеболгарском языке старые формы обязаны своим существованием лишь древнемакедонской традиции»¹².

Напомним, что старославянский язык был языком младописьменным. «Устроение» письменной речи остро ставило проблему нормы, которая на практике всегда проявляет себя как выбор одной из конкурентных форм (частный случай — отказ от выбора, ср. данные Зогр. ев.). Корневой и старый сигматический аорист, с одной стороны, новый сигматический аорист, с другой, при тождестве значения образовывались от одних и тех же глагольных основ: **ИДЪ-ИДОХЪ, ВЕСЪ-ВЕДОХЪ**. Они представляли собой чистые грамматические дублеты. Следовательно, показанное в таблице распределение можно толковать таким образом: писцы Охридской школы из двух конкурентных форм выбирали более краткую, писцы Преславской школы — более прозрачную морфологически. Для имперфекта **ВЕДЕАХЪ, ЗНААХЪ** и сигматического аориста от основ на гласную **МОЛИХЪ, ВИДЕХЪ** такой проблемы не существовало, поэтому они равномерно употребляются в памятниках обеих школ.

Наша трактовка распределения форм аориста как проявления нормализующих тенденций в литературно-письменном языке снимает основную трудность в предлагаемой реконструкции происхождения имперфекта. Отсутствие нового сигматического аориста в ряде памятников старославянской письменности не означает его отсутствия в соответствующих древнеславянских диалектах. Памятники, вопреки устоявшемуся мнению, не дают однозначных указаний на хронологические отношения этой формы с имперфектом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бирибаум Х. Праславянский язык: Достижения и проблемы в его реконструкции. — М., 1987. — С. 123, 290—291.

² Georgiev V. Die Herkunft des slavischen Imperfekts//Die welt der Slaven. — XXI. — 1976. — S. 48—51

³ Stang Chr. S. Das slavische und baltische Verbum. — Oslo, 1942.—S. 81.

⁴ Stang Chr. S. Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. — Oslo; Bergen; Tromsø, 1966. — S. 387.

⁵ См., напр.: Матвеева-Исаева Л. В. Лекции по старославянскому языку. — Л., 1958. — С. 145.

⁶ См. об этом: Панов М. В. О грамматической форме // Учен. зап. МГПИ. — Т. 73, вып. 6. — 1959. — С. 35.

⁷ Реформатский А. А. Введение в языковедение. — М., 1967. — С. 266—267.

⁸ Земская Е. А. Словообразование // Современный русский язык: Учебник / Под ред. В. А. Белошапковой. — М., 1981. — С. 174.

⁹ Интересно, что здесь первый компонент якобы запрещенного сочетания сам является интерфиксом.

¹⁰ Кудрявцев Ю. С. Этимологические заметки по русскому языку. I. Приставка вы- //Diachronica. — Tallinn, 1991.

¹¹ Вайан А. Руководство по старославянскому языку. — М., 1952.

¹² Там же. — С. 265.

Б. В. Кунавин

К ИСТОРИИ РУССКИХ ИМЕННЫХ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ И ДЕЕПРИЧАСТИЙ

Несмотря на обилие работ по древнерусскому именному действительному причастию (ИДП) и русскому деепричастию, в научной литературе нет еще достаточно полного и целостного обзора исследований по этому вопросу. Между тем такой обзор необходим не только для истории науки, но и для дальнейшего изучения исторической проблематики деепричастия.

В древнейших восточнославянских грамматиках «деепричастия не выделялись даже по названию»¹. Первое их описание встречается только в грамматике М. Смотрицкого. По словам А. Х. Востокова, Смотрицкий, обнаружив в современных ему русском и польском языках эту несклоняемую глагольную форму, заключил о ее существовании и в славянском языке. Поэтому славянское деепричастие у него в отличие от современного изменяется по родам и числам, но имеет только форму имен. падежа². Таким образом, М. Смотрицкий просто наложил современную ему языковую категорию на древний материал. Этот антиисторический подход к деепричастию был преодолен только А. Х. Востоковым, который убедительно показал, что древний славянский язык не имел деепричастия, что оно возникло из ИДП в результате утраты последними способности к изменению. Он же привел первые примеры нарушения согласования ИДП со словами, к которым они относятся³. Однако причины этого нарушения не затрагиваются ни в трудах Востокова, ни в работах других ученых, отмечающих примеры несогласуемых причастий⁴.

Первым попытался объяснить возникновение деепричастия Н. П. Некрасов, видевший причину этого в изменении синтаксических функций древнерусских ИДП. Он считал, что данные причастия сначала были определениями имен существительных, а потом, примкнув к действию, перестали определять существительные и «начали определять глаголы, т. е. получили значение обстоятельственное»⁵. Однако чем была вызвана мена атрибутивной функции причастий на обстоятельственную, автор не установил. Указание на изменение синтаксических функций ИДП

при объяснении возникновения деепричастий в дальнейшем получило широкое распространение, если не стало единственным⁶.

Первое достаточно полное и высококвалифицированное описание функциональных свойств ИДП мы находим у А. А. Потебни. Основным положением Потебни в учении о синтаксических функциях именной формы причастия действительного залога в имен. падеже является утверждение о ее предикативности и относительной самостоятельности. По отношению к ИДП в номинативе как члену предложения Потебня употребляет термины «аппозитивное причастие» и «второстепенное сказуемое». «Аппозиция, — пишет Потебня, — занимает середину между сказуемым и атрибутом или определением в тесном смысле»⁷. Аппозитивными, по Потебне, могут быть не только причастия, но и прилагательные и существительные, которые употребляются в аппозитивной функции лишь в зависимости от способов выражения определяемого слова или от распространения их другими словами⁸. ИДП в имен. падеже, употребленное при подлежащем, независимо от способа выражения последнего, а также независимо от присутствия при нем распространяющих членов, всегда является аппозитивным.

Понимая большую склонность ИДП к предикативности, чем существительных и прилагательных, и стремясь отграничить поэтому аппозитивное причастие от других аппозитивных членов, А. А. Потебня употребляет по отношению к нему термин «второстепенное сказуемое»⁹. Таким образом, термины «аппозитивное причастие» и «второстепенное сказуемое» являются синонимами. Употребление термина «второстепенное сказуемое» по отношению к аппозитивному причастию объясняется, видимо, стремлением автора подчеркнуть его большую предикативную силу, поскольку этим термином Потебня обозначает также сказуемое, выраженное инфинитивом и грамматически зависимое от главного сказуемого в финитной форме¹⁰. Потебня впервые вскрыл следующие грамматические явления, свидетельствующие о высокой предикативной силе анализируемого причастия: 1) употребление причастной связки при различных именных предикативах для перевода последних на роль второстепенного сказуемого; 2) соединение причастия с глаголом в финитной форме при помощи сочинительного союза; 3) использование причастного предиката в именительных самостоятельных оборотах; 4) соединение анализируемого причастия как единственного сказуемого придаточного предложения с главным сказуемым посредством относительного слова¹¹.

Основным недостатком в учении А. А. Потебни и его последователей (Д. Н. Овсянко-Куликовского, А. С. Будиловича,

Б. М. Ляпунова) о функциональных свойствах ИДП является недостаточно четкое разграничение аппозитивных причастий, с одной стороны, и аппозитивных существительных и прилагательных — с другой. Неправомерным представляется также объединение термином «второстепенное сказуемое» анализируемых причастий и инфинитивов.

В связи с этим представляется понятным стремление Е. С. Истриной к более четкому определению исследуемой категории. Она справедливо отказывается от многозначного термина «аппозитивный» в применении к древнерусскому ИДП и сохраняет лишь термин «второстепенное сказуемое», суживая его значение применением только по отношению к ИДП. Причем Е. С. Истрина, в отличие от А. А. Потебни¹², не считает второстепенное сказуемое «второстепенным членом, вполне подчиненным главному сказуемому»¹³. Для обоснования этого она приводит следующие доводы: 1) возможность согласования второстепенного сказуемого с подлежащим — собирательным существительным по смыслу, «что вполне совпадает с согласованием сказуемого в личной глагольной форме и совсем не соответствует согласованию определения с именем собирательным как своим определяемым»¹⁴; 2) употребление подлежащего между второстепенным сказуемым и относящимся к этому второстепенному сказуемому второстепенным членом предложения, ср.: и приехавъ князь ис Переяслава изима плъсковици¹⁵; 3) частое отделение точкой синтагмы (причастие-подлежащее) от остальной части предложения, ср.: и сдумавъше новъгородци. показаша путь князю Роману¹⁶. Данное обстоятельство свидетельствует об относительной автономности причастного оборота. Вместе с тем Истрина не отождествляет второстепенное сказуемое с глагольным сказуемым, утверждая, что «причастное сказуемое имеет явно иное синтаксическое значение, чем имело бы на его месте сказуемое личного глагола, т. к. с причастной формой связывается его второстепенность»¹⁷. Менее убедительным представляется мнение автора о том, что «второстепенное сказуемое, выражаемое нечленным действительным причастием, обозначает действие подлежащего, менее важное, второстепенное, сравнительно с действием главного, глагольного сказуемого»¹⁸. Однако этот ненадежный неграмматический критерий в дальнейшем получил широкое распространение, и с второстепенным сказуемым стали связывать только второстепенность выражаемого им действия (В. И. Борковский, С. И. Груздева, А. Н. Стеценко). На недопустимость подобного подхода к второстепенному сказуемому уже указывалось в научной литературе, что нашло даже своеобразный протест в замене термина «второстепенное сказуемое» термином «периферийный предикат»¹⁹.

Таким образом, Е. С. Истрина устанавливает срединное положение причастного предиката в структуре предложения, в результате чего возникает своеобразная трехступенчатая градация членов предложения: главные члены предложения — второстепенное сказуемое — второстепенные члены предложения.

Существенным дополнением Е. С. Истриной к учению А. А. Потевни о синтаксисе ИДП является установление различной степени предикативности причастий в зависимости от позиции по отношению к глагольному сказуемому. Истрина обоснованно указывает на большую предикативную силу препозитивных причастий, чем постпозитивных²⁰.

Вне связи с глагольным сказуемым второстепенное сказуемое не могло выражать ни времени, ни лица, ни модальности. Более того, без главного сказуемого оно вообще не употреблялось²¹. Отсюда, однако, не следует делать вывод об их синтаксической неполноценности. Наоборот, обходясь меньшим числом эксплицитных модально-временных и личных показателей, они «способствуют экономии языковых средств, сжатости, конденсации речи»²². В дальнейших исследованиях теоретические положения о сущности второстепенного сказуемого в основном не изменились. Однако имели место две неоправданные крайности: с одной стороны, причастный предикат отождествлялся в некоторых конструкциях с глагольным сказуемым²³, с другой — с современным деепричастием²⁴. Для того чтобы разобраться в сущности подобных допущений, необходимо сделать экскурс в историю различных причастных построений.

Одним из резких отличий конструкций с ИДП древнерусского языка от современных конструкций с деепричастием является использование союза между причастием и глаголом. И. И. Срезневский предполагал в указанном обороте опущение при причастии вспомогательного глагола²⁵. В. Ягич, так же как и Ф. И. Буслаев, допускал равноправность причастного и глагольного предиката в этой конструкции²⁶. Неубедительность указанных допущений вполне доказал уже А. А. Потевня²⁷, который обоснованно видел причину постановки союза именно в относительной самостоятельности ИДП, а не в его равнозначности с глагольным сказуемым. Употребление сочинительного союза между причастием и глаголом Потевня правомерно ставит в один ряд с его использованием для связи дательного самостоятельного и сказуемого, придаточной части с главной в сложноподчиненном предложении, отмечая, что «союзы здесь как бы назначают еще недостаточно сросшиеся швы между частями предложения»²⁸. Это мнение Потевни впоследствии подтвердилось тем, что обычно соединяется союзом с главной частью предложения именно

препозитивная придаточная часть²⁹ (также и в анализируемом обороте наиболее часто союз соединяет препозитивное причастие с глаголом). Примечательно, что недифференцированность гипотаксиса и паратаксиса, выражающаяся в постановке сочинительного союза для связи главного предложения с придаточным, была свойственна не только балто-славянским, но и другим индоевропейским языкам³⁰.

Некоторые ученые считают, что причастные обороты, соединенные с глагольным сказуемым союзом, представляют собой остатки доисторических самостоятельных именных предложений, т. е. таких предложений, в которых причастия еще не были таковыми, а являлись именами³¹. Однако широкая употребительность подобных конструкций в различных славянских языках, их конструктивное разнообразие не позволяют согласиться с таким мнением. Причастие в период, доступный исследованию, во всех оборотах обладает всеми признаками именно причастия, и нет никакой необходимости отождествлять его с именем.

А. Г. Руднев склонен «рассматривать и не столько в роли соединительного союза, сколько в роли усилительной частицы для большего подчеркивания последовательности действий, обозначенных, с одной стороны, деепричастием, а с другой, *verbum finitum*»³². Также не в характере причастия, а в особенностях самого союза ищет объяснение исследуемого синтаксического построения И. Курц. Он считает, что союз в обороте «въставъ и рече» был междометием, привлекающим внимание к глагольному действию, которое следовало немедленно и передавало нечто новое, необходимое³³. Недопустимость подобных трактовок и хорошо показана в научной литературе³⁴.

Не может быть признано удовлетворительным и объяснение А. Вайана, считавшего, что «оборот «призвавъ... и начать» есть не что иное, как плохое книжное переложение оборота «призва... и начать» разговорного языка»³⁵.

Таким образом, мысли А. А. Потепни, высказанные им по поводу оборота «въставъ и рече» и поддержанные большинством лингвистов, остаются наиболее значимыми и сейчас. Вместе с тем наличие изложенных разногласий свидетельствует о необходимости дальнейших исследований.

Не выяснены до конца грамматические особенности и причастных сказуемых, имеющих свое собственное подлежащее, отличное от подлежащего глагольного сказуемого. Впервые подобные обороты получили освещение в трудах А. А. Потепни и были названы именительными самостоятельными оборотами³⁶ (далее ИС). Впоследствии их принимали за самостоятельный тип причастных конструкций почти все исследователи. Общепризнано,

что причастное сказуемое в ИС обладало большой предикативной силой³⁷. По мнению некоторых исследователей, высокая степень предикативности в таких оборотах объясняется тем, что в доисторическом прошлом они были самостоятельными именными предложениями³⁸. Однако при таком объяснении генезис ИС искусственно отрывается от генезиса самостоятельных косвенных падежей, возникших, как предполагает ряд ученых, из зависимых падежей в результате своеобразного сдвига синтаксического членения, вследствие которого произошло вычленение из структуры простого предложения зависимого падежа с причастием и их функциональное сближение с придаточным предложением³⁹.

Такое объяснение вполне может быть приемлемым, поскольку оно учитывает усложнение человеческой мысли и его отражение в языке. В условиях неразвитого гипотаксиса в древних языках, отсутствия специальных средств для выражения подчинения одного предложения другому косвенный падеж причастия при своем собственном субъекте был очень удобным средством выражения указанной зависимости⁴⁰.

Естественно, генезис ИС не может быть объяснен подобным образом, поскольку в нем мы имеем дело с независимым падежом причастия и имени. Однако приведенные рассуждения о происхождении самостоятельных косвенных падежей имеют большое значение, так как ИС вместе с ними, являясь принадлежностью книжного стиля, образует звенья одной цепи. Вместе с тем нельзя согласиться и с той точкой зрения, что ИС представляют собой преобразованные вследствие известных изменений дательные самостоятельные⁴¹. В период, доступный исследованию, ИС не являются независимыми от глагольного предложения, так же как и дательные самостоятельные. Таким образом, если учесть, что абсолютивные причастные конструкции в косвенных падежах возникли на известной ступени усложнения человеческой мысли и развития вследствие этого гипотаксиса из зависимых конструкций, то на этой ступени, видимо, появляются и ИС⁴². Причем если у самостоятельных косвенных падежей показателем зависимости от глагольного предложения был падеж, то у ИС этим показателем являлась обязательная связь субъекта ИС с глагольной частью или связь субъекта глагольной части с ИС. Вне связи с глагольным сказуемым ИС не мог употребляться⁴³. Как известно, дательный самостоятельный в древнерусском языке, подобно родительному самостоятельному в греческом языке, наиболее часто имел субъект, не упоминающийся в глагольной части. В старославянском языке обороты с тождественными субъектами дательного самостоятельного и гла-

гольной части составляют всего 5,3% от общего числа дательных самостоятельных, в древнерусском — 25%⁴⁴. Отсюда можно сделать вывод о беспочвенности трактовки ИС как преобразованного дательного самостоятельного. Возникновение этих оборотов вызвано необходимостью показать зависимость одной части предложения от другой в условиях слабого развития специальных средств подчинения (союзов, относительных слов), на что указывал еще А. А. Потебня⁴⁵. Однако этот правильный тезис не был подкреплен специальными исследованиями. Более того, причастные сказуемые в ИС в некоторых работах⁴⁶ фактически приравниваются к личному глаголу, поскольку в них содержится указание на существование причастия как единственного сказуемого в простом предложении или в главной части сложноподчиненного, следовательно, отрицается его обязательная связь с глагольным сказуемым. Необычайно редко, причем в поздних памятниках, в древнерусском языке встречаются ИС, не связанные с глагольным сказуемым. В. Л. Георгиева объясняет этот факт усилением глагольности причастия⁴⁷. Но могла ли «умирающая» глагольная категория усиливать свою глагольность? Не отражают ли подобные ИС определенную степень утраты данного оборота? Не свидетельствуют ли такие случаи о превращении ИС из грамматического средства в стилистическое?

Нет до сих пор единства мнений и по сложноподчиненным предложениям с единственным причастным сказуемым в придаточной части. Их использование было известно различным славянским языкам, в том числе старославянскому. Важнейшим конститутивным признаком таких оборотов является односубъектность глагольного и причастного сказуемых⁴⁸. Наиболее детально разработавший этот вопрос А. А. Потебня и большинство других исследователей сходятся в том, что в подобных оборотах причастие соединяется с глаголом не прямо, а посредством относительных местоимений или союзов⁴⁹.

Анализ различных точек зрения на синтаксическое функционирование древнерусских причастий показывает разноречивый характер мнений исследователей. Одни ученые, находясь под впечатлением современных деепричастий, отождествляют с ними и древнерусские ИДП, для чего им приходится игнорировать специфику многих причастных конструкций, считать их аналогами (Д. Н. Кудрявский, Е. Ф. Карский), ошибками писцов, выводить проблему за пределы самих причастий и подменять ее проблемой союзов, предполагать опущение глагольных связок (Е. Л. Голубева, С. Д. Никифоров), апеллировать к несовершенству древнерусского языкового строя и т. д. Другие исследова-

тели справедливо объясняют различные необычные с точки зрения современного языкового состояния причастные конструкции особенностями самого древнерусского причастия, именно его большой предикативной силой и относительной независимостью от глагольного сказуемого. Однако среди них нет единства мнений по отдельным причастным оборотам. Отсутствие этого единства является следствием продолжающихся споров о возникновении деепричастия.

Формирование деепричастия происходило в исторический период русского языка⁵⁰, причем началось оно на древнейших этапах его истории, о чем свидетельствуют примеры с застывшими причастными формами уже в наиболее ранних памятниках⁵¹. А. А. Потебня, выявив синтаксические функции ИДП и определив их высокую предикативную силу, считал, что появление деепричастия было связано с тяготением древнерусского причастия к сказуемому и разрывом его связей с подлежащим⁵². Причину разрыва связей аппозитивного причастия с подлежащим он видел в стремлении языка «уничтожить образования, средние между предложением и членом предложения, и увеичить таким образом противоположность этих категорий», «сосредоточить предикативность в глаголе на счет предикативности имени и причастия»⁵³. За последнее утверждение Потебню не раз упрекали, считая, что в языке имели место и встречные движения⁵⁴. Однако этих упреков могло бы и не быть, если бы авторы учли тот факт, что Потебня не мыслил предложение без глагола. Всякое безглагольное предложение понималось им как неполное⁵⁵. Мы не будем затрагивать этой глобальной проблемы, отметим только, что причастие-второстепенное сказуемое ни в коем случае не следует отождествлять с различными именами в роли сказуемых. Если учесть этот факт, то объяснение Потебни не покажется неудовлетворительным. Вместе с тем следует заметить, что всякое несогласованное причастие Потебня считал деепричастием, даже несогласованные причастия в позиции косвенных падежей⁵⁶ (возможно, не без влияния романских герундиев). Подобный формализм был свойствен и его последователям. Правильному решению вопроса о генезисе деепричастия мешала также «морфологическая окраска синтаксиса» Потебни, слабая дифференциация членов предложения и частей речи.⁵⁷

По А. А. Шахматову, переход аппозитивного (предикативно-атрибутивного) причастия в деепричастие «возник на почве усиления предикативности причастия насчет его атрибутивности; он повел за собой переход деепричастия во второстепенное сказуемое»⁵⁸. Однако ИДП в истории русского языка, наоборот, в процессе перехода в деепричастия ослабляли предикативные

свойства, что находило грамматическое выражение в последовательной утрате ИС, оборотов типа «взъставъ и рече», причастия как единственного сказуемого придаточного предложения, порядка слов «причастие — подлежащее — второстепенный член» и т. д.

А. Г. Руднев считал, что деепричастие возникло не из аппозитивного причастия (второстепенного сказуемого), а из причастия-сказуемого, однородного с глагольным сказуемым⁵⁹. Однако непосредственная связь кратких причастий со сказуемым «есть результат процесса возникновения деепричастий, а не его начало»⁶⁰.

Не вскрывается причина появления деепричастий и в литературе последних лет. Думается, что вопрос о генезисе деепричастия может быть решен только тогда, когда будут объяснены причины стабилизации его употребления в односубъектных конструкциях в роли второго предиката⁶¹. Иными словами, чем была вызвана утрата ИС, оборотов типа «БЕ уча», причастия как единственного сказуемого придаточного предложения и т. д.? Не связана ли была эта утрата с развитием категории вида в русском языке, с исчезновением старых претеритов, развитием строя простого предложения и специальных средств подчинительной связи?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сквицова А. А. К вопросу о происхождении деепричастий в русском языке // Тр. Томск. ун-та. — 1955. — Т. 129. — С. 47.

² Ср.: Смотрицкий М. Грамматика словенския правильное синтагма. — М., 1648. — С. 392.

³ Востоков А. Х. Рассуждение о славянском языке // Тр. Общества любителей российской словесности при Московском университете. — Ч. 17. — 1819. — С. 20—24.

⁴ Добровский И. Грамматика языка славянского по древнему наречию. — СПб., 1834. — Ч. II. — С. 14; Лавровский П. О языке северных русских летописей. — СПб., 1852. — С. 74.

⁵ Некрасов Н. П. О значении форм русского глагола. — СПб., 1865. — С. 266.

⁶ Исключение составляет только статья Н. Шлякова «Деепричастие в славянских языках» (Рус. филол. вестн. — Варшава, 1899. — Т. XXI, № 2. — С. 226, 228).

⁷ Потегня А. А. Из записок по русской грамматике. — М., 1958. — Т. I—II. — С. 489.

⁸ Там же. — С. 109—110.

⁹ Там же. — С. 185.

¹⁰ Там же. — С. 373—375.

¹¹ Там же. — С. 185, 208.

¹² Там же. — С. 190, 191.

¹³ Истрина Е. С. Синтаксические явления Синодального списка I Новго-

родской летописи // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности АН. 1919. — Кн. 2. — С. 80.

¹⁴ Там же. — С. 89.

¹⁵ Там же. — С. 76.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. — С. 87.

¹⁸ Там же. — С. 80.

¹⁹ **Ružička R.** Das syntaktische System der altslavischen Partizipien und sein Verhältnis zum Griechischen. — Berlin, 1963. — S. 21.

²⁰ **Истрина Е. С.** Указ. соч. — С. 84.

²¹ Там же. — С. 88.

²² **Фролова И. А.** Причастный оборот как предикативный компонент древнеславянского предложения // Сложное предложение в языках разных систем. — Новосибирск, 1977. — С. 101.

²³ **Овсяннико-Куликовский Д. Н.** Синтаксические наблюдения // Журн. Мин-ва нар. просвещения. — 1898. Май. — С. 24; ср. также работы Р. Вечерки, А. Г. Руднева, Р. Ружички.

²⁴ **Ferrand M.** La phrase russe ancienne reconstruite ou le mythe du participe quasi autonome. — I. — Paris, 1976. — P. 5.

²⁵ **Срезневский И. И.** Мысли об истории русского языка. — М., 1959. — С. 60.

²⁶ **Jagič V.** Beiträge zur slavischen Syntax/Denkschriften der Kaiserl. Akad. der Wissenschaften. Philol. — hist. Classe. — Bd 46 — Wien, 1899. — S. 70.

²⁷ **Потебня А. А.** Указ. соч. — С. 189—190.

²⁸ Там же. — С. 197.

²⁹ **Качевская Г. А.** К истории сложноподчиненных предложений с придаточным определительным // Тр. Ин-та языкознания. — М., 1954. — Т. V. — С. 216—217; **Сумкина А. И.** К истории относительного подчинения в русском языке XIII—XVII вв. // Там же. — С. 199.

³⁰ **Кацнельсон С. Д.** К генезису номинативного предложения // Тр. Ин-та яз. и мышления. — М.; Л., 1936. — С. 54—55.

Ferrand M. Le participe (gérondif) apparemment coordonné à son verbe principal. // Revue des études slaves. — T. 55, sc. 1. — 1983. — P. 45.

³¹ **Travníček F.** Historická mluvnice česká. 3. Skladba. — Praha, 1956. — S. 181 — 187; **Ružička R.** Op. cit. — S. 22.

³² **Руднев А. Г.** Обособленные члены предложения в истории русского языка // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. — Т. 174. — 1959. — С. 52.

³³ **Kurz J.** Problematika zkoumání syntaxe staroslověnského jazyka. // K historickosrovnávacímu studiu slovanských jazyků. — Praha, 1958. — S. 106.

³⁴ **Потебня А. А.** Указ. соч. С. 195; **Ružička R.** Op. cit. — S. 104.

³⁵ **Вайан А.** Руководство по старославянскому языку. — М., 1952. — С. 402.

³⁶ **Потебня А. А.** Указ. соч. — С. 197.

³⁷ Там же.

³⁸ **Zubaty J.** K vykladu nekterých prislovci, zvláště slovanských // Studie a články. — Sv. 2 — Praha, 1954. — S. 106; **Travníček F.** Op. cit. — S. 179 — 190, и др.

³⁹ **Miklosich F.** Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. 4. Bd. Syntax. — Wien, 1883. — S. 615; **Потебня А. А.** Указ. соч. — С. 334—335, и др.

⁴⁰ Ср.: **Адмони В. Г.** Развитие структуры простого предложения в индоевропейских языках // Вопр. языкознания. — 1960. — № 1. — С. 29.

⁴¹ **Miklosich F.** Op. cit. — S. 837; **Соболевский А. И.** Лекции по истории русского языка. — М., 1907. — С. 226. Не могли быть эти конструкции, несмотря на выражен книжный характер, и старославянскими заимствованиями, поскольку старославянский язык не знал ИС (**Ružička R.** Op. cit. — S. 226.).

⁴² На то, что абсолютные причастные конструкции не были известны древнейшему периоду языка, указывал уже Б. Дельбрюк: Delbrück В. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. — Strassburg, 1897. — Bd. 4, T. 2. — S. 493.

⁴³ Ср.: Пигин М. И. Причастное сказуемое в древнерусском языке, выраженное нечленным действительным причастием // Учен. зап. Карело-Финск. ун-та — Петрозаводск, 1955. — Т. V, — вып. 1. — С. 190.

⁴⁴ Stanislav J. Dativ absolutny v starej cirkevnej slovanštine // Byzantinoslavica. Roč 5. Praha, 1933—1934. S. 13;

Перегонцева-Граве Л. В. Дателный самостоятельный в русском литературном языке XII—XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1955. — С. 6.

⁴⁵ Потехня А. А. Указ. соч. — С. 221.

⁴⁶ Маевская Н. И. Синтаксические функции кратких причастий действительного залога в памятниках XI—XV вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Казань, 1952. — С. 9; Мельничук А. С. Развитие предикативного употребления причастий на -(в)ъ, -(в)ьш- в восточнославянских языках // Слов'янське мовознавство. I. — Киев, 1958. — С. 103 и др.

⁴⁷ Георгиева В. Л. История синтаксических явлений русского языка. — М., 1968. — С. 44.

⁴⁸ Потехня А. А. Указ. соч. — С. 220; Miklosich F. Op. cit — S. 823, 834—835.

⁴⁹ Потехня А. А. Указ. соч. — С. 220; Истрина Е. С. Указ. соч.—С. 89; Пигин М. И. Указ. соч. — С. 190. Иные точки зрения на этот вопрос, отраженные в работах В. Ягича, А. Вайана, Е. Ф. Карского, с учетом аргументов Потехни представляются несостоятельными.

⁵⁰ Ср.: Кудрявский Д. Н. К истории русских деепричастий // Учен. зап. Юрьев. ун-та. — 1916. — Т. 10. — С. 3.

⁵¹ Соболевский А. И. Указ. соч. — С. 225—226; Обнорский С. П. Очерки по морфологии русского глагола. — М., 1953. — С. 213. Единичные случаи неправильного согласования именных действительных причастий были отмечены уже в старославянском языке (Ф. Миклошич, В. Вондрак, А. Вайан и др.), однако исключительная редкость и позиционная неустойчивость причастий в этих случаях не позволяют говорить о том, что они представляют собой начало формирования деепричастия.

⁵² Потехня А. А. Указ. соч. — С. 185—186.

⁵³ Там же. — С. 221, 517.

⁵⁴ Виноградов В. В. Учение А. А. Потехни о стадильности развития синтаксического строя в славянских языках // Вестн. МГУ. — 1946. — № 3—4. — С. 3—26; Булаховский Л. А. Александр Афанасьевич Потехня. — Киев, 1952. — С. 10—11; Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. — М., 1956. — С. 176.

⁵⁵ Потехня А. А. Указ. соч. — С. 84—85.

⁵⁶ Там же. — С. 164, 311—315, 330—332.

⁵⁷ Виноградов В. В. Указ. соч. — С. 9.

⁵⁸ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. — Л., 1941. — С. 45.

⁵⁹ Руднев А. Г. Указ. соч. — С. 83—84.

⁶⁰ Фоменко Ю. В. К исторической проблематике русского причастия и деепричастия // Учен. зап. МГПИ. — 1958. — Т. 132. — С. 308.

⁶¹ В результате этой стабилизации стало избыточным согласование причастия с подлежащим, поскольку последнее становится у него всегда общим с глагольным сказуемым (см.: Щерба Л. В. Очередные проблемы языковедения // Изв. Отд-ния рус. яз. и лит. АН СССР. — 1945.—Т. IV, вып. 5—С. 177).

В. Б. Крысько

КОРРЕЛЯТИВНЫЕ ВОЗВРАТНЫЕ ГЛАГОЛЫ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Классификация возвратных глаголов до последнего времени оставалась одним из наиболее популярных и спорных вопросов русской грамматики, что объясняется в первую очередь многообразием оппозиций, существующих между рефлексивами и нерефлексивами в силу чрезвычайной полисемичности (если не сказать — синкретичности) аффикса *-ся*. Обращает на себя внимание тот факт, что многочленная, хотя и внутренне противоречивая классификация А. А. Шахматова¹, еще более усложненная В. В. Виноградовым², в новейших грамматиках современного русского языка существенно редуцируется³, а в исследованиях по древнерусскому языку сокращается до четырех классов — глаголов собственно-возвратных, взаимно-возвратных, страдательных и общевозвратных (куда механически включаются все случаи, не вошедшие в первые три класса)⁴. Следует подчеркнуть, что сложности с классификацией возвратных глаголов обусловлены стремлением увязать выделяемые группы («подзалог») с категорией залога, между тем как статус возвратности едва ли может быть признан морфологическим⁵. В принципе рефлексивация (постфиксация) является одним из способов словообразования, и возвратные глаголы представляют собой такой же словообразовательный тип, как и, допустим, существительные с суффиксом *-ств(о)*. Наибольшие трудности составляет определение общего словообразовательного значения данного типа; частные же словообразовательные значения, характеризующие семантические словообразовательные подтипы⁶, вполне определимы. Поскольку установление этих значений предполагает исследование рефлексивов в сопоставлении с нерефлексивами (что далеко не всегда проводилось в работах русистов), наиболее последовательной представляется классификация В. П. Недялкова⁷ и Э. Ш. Генюшене⁸, основанная на морфологическом, синтаксическом и смысловом анализе возвратных глаголов в их отношении к невозвратным. Настоящая статья, опирающаяся на типологически верифицированные выводы указанных авторов, посвящена анализу наиболее многочисленного класса древнерусских рефлексивов — глаголов,

имеющих невозвратные корреляты и поэтому определяемых нами как коррелятивные рефлексивы.

2. Подавляющее большинство (более 90%) среди данных глаголов составляют рефлексивы, производные от синтаксически переходных (транзитивных) нерефлексивов, типа **воротиться**. Остальные коррелятивные глаголы образованы от нерефлексивов семантически переходных, но интранзитивных (**отступиться**) и от глаголов безобъектных (непереходных), типа **блистаться**.

3. «Оттранзитивные» возвратные глаголы распадаются на три основных подкласса, два из которых — (от)субъектные и (от)объектные — были выделены в русском языке Н. А. Янко-Триницкой⁹, а третий, характерный для большинства индоевропейских языков¹⁰, — дативные транзитивные (медиальные)¹¹ — считался отсутствующим в русском.

3.1. Субъектные возвратные глаголы, у которых субъект действия тождествен субъекту невозвратной конструкции, делятся на 6 подтипов.

1) Собственно-возвратные глаголы, в которых **ся** служит субституту личного объекта, обозначают действие, направленное непосредственно на субъект, причем **ся** в значительной мере синонимично ВП возвратного местоимения, ср.: **облечеся** въ ризы нищая ПрЛ XIII, 12г¹²—**облечеси** и в порты ч(и)-сты или сам **ся** КН 1280, 520 (т. е. 'ты облечешь его или он сам себя облечет', где **ся** — ВП местоимения). Дифференциация невозвратного и возвратного глаголов облегчается в том случае, если в конструкции имеется местоимение **самъ**, указывающее на формальную (не смысловую) нерефлексивность: се бо **сама ся погублю** предъ дврьми пещеры сея ЖФП XII, 32 в. При отсутствии контекстуальных распространителей определение глагола затруднено, ср.: мечемь **ся погуби** ПрЛ XIII, 43 б — **погубити? погубитися?** (ср. **заколотися, зарезатися**). Неудивительно, что функции аффикса **ся** и возвратного местоимения **себе** в древнерусских памятниках нередко переплетаются, ср.: оуничжи **ся** и **зазрьЕ** себе Выг. сб., 30 об.; Все реч(е) Ести. и в рыбахъ и в мясЕхъ аще и **сам ся** не **зазрить**. ни гноушает с(я). аще ли **зазрить с(я)**. а Есть. грЕхъ есть емоу КН 1280, 530 г — значение 'осуждать себя' выражается невозвратным глаголом с ВП (=РП) **себе**, «усиленным рефлексивом»¹³, т. е. сочетанием невозвратного глагола с ВП **ся** и определителем **сам, и, наконец, собственно-возвратным глаголом**.

Отсутствие четкой дифференциации возвратных глаголов и возвратных конструкций с местоименем **ся**¹⁴ наблюдается и в

более поздних памятниках, напр.: уже бо бЕ велми изнемогаа и повелЕ **поддержати ся** МЛ, 230 (в издании **ся** напечатано слитно с глаголом, хотя очевидно, что речь идет не о собственном действии субъекта); повелЕ **погрести ся** въ соборнЕй церкви Пов. Бор. Год., 159; ср., однако: играючи зарЕзалъ самъ себя ножемъ Сказ. Фед. Ио., 774 — будто государь царевич самъ **заколоса** ножемъ, играючи. Там же, 779. Приведенные факты заставляют заключить, что собственно-возвратность как особое словообразовательное значение находилась в древнерусском языке еще на стадии формирования, и окончательное ее оформление осуществилось лишь после того, как исчезла синонимичность возвратных и невозвратных конструкций, т. е. после замены орфотонического **ся** формой **себе** > **себя**.

2) Собственно-возвратные глаголы с взаимным значением (прямой реципрок) обозначают действие двух или более субъектов, каждый из которых «выполняет роли агенса и пациенса по отношению к другому»¹⁵. В исследованных текстах данный подтип, как и предшествующий, представлен немногочисленными примерами, ср.: тгда **ся** начяша бити межи собою ЛН XIII—XIV, 90 об.; отъврзе емоу и **лѣбъзаста ся** от д(у)ша ПрЛ XIII, 19 б. Показательно, что в ряде случаев **ся** выступает параллельно со словосочетанием **другъ друга**: и яко видЕста **другъ друга... охописта ся...** и надълзе плакаста ся. яко же много время не видЕвъша **ся** ЖФП XII, 41 г. Подобные примеры свидетельствуют, по нашему мнению, об определенной равнозначности местоименного сочетания и **ся**, т. е. о неполной еще универбации рефлексива; лишь одновременное использование обоих способов указания на взаимность действия должно быть истолковано как деобъективация **ся** — такие примеры появляются в наших источниках с XIV в.: тЕсняче **ся** другъ друга. пихаху въ гроблю ЛЛ 1377, 74; цЕловашася другъ друга ЛИ ок. 1425, 267.

3) Посессивно-возвратные глаголы, в отличие от собственно-возвратных, обозначают действие, направленное не на весь субъект, а лишь на его часть (отъемлемую или неотъемлемую), и, следовательно, соотносятся с конструкциями, включающими объект — часть субъекта, ср.: аже кто не **вложить ся** въ дикоую виру. томоу людье не псагають. нъ самъ платить РПр 1280, 616б ('внесет свою долю') — б(ог)а(т)ство и ины **вещи**. въ ядра нищихъ **въложиша** ЖФСт XII, 43—43 об. В некоторых примерах (еже бо блъсЕ съмоушывъши. или иномоу чемоу сънадъшу. абие на то помысль прЕврати и **чесати с(я)**. семоу оубо главоу. семоу же **нозЕ**. овомоу же **ино** нЕчьто от телесе **часть** Уст XII/XIII, 249 об.) элемент **ся** — при наличии

уточняющих аккузативных объектов, обозначающих части тела, на которые распространяется действие, — допускает различную интерпретацию: он может являться обобщающим словом для последующего ряда однородных дополнений, т. е. восходить к аккузативу целого (ср. греческие обороты с винительным целого и части¹⁶), либо выполнять роль косвенного объекта, тем самым оказываясь синонимом **си** ('чесать себе голову'). Учитывая, что для древнерусского указанный греческий оборот был нехарактерен, второе объяснение можно было бы оценить как более предпочтительное. Следует ли из этого, что глагол **чесатися** в приведенном контексте является косвенно-возвратным (дательным транзитивным)? По-видимому, нет, так как, на наш взгляд, точки, стоящие здесь и в аналогичных случаях между глагольными формами и аккузативными дополнениями, указывают на отсутствие непосредственной синтаксической связи между ними; скорее можно предположить эллипсис глагола перед дополнениями или — что вероятнее — одновременное функционирование глагольных форм типа **чесати** как составных частей возвратных глаголов, употребленных абсолютно, и как переходных глаголов, управляющих аккузативными объектами. В таком случае статус **ся** как субститута предметного объекта, обозначающего часть субъекта и сохраняющего соотносительность с ВП возвратного местоимения, становится особенно очевидным.

4) Абсолютивно-возвратные глаголы (активно-безобъектные) отличаются от исходных нерелексивных конструкций полной элиминацией объекта, хотя имплицитно наличие неопределенного либо обобщенного объекта предполагается (ср. совр. рус. **бодаться, браниться**). В древнерусских памятниках подобными изменениями в семантическом и синтаксическом плане характеризуется сравнительно узкий круг глаголов: а почьн^Еть **ся** кто от нихъ **просити** в ыноую землю... онемъ **ся прашати** Гр ок. 1239 (смол.) — ср. **б(ог)а** о немъ **прося** ЖФП XII, 49 г; тъгда новгородьци **послаша ся** по романа смольнську ЛН XIII—XIV, 42 — ср. **послаша** по кн(я)зя **смена борисовиця** Там же, 81; **б(огороди)це приснод(Е)вая б(ог)а бо намъ площе ся [плошьше ся.** — В. К.] породни СБЯр XIII, 11 — ср. Анна **плодить тя** (Мин. 1097 г. — Срезн.). Заметим, что в старославянском языке присоединение возвратного элемента не обязательно влекло за собой абсолютивацию (деобъективацию) глагола: **ЗЕМЛЕ ПЛОДИТЬ СЕЯ. ПРЕЖДЕ ТРЕВО**н Мар. 129; судя по примеру — правда, довольно позднему — из Гр 1393 (1, ю.-р.): **почали коромолити на мене послали ся одного** на имя. Идикгия. до Аксакъ Темира. на мене лихого мысляче, — это правило не всегда последовательно соблюдалось и в восточнославянском ареале.

5) Автокаузативные (моторно-возвратные) глаголы, образованные от каузативных глаголов движения с элиминацией ВП перемещаемого объекта (субституируемого **ся**) и обозначающие собственное движение субъекта, зафиксированы в древнерусских источниках многочисленными примерами, ср.: они же дошедьше роус(ы) **вспятиша ся** ЛН XIII—XIV, 102 — **выгониша** кн(я)зя всЕволода из города. и паки съдоумавъше. **вспятиша** и Там же, 14; **риня ся** пьянь на женоу свою КН 1280, 5386 — хотяше **риноути** его долоу ПрЛ XIII, 456. В некоторых случаях откаузативный характер возвратного глагола неочевиден, как, например, у глагола **перебродитися**, нерелективный коррелят которого в древнерусских текстах употребляется почти исключительно в некаузативном значении 'перейти вброд' (**перебродивше Оку** ЛЛ 1377, 406). Однако один не вызывающий сомнений пример из «Хроники Георгия Амартола» (Маласама... къ Авидоу пришед и **перебродивъ** воа многы ГА, 472) и инославянские параллели¹⁷ убеждают нас в том, что глагол **перебродити**, как и многие другие глаголы движения, развивал, помимо исходного значения автономного передвижения, также значение каузации движения — 'переводить кого-л. вброд'. Тем самым он приобретал нежелательную полисемичность, устранению которой и способствовало присоединение **ся**. Вместе с тем следует подчеркнуть, что в случае наличия в исходной конструкции второго (пространственного) объекта он мог сохраняться и в рефлексивном сочетании, ср.: тако же и онЕхъ прЕвезохъ ноужною рЕкою ПрЛ XIII, 72 в — **перевезся** Волгу РогЛ, 143.

6) Деаккузативные возвратные глаголы денотативно синонимичны нерелексивам, но отличаются от них понижением ранга дополнения или его полной элиминацией: если в невозвратной конструкции объект выражен винительным, то в возвратной аккузативное дополнение невозможно: [к]оторая ли вьрвь. начнеть **платити** дикоу **вируу** РПр 1280, 616а — А про куны. чимъ то ми ся было вамъ **платити** Гр до 1270 (новг.); нача **молити ся** въ алчбЕ къ с(вя)томуу **николЕ**. а с(вя)тьюи **николае моляше** с(вя)т(а)го **соумеона** ЧудН XII, 75 в. Однако требование понижения ранга актанта не всегда соблюдается, ср.: **еже** бо ти **обещахъ** коньчаю Усп. сб., 406 — **забыхъ** и не сътворихъ. **еже ся** бяхъ **обещалъ** с(вя)томуу ЧудН XII, 74 г. Учитывая, что транзитивность представляет собой относительно новую синтаксическую категорию, более первоначальной функцией **ся** в данном случае следует признать, по-видимому, функцию смысловозначительную — выделение одного из значений полисемичного глагола, ср.: **обещати** 'обещать; пророчествовать; предписывать' — **обещатися** 'обещать'.

3.2. Объектные возвратные глаголы, у которых субъект действия тождествен объекту нерефлексивной конструкции, представлены в исследованном материале 3 подтипами.

1) Автокаузативные объектные возвратные глаголы демонстрируют полное устранение внешнего по отношению к объекту лица (агенса), т. е. объект выступает как каузатор изменения в собственном состоянии. В отличие от автокаузативных субъектных глаголов, субъект возвратной конструкции в данном случае не может выступать субъектом невозвратной конструкции, ср.: по чьто лице твое **обратиль** еси от мене Усп. сб., 478 — и паки **обращаше ся** образъ и зряше къ отрокоу ПрЛ XIII, 75б. Автономный, внешне не каузированный характер действия особенно ярко проявляется при наличии определения **самъ** (что, однако, в отличие от собственно-возвратных глаголов, не приводит к переосмыслению конструкции как нерефлексивной): катапезма (так!) лежащи на с(вя)тЕи тряпезЕ. **сама ся възя.** и покры папоу и еп(и)с(ко)па ПрЛ XIII, 127а-б. Важной особенностью рассматриваемых глаголов является их нередкая синонимичность с нерефлексивами (ср.: **приложиша ся** к немуо оуочи безоумнии ПрЛ XIII, 32а — **присташа** ПрЮр XIV, 35а). В некоторых примерах она обнаруживается также на синтаксическом уровне, когда рефлексив имеет синтаксическую структуру, идентичную нерефлексивной конструкции. Здесь следует различать два случая: а) возвратный глагол, производный от каузатива, управляющего двойным объектным винительным, сохраняет второй винительный и тем самым уподобляется в синтаксическом отношении исходному некаузативу, ср.: вчера... вЕроваше на время еретиком равная ся. дн(е)сь **вЕру** б(о)ж(ю) наоучи ГВ XIV, 81в — 'изучить, постигнуть'; еуа(н)г(е)льско **наоучи** ны послушан(и)е Там же, 61в — 'научить'; **наоучити ся** бывшее тамо чресь вещь **слово** Там же, 73б; б) возвратный глагол, образованный от каузатива с элиминацией объекта, оказывается семантически двусмысленным — то ли декаузативным, то ли автокаузативным — и для подчеркивания автономности действия получает вторичное дополнение, выраженное возвратным местоимением, ср.: **связзати кого** (каузатив) — **связзатися** (декаузатив или автокаузатив) — яко же сами себе б(о)жиемь **связзаша ся** д(у)хъмь ЖФСт XII, 73 об. (автокаузатив).

2) Декаузативные возвратные глаголы обозначают действие или состояние, каузированное исходным нерефлексивом (т. е. V = каузировать V_{ся}); основное лексическое значение этих глаголов — изменение состояния. Данный подтип включает в древнерусском языке значительное число рефлексивов, в традиционных классификациях составляющих основную

часть так называемых общевозвратных глаголов, ср.: жена добра **веселить мужа** своего ПрЛ XIII, 147а — **веселяше ся** бл(а)-ж(е)ныи д(у)шею и теломь ЛН XIII—XIV, 60; в ночь тоу ста прЕд нимь г(оспод)ь... и **възбоуди василия** ПрЛ XIII, 116а — **възбоудивь ся** единь от нихъ Там же, 72 а. Многочисленность декаузативных рефлексивов, в которых **ся** выполняет двойную функцию — устранение объекта и изменение субъекта действия (т. е. замену активного субъекта относительно более пассивным, каузируемым), сыграла, по всей вероятности, ведущую роль в формировании нового подтипа рефлексивов — страдательных¹⁸.

3) Страдательные возвратные глаголы, соотносящиеся с декаузативными, составляет большую часть древнерусских пассивных рефлексивов, ср.: **гнати** 'приводить в движение' — **гнаться** 'гнаться, быстро двигаться' — **гнаться** 'приводиться в движение' (яко же облакъ безводнь вЕтръмь **женет ся** СбТр XII/XIII, 76 об.), **свободити** 'освободить' — **свободитися** 'сделаться свободным' — **свободитися** 'быть освобожденным' (сею [богородицей] миръ от лсти **свободи ся** ПрЛ XIII, 84б). Вместе с тем значительная часть страдательных конструкций образуется глаголами, производными от некаузативов; в этих случаях пассивная семантика выявляется более отчетливо, ср.: **отиметь бо ся** от тебе ц(Е)с(а)р(с)тво ПрЛ XIII, 57а ('будет отнято'); три же от тЕхъ словъ на всЕкоу недЕлю. въ ц(е)рквахъ оу насъ **почитають ся** ЖФС XII, 83—83 об. (anaginōskontai)

Следует отметить, что применительно к современным языкам В. П. Недялков и Э. Ш. Генюшене выделяют класс квазипассивных рефлексивов типа 'Дверь хорошо запирается'. На наш взгляд, для древнерусского языкового состояния разграничение пассива и квазипассива (т. е., фактически, того же пассива, но осложненного конситуативно) нерелевантно, более того — в условиях относительной неразвитости оппозиции актив/пассив многие конструкции древнерусских памятников, воспринимаемые с позиций современного языкового сознания как страдательные, скорее можно определить именно как квазипассивные.

Лексические конверсивы, типа 'Деревья отражаются в воде', также, по нашему мнению, не существовали в древнерусском как лексемы, принципиально отличные от пассивных форм, поскольку разграничение субъектного и обстоятельственного значений второго актанта в подобных конструкциях происходило уже за пределами рассматриваемого периода¹⁹.

На основе современных фактов можно было бы выделить в древнерусском языке и подтип возвратных глаголов, значение которых следующим образом определяется Э. Ш. Генюшене: «У

каузирует X выполнить действие, называемое НГ (нерефлексивным глаголом. — В. К.), над У»²⁰ — и разъясняется В. Н. Данковым: «...предмет является лишь объектом внешнего воздействия... но представлен он в качестве субъекта, творящего действие. Последнее рассматривается здесь как акт личной воли предмета, от него исходящая и на него направленная инициатива»²¹. В нашем материале подобные глаголы засвидетельствованы в ряде контекстов, где описываются мучения Христа и христианских подвижников, ср.: яко агня незлобиво **приведе ся** на жертвоу Стих 1156—1163, 99 об.; изволивы волею **пригвоздити ся** на кресте СкБГ XII, 11 в; с(вя)тыи б(ож)е... **распньи ся** насъ ради ПрЛ XIII, 29 г; изволивы и **осудити ся** и терниемъ в Еньчань быти... **связави ся** волею и раны примъ СБЯр XIII, 103 об.—104. В последнем примере статус данных рефлексивов обнаруживается, как мы полагаем, особенно ясно: с одной стороны, глагол **осудитися** стоит рядом со страдательно-причастной формой **в Еньчань быти** (что достаточно определенно указывает и на его страдательное значение), но, с другой стороны, рефлексив **связатися** употреблен параллельно с нерефлексивом **прияти**, предполагающим некоторую активность субъекта; однако основная роль в выражении активности мученика принадлежит контекстуальным уточнителям **изволивыи, волею**, которые именно и передают значение «личной воли», «инициативы», каузации. Сами же рефлексивы, по всей видимости, этой модальности не выражают, обозначая действие, претерпеваемое данным лицом (т. е. страдательное), хотя и по его воле. Таким образом, отграничение рассмотренных конструкций от пассива производится на основании факторов, внешних по отношению к собственной семантике глагола, допускающей лишь вполне однозначное толкование: 'быть осужденным', 'быть приведенным', 'быть пригвожденным' и т. д. (ср. также **постричися** 'принять монашество', т. е. 'быть постриженным в монахи').

Поскольку пассивное значение вообще является одним из наиболее поздних словообразовательных значений рефлексивов²², следует признать, что дальнейшая конкретизация и дифференциация этого значения представляет собой результат позднейших семантических изменений.

3.3. Косвенно-возвратные глаголы (дативные транзитивные рефлексивы) представлены в древнерусских памятниках весьма немногочисленными примерами, которые имеют, однако, большое значение как в свете общих типологических данных о распространенности подобных рефлексивов, так и в свете наличия косвенных рефлексивов с элементом *si* (**си**) в западно- и южнославянских и балтийских языках. В древнерусском глаго-

лы с **си** указанного типа встречаются неоднократно (ср.: оумъ си крашыше ЖФСт XII, 38 об.), однако ряд факторов, заслуживающих специального рассмотрения, препятствует квалификации их как единых лексем. Напротив, глаголы с **ся**, не имеющим в свободном употреблении дативного значения, могут быть с полным основанием расценены именно как рефлексивы, ср.: толико **слоухъ наслажающеу ся** ЖФСт XII, 154 (в греческом — актив: *terpontos*); **никъто же бо еи оуже акы законноюу женоу приближити ся** хотяше Усп. сб., 422 (в греческом — только ДП: *hōs gynaikei...prosengidzein*); примеры из древнерусских памятников, сохранившихся в позднейших списках: преднюю славу сами похытимъ, а заднюю **ся** сами **подЕлимъ** СлПИ, 27²³; самъ ты **препоясався чресла** своа разума своего ПВИ, 190 (соответствует греч. *anadzōsamēnos tēn osphyn*). Косвенно-возвратное значение с дополнительной семантикой взаимного действия четко ощущается и в других конструкциях с глаголом **подЕлитися** 'разделить для себя, между собой', демонстрирующих, однако, замену аккузативного объекта ТП: а домашнымъ что **ся** останеть коунъ. **тЕмъ ся подЕлять** РПр 1280, 623б. Немногочисленность косвенных рефлексивов и вытеснение закономерного ВП показывает, что в древнерусский период косвенно-возвратное значение, в принципе плеонастическое²⁴, уже отмирало; сохранение подобных форм в более поздних памятниках²⁵, несомненно, связано с лексикализацией.

4. Итак, подавляющее большинство древнерусских возвратных глаголов, соотносящихся с транзитивами, составляют субъектные и объектные рефлексивы, противопоставленные косвенно-возвратным по признаку устранения аккузативного дополнения исходной невозвратной конструкции. Основной функцией элемента **ся** в данных глаголах является деобъективация, но не полная интранзитивация, поскольку в случае наличия в исходном сочетании двойного объектного винительного второй ВП сохраняется; в редких случаях **ся** не препятствует и сохранению единственного аккузативного объекта нерефлексивной конструкции.

5. Возвратные глаголы, соотносящиеся с интранзитивными, но семантически переходными нерефлексивами, в большинстве примеров демонстрируют полное или частичное семантическое и синтаксическое тождество с невозвратными, хотя в синтаксическом отношении они все же менее активны, чем нерефлексивы, и чаще употребляются абсолютивно, ср.: не можеть оумъ ч(е)л(о)в(Е)чьскъ **домыслити избъеныхъ** ЛН XIII—XIV, 86—възъбноувъ же от сна и не **домыслихъ ся** что се боудеть ПрЛ XIII, 61а. Нередко, впрочем, наблюдается полный параллелизм возвратных и невозвратных глаголов, ср.: **отступи ся** волока. и что есть нов-

городьскаго за тобою... и реч(е) ярослав тог(о) не **отстоупаю** ЛН XIII—XIV, 109 об.; **плачю** зЕло по о(ть)ци. паче же **плачюся** и отъчаяхъ ся по тебе брате СкБГ XII, 136. По нашему мнению, параллельное использование глаголов с **ся** и без **ся** связано с отсутствием непосредственной соотнесенности между объективностью (семантической переходностью) и возвратностью: в то время как рефлексив более или менее строго маркирован в отношении транзитивности, он нейтрален с точки зрения семантической переходности — как и **нерефлексив**; тем самым выражение переходного, но интранзитивного действия возможно в обеих формах. Очевидно, более ранней являлась невозвратная форма; первоначальная функция **ся** должна была состоять в подчеркивании интранзитивности глагола. Поскольку же развитие синтаксической категории транзитивности является достоянием сравнительно поздних этапов русской языковой истории, образование возвратных глаголов от переходных интранзитивов также следует признать относительно поздним процессом.

6. Аналогичную ситуацию обнаруживаем мы и при обращении к возвратным глаголам, образованным от **непереходных** (безобъектных): в абсолютном большинстве случаев рефлексив идентичен **нерефлексиву**, ср.: **въспрянуувъ же ся** ч(е)л(о)в(Е)къ съ нача молити ся ЧудН XII, 75 в — **въспрянуувъ** папа повелЕ **клепати оутрънюю** Там же, 76 а; **полагающе по обычаю избывающаяся** оукроухы на мисЕ Уст XII/XIII, 200 об. — на всякъ же д(ь)нь **избывающее** брашьно Там же. Как видно из приведенных примеров, семантические различия между рефлексивами и **нерефлексивами** нельзя свести ни к более четкому выражению значения состояния²⁶ (тем паче что далеко не все безобъектные глаголы обозначают состояние), ни к выражению большей сосредоточенности действия в субъекте²⁷. Основной функцией **ся** и в данном случае следует, как мы полагаем, признать устранение морфологической **амбивалентности** **нерефлексива** в отношении транзитивности. В условиях, когда почти всякий **невозвратный** глагол мог приобрести **оказациональную** сочетаемость с ВП объекта (ср.: да будете сынове о(ть)ца вашего. иже есть на н(е)б(е)сехъ яко **сльнце** свое **сияеть** на зълыя и на **благыя** ЕвОстр 1056—1057, 586), присоединение **возвратного** элемента служило **единственным** средством устранения **возможного** объекта, т. е. средством **формальной** **деобъективации** глагола, ср.: **свЕтити** 'светить' и 'освещать' (ни **свЕщЕ** въжъгъше **споудъмь** покрывають. нь на **свЕтилЕ** поставляють да **свЕтитъ** **тьмьныя** ЖФП XII, 16в) — но **свЕтитися** 'светить' (такое **свЕтя** ся про-свЕти монастырь свои Там же, 40а).

7. Итак, анализ коррелятивных **возвратных** глаголов дает

основания утверждать, что важнейшей функцией возвратного аффикса в древнерусском языке являлось маркирование рецессивности возвратного глагола²⁸, т. е. уменьшение числа актантов исходного неререфлекси́ва на единицу либо понижение ранга объектного актанта. Тем самым образование возвратных глаголов вплотную соотносится с категорией глагольной объективности (лексико-семантической переходности). Более позднюю стадию в развитии возвратности отражают, на наш взгляд, деаккузативные глаголы, а также рефлекси́вы, соотносительные с интранзитивными и безобъектными неререфлекси́вами: присоединение *ся* в этих случаях связано уже не с деобъективацией, а с маркированием интранзитивности. Относительная немногочисленность подобных глаголов, а также сохраняющаяся возможность использования при рефлекси́вах ВП подтверждает положение о том, что категория глагольной транзитивности представляет собой более новое явление по сравнению с возвратностью²⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. — Л., 1941. — С. 476—481.
- ² Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). — М., 1972. — С. 495—500.
- ³ См.: Русская грамматика. — Т. I. — М., 1980. — С. 617—618; Краткая русская грамматика. М., 1989. С. 273.
- ⁴ См.: Зарицкий Н. С. Формы и функции возвратных глаголов (на материале древнерусского языка). — Киев, 1961; Данков В. Н. Историческая грамматика русского языка: Выражение залоговых отношений у глагола. — М., 1981.
- ⁵ Ср.: Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология. Братислава, 1960. — Ч. II. — С. 380.
- ⁶ См.: Краткая русская грамматика. — С. 44.
- ⁷ Недялков В. П. Типология рецессивных конструкций: Рефлекси́вные конструкции // Диатезы и залого. — Л., 1975. — С. 21—33.
- ⁸ Генюшене Э. Ш. Рефлекси́вные глаголы в балтийских языках и типология рефлекси́вов. — Вильнюс, 1983.
- ⁹ Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962. — С. 79—80.
- ¹⁰ Генюшене Э. Ш. Указ. соч. — С. 119.
- ¹¹ Недялков В. П. Указ. соч. — С. 22.
- ¹² Сокращение обозначения древнерусских источников приводятся в основном по изданию: СДРЯ. — Т. I. — С. 28—68; см. также список источников в конце статьи.
- ¹³ Margulíés A. Die Verba reflexiva in den slavischen Sprachen. Heidelberg, 1924. — S. 43—44.
- ¹⁴ См.: Schäfer F. Untersuchungen zur Reflexivität im Altschechischen. Wiesbaden, 1982. — S. 21—24.
- ¹⁵ Генюшене Э. Ш. Указ. соч. — С. 34.
- ¹⁶ Десницкая А. В. Сравнительное языкознание и история языков. — Л., 1984. — С. 108—110.

¹⁷ См.: Крысько В. Б. Глаголы со значением *vado transire* в славянских языках // Сов. славяноведение. 1988. — № 2. — С. 86—87.

¹⁸ Ср.: Генюшене Э. Ш. Указ. соч. — С. 108—109.

¹⁹ См.: Костюченко Ю. П. Становление значений деятеля страдательного залога и орудия действия (на материале русского и других индоевропейских языков): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Л., 1983. — С. 4.

²⁰ Генюшене Э. Ш. Указ. соч. — С. 54.

²¹ Данков В. Н. Указ. соч. — С. 70.

²² Ср.: Генюшене Э. Ш. Указ. соч. — С. 146; Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. — Тбилиси, 1984. — С. 336—337.

²³ См.: Крысько В. Б. Транзитивные косвенно-возвратные глаголы с взаимным значением в истории русского языка // Филол. науки. — 1988. — № 6. — С. 42.

²⁴ См.: Перельмутер И. А. Проблемы залоговой семантики и залог древнегреческого глагола: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Л., 1987. — С. 19—20.

²⁵ См.: Крысько В. Б. Транзитивные косвенно-возвратные глаголы... С. 45.

²⁶ Кузнецова М. В. К истории формирования возвратных глаголов (на материале языка памятников древнеславянской письменности): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1984. — С. 13—14.

²⁷ Марфунина И. А. К истории формирования возвратных глаголов (развитие структурных средств выражения сосредоточенности действия в субъекте): Дис. ... канд. филол. наук. — М., 1970. — С. 274.

²⁸ Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. — М., 1988. — С. 286.

²⁹ Ср.: Кузнецова М. В. Указ. соч. — С. 16.

ИСТОЧНИКИ

Выг. сб. — Выголексинский сборник. — М., 1977.

ГА — Истрин В. М. Книги временные и образные Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. — Пг., 1920. — Т. I.: Текст.

МЛ — Московский летописный свод конца XV века // Полн. собр. рус. летописей. — М.; Л., 1949. — Т. 25.

ПВИ — Повесть о Варлааме и Иоасафе: Памятник древнерусской переводной литературы XI—XII вв. — Л., 1985.

Пов. Бор. Год. — Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов // Рус. ист. б-ка. — Л., 1925. — Т. 13, вып. 1. — Стб. 145—176.

РогЛ — Рогожский летописец // Полн. собр. рус. летописей. — М., 1965. — Т. 15, вып. 1.

Сказ. Фед. Ио. — Сказание о царстве царя Феодора Иоанновича // Рус. ист. б-ка. — Л., 1925. Т. 13, вып. 1. — Стб. 755—836.

СлПИ — Ироическая песнь о походе на половцев... // Слово о полку Игореве. — М., 1988.

Усп. сб. — Успенский сборник XII—XIII вв. — М., 1971.

М. В. Нефедьев

**О СООТНОШЕНИИ КОНКРЕТНЫХ И ОТВЛЕЧЕННЫХ
ЗНАЧЕНИЙ ГЛАГОЛОВ С ПРИСТАВКОЙ ОБ-
В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ XI—XIV ВВ.**

Большое внимание лингвистов, изучающих историческое словообразование русского языка, привлекает приставочное словообразование глаголов. Исследования по этой тематике охватывают обширный круг проблем как собственно словообразовательного, так и лексико-грамматического характера. Среди них выделяется проблема развития видообразующей функции глагольных приставок и в связи с этим — десемантизации глагольных приставок и развития у них результативного значения. Сюда же можно отнести вопрос о становлении у глагольных приставок «вторичных» конкретных значений, т. е. таких значений приставок, которые, наполняя новым лексическим значением содержание глагола, никоим образом не соотносятся с первичным локальным значением приставки. Например, одно из значений глаголов с приставкой **об-** «причинить ущерб кому-н. (иногда — обмануть кого-н.) с помощью действия, названного мотивирующим глаголом» (**обсчитать**) никак не соотносится с первичным локальным значением приставки **об-** «действие, направленное вокруг чего-н., во все стороны чего-н.»

В данной работе будет предпринята попытка осветить эту проблему на примере одного из звеньев словообразовательной системы XI—XIV вв. — глаголов с приставкой **об-**.

В работе используются материалы КСДР, а также словарные статьи СДРЯ, составленные В. Б. Силиной.

Анализ будет проводиться по типам мотивирующих основ внутри отдельных словообразовательных типов. Семантика древнерусского материала позволяет применить к нему с некоторыми изменениями определения словообразовательных типов, данные в «Русской грамматике» 1980 г.¹

Всего по материалам КСДР отмечено около 220 глаголов с приставкой **об-**. Из них около 120 глаголов представляют собой «собственно-приставочные», т. е., по определению Ю. С. Маслова, «образованные от своих непосредственных производящих именно присоединением приставки»². В отдельных случаях, при

отсутствии собственно-приставочных глаголов, для анализа будут привлекаться производные от них вторичные имперфективы (т. е. имперфективные основы, образованные присоединением к приставочному глаголу суффикса имперфективации)³ и различные производные возвратные глаголы.

Принципиально важным в рассматриваемом вопросе является положение о происхождении приставок из наречий. Согласно этой точке зрения «первоначальной функцией глагольной приставки было более точное обозначение (факультативное обозначение либо уточнение) локального отношения глагольного действия»⁴.

Приставка **об-**, как и другие глагольные приставки, первоначально конкретизирует значение глагола и локально его уточняет. На этой базе сложился основной словообразовательный тип глаголов с приставкой **об-**, который можно определить как глаголы со значением «действие, названное мотивирующим глаголом, направить (направлять) вокруг чего-н., на все стороны чего-н.»

Здесь можно выделить следующие семантические группы по мотивирующим основам.

1. Производные от глаголов состояния (статальных глаголов).

Среди этих глаголов отчетливо выделяется группа глаголов с общим значением «осаждать, обступать, окружать». Ср.:

обстояти (обистояти) — Володимеръ же обстоя градъ. изнемогаху въ градѣ людье (ЛЛ 1377, 37 об.)⁵;

облежати — и приде Стша и Путяша авгу(с) въ е·днь Двдovy(м) воемъ облежаци(м) градъ (ЛЛ 1377, 91 об.);

обсЕдЕти — и бЕ Батыи у города. и троци (прав. отроци) его обсъЕдяху гра(д) (ЛИ ок. 1425, 265).

Помимо этого отмечены глаголы:

обизрЕти «осмотреть»: ты княже тые коне обизрелъ и улюбиль еси одного коня (Гр ок. 1300);

обузрЕти «обозреть, рассмотреть»: азъ же не быхъ хотЕль обузрЕти дЕла руку своею (СбТр XII/XIII, 37об.);

обисияти «освещать, озарять»: великому свЕту престоюще еже тамо навькнЕте свЕтово обсияеми трцею (ГБ XIV, 24а);

обисЕдЕти «быть жителем, населять какую-л. местность»: иже вси языци обисЕдятъ от егупта до ужнаго окиана (Пал 1406, 59).

2. Производные от мутативных глаголов (глаголов «перехода в состояние»)⁶.

облечи¹ — в одном из значений «окружить, осадить»: коли бы который неприятель своею силою облогло (так в рук.) (Гр. 1388);

обставити «окружить чем-л. высоким»: ни ст Енами обсталена суть (МПр XIV, 35);

обсести «окружить, осадить»: Даниль и Василько в понедельник на ночь объсЕдоста градъ (ЛИ ок. 1425, 255 об.).

Предыдущие три глагола объединяются общим значением «окружить».

Особое внимание нужно обратить на глагол **обръжавЕти** «покрываться ржавчиной, ржаветь». В этом глаголе конкретное локальное значение приставки соотносится с лексическим значением мотивирующего глагола «процесс, направленный на все стороны чего-н.»:

И яко же бо мЕдь обръжавЕеть. тако и злоба его (Изб. 1076, 1486).

3. Производные от глаголов определенного движения.

Немногочисленные глаголы этой группы объединяет общее значение «окружить, обступить». Ср.:

оби(и)ти — князь же юрьи посла дорожа въ просоки... и приБЕжа дорожь и рече. а уже обишли насъ около (ЛН XIII—XIV, 124);

обиступити — и постигше я (пустынников) и обиступиша я около яко пси мнози (ЛЛ 1377, 135);

объЕхати — и Татарове о(т)шедше о(т) Золотых воротъ. объЕхаша весь градъ. и сташа станом пред Золотыми враты (ЛЛ 1377, 160 об.).

4. Производные от глаголов неопределенного движения.

обводити «обвести (обводить) взглядом»: но высоче главу вздвигъ и окрсть зракъ дшвный обводивъ (ГБ XIV, 160 в);

об(и)ходити «окружать, обступать»: Данилови... яздящу же ему по полю... и видЕ мЕсто красно. и лЕсно на горЕ. обходящу округъ его полю (ЛИ ок. 1425, 280 об. — 281);

обносити «охватывать, окружать»: что убо съ теплЕишу авие рьвьность приемъ. и яко же обносимъ дъхновениемъ дховьнымъ бывъ (ЖФСт XII, 94).

Внутри двух последних групп (глаголов движения) данного словообразовательного типа на основе многозначности глаголов начинает развиваться новый словообразовательный тип, который можно определить как глаголы со значением «распространить (распространять) действие, названное мотивирующим глаголом, на много объектов (или на много мест в пределах одного объекта)». Это следующие глаголы:

обиити — одно из значений «обойти, пройти что-л.»: посла блжнный нЕкогого брата обиити грады. и округляя страны. изи-

скавше купити давъ ему купленья пшеницЕ·р·златни(к) (ПНЧ XIV, 150а);

обити² — одно из значений «обойти (обходить); пройти (проходить)»: повелЕномъ же имъ (римлянам) обити землю (ГА XIII-XIV, 180 г);

обиходити — одно из значений «обходить (обойти), проходить (пройти)»: иже грады обиходяще яко же се мняще ся пустыници (КР 1284, 152 г).

На наличие данного словообразовательного типа указывают следующие принадлежащие ему образования, однозначные по семантической структуре:

облЕтати «облетать, летать всюду»: радуися нбопарящии орель. облЕтавыи весь миръ (СбТр к. XIV, 217); и убо бчела облЕтаеть и удолия и поля обиходить (ПНЧ 1296, 102);

обтечи «пройти, обойти вокруг»: павель великии проповЕдникъ всея вселенныа обътекъ со всЕми стыми (ФСт XIV, 130 г);

объЕздити «объездить, изъездить»: а выЕздилъ. ту землю. ходоръ чеолчичъ то ть объЕздилъ. от пана оты старосты (Гр 1370).

Несколько слов необходимо сказать о судьбе некоторых образований, относящихся к описанным группам данного словообразовательного типа. Речь идет о глаголах с общим лексическим значением «окружить (окружать), обступить (обступать)».

Значительная часть глаголов с общей семантикой положения или движения в пространстве, соединяясь с приставкой **об-**, переживает процесс идиоматизации (т. е. мотивированное слово перестает соотноситься с мотивирующей основой) и получает общее значение «окружить (окружать), осадить (осаждать), обступить (обступать)». Интересен тот факт, что одна часть этих глаголов (производные от стальных и мутативных основ — **обстояти, облежати, обсЕдЕти, облечи, обсЕсти**) затем уходит из употребления, а другая часть (образования от глаголов движения — **обити, об(и)ступити, объЕхати, об(и)ходити**) сохраняется до наших дней. Это объясняется, по-видимому, тем, что производные от стальных и мутативных основ переживали серьезное противоречие между семантикой стальности и локального значения «вокруг, во все стороны чего-н.», которые исключают друг друга. Вследствие этого образования от стальных и мутативных основ в конце концов уходят из употребления, а образование **об(и)стояти**, утратив границу между приставкой и корнем, возвращается «в лоно» стальности и приобретает значение «быть, находиться в каком-л. состоянии, положении».

5. Производные от эволютивных глаголов (гла-

голов, «которые связаны с каким-то развитием или поступательным движением, которые вызывают те или иные изменения в субъекте или в объекте или же ведут к перемещению субъекта или объекта в пространстве»⁷).

Это самая многочисленная семантическая группа в данном словообразовательном типе. Все образования с приставкой **об-**, производные от эволютивных глаголов, можно разделить в свою очередь на две группы: глаголы, в которых конкретное локальное значение несет только приставка, и глаголы, в которых конкретное локальное значение приставки «процесс, направленный вокруг чего-н., на все стороны чего-н.» частично соответствует лексическому значению мотивирующего глагола (ср. рассмотренный выше глагол **обръжавЕти**, образованный от мутативной основы). Последняя группа по сути дела является уже начальной стадией в развитии результативного способа действия.

К первой группе глаголов, мотивированных эволютивными основами, относятся следующие образования:

обливати (глагол **облити** не отмечен в КСДР) «обливать, обдавать, обрызгивать»: боле да не обливають (при крещении в церкви) никого же, но да погружаютъ (КН 1280, 5446);

обрасти (обрости) «порости, покрыться»: и земля обросла бяше плодомъ и приготоваলা пищу (Пал 1406, 23в);

обрытися «окопаться, окружить себя рвом»: стояше Володимеръ обрывся на Дорогожичи. межю Дорогожичемъ и Каничемъ. и есть ровъ и до сего дня (ЛЛ 1377, 24) и др.

На определенном этапе глагольные приставки получают функцию выражения предельности. Как частный случай предельности, ее наиболее значимой реализации, выступает результативность. Ю. С. Маслов, описывая способы глагольного действия «эпохи, предшествующей широкому развитию глагольной префиксации»⁸, наряду с предельными и непредельными глаголами выделяет нейтральную группу в отношении предельности: **непредельности, у которых «значение предельности или непредельности появляется... в зависимости от окружающего контекста, от наличия или отсутствия «конкретных ограничителей»... Главное ядро группы составляют... эволютивные основы» (разрядка наша)**⁹. Именно эти глаголы, по-видимому, составили основную базу для развития значения результативности, т. к. они обозначали активное целенаправленное действие, стремящееся к достижению результата. При благоприятных условиях у них начинает преобладать значение результативности. Таким «благоприятным условием» является соответствие значения приставки и мотивирующего глагола. Изучая ограничительные глаголы, П. С. Сигалов замечает по этому поводу: «Совпа-

денные значения глагола и локального характера приставки раст- воряет ее семантику, в результате чего ее значение расценивает- ся только как результативное или видовое»¹⁰.

Сказанное выше иллюстрирует исследуемый материал. В пер- вом словообразовательном типе с конкретным локальным значе- нием приставки **об-** именно группа глаголов, производных от эво- лютивных основ, представляет глаголы, у которых значение «во- круг чего-н., во все стороны чего-н.» передается как приставкой, так и мотивирующим глаголом:

об(в)ити «обернуть, окутать во что-л.»: (крест) на нЕ в коемь мЕстЕ темнЕ плащаницею обивъше съкрывають (КР 1284, 272а);

облизати «облизывать»: яко пси Лазореви облизаху струпы (КТур XII сп. XIV, 38);

объртЕти «завернуть, обернуть во что-л.»: блаженааго же бориса обьртЕвьше въ шатьрь... повезоша (СкБГ XII, 12 г);

обязати(обяжу) «обязать, связать; перевязать (о ранах)»: при- неси цЕлбу · струпы обяжи (ГБ XIV, 103в) и др.

На второй ступени развития значения результативности се- мантика мотивирующего глагола нейтрализует соответствующ- ющую семантику приставки, в результате чего ее значение расце- нивается только как результативное. Этот процесс отражают резуль- тативные глаголы:

обетъшати «обетшать, прийти в негодность»: и минувъшемъ лЕтомъ ·к· и цркви уже обетъшавъши. и умысли изяслав възгра- дити црковь нову (СкБГ XII, 20б);

облобызати «поцеловать, расцеловать»: текши Наталия в темни- цу. облобыза мужня узы (Пр 1383, 152б);

обльстити «завлечь обманом, лестью, хитростью»: и позва (Яро- слав) к собЕ нарочитыЕ мужи. иже бяху иссЕкли Варягы. (и) обльстивъ исЕче (ЛЛ 1377, 48);

обрастити (обростити) «отрастить, дать отрасти чему-л.»: и вла- сы главы своя обростивше (КР 1284, 152г) и др.

Во всех этих примерах приставка **об-**, являясь результатив- ной, как бы оставляет след от прежнего утраченного локального значения, а сам мотивирующий глагол несет в себе его элемент.

В процессе оформления результативного значения могли так- же участвовать и другие семантические группы глаголов, ней- тральные в отношении предельности: неопределенности («все не- определенно-многократные и большая часть мутативных глаго- лов¹¹»). В группе глаголов с приставкой **об-**, производных от мутативных основ, первую ступень этого процесса отражает опи- санный уже глагол **обържавЕти**, вторую ступень — **обрьдЕтися** «покраснеть, зардеться от стыда»: азъ же обрьдЕвься о словеси рЕхъ имъ (ПНЧ 1296, 28 об.).

После того как значение результативности более или менее четко оформилось, приставка **об-** (и другие) может присоединяться к глаголам, внося только результативное значение. С этого момента можно говорить о наличии словообразовательного типа глаголов с отвлеченным значением приставки **об-**, который можно определить как глаголы со значением «совершить (довести до результата) действие, названное мотивирующим глаголом». Поначалу в этом процессе участвуют в основном только эволютивные глаголы, о чем свидетельствует исследуемый материал. Некоторые из них сохранились до наших дней, практически не изменив своего значения: **об(в)инити**, **обласкати**, **облениити**, **обнищати**, **обрадовати**, **обругати**, **обучити** (глагол **обучити** не отмечен в КСДР, но имеются его производные **обучати** и **обучавати**), **обронити**.

Другие глаголы со временем изменили средства выражения значения результативности. Ср.:

об(в)еселити «развеселить, обрадовать»: **овоць же всякыи тщитсь зноеть созрЕти. да наполнить уста и обеселить сердце** (ПНЧ 1296, 102);

облишити «лишить чего-л.»: **и облышену ему (Адаму) быти раяскыя пища** (Пал 1406, 40г) и др.

Часть глаголов со временем совсем уходит из употребления.

Постепенно в результативный способ действия втягиваются и другие семантические группы. Производное от стальной основы представляет глагол **обвьдовЕти (обудовЕти)** «овдоветь»: **его же мти обвьдове отроковицею** (Пр XIV/6/, 85в).

С описываемой эпохой совпадает важный процесс, который является последствием десемантизации приставок. Этот процесс — начало формирования новых словообразовательных типов с вторичным конкретным значением приставок.

Одним из следствий десемантизации приставок стала возможность для выражения значений, ранее им не свойственных, на базе широкой синонимии приставок. Результативная приставка, употребляясь с устойчивыми смысловыми группами глаголов, объединенных общим семантическим полем, постепенно наполняется этой семантикой и затем вносит ее в другие глаголы, расширяя круг основ и оформляя новые словообразовательные типы.

Присоединяясь к глаголам с общей семантикой «отделить что-л. от чего-л.», приставка **об-** начинает оформлять тип «отделить от чего-н. с помощью действия, названного мотивирующим глаголом»:

обрубити «отрубить»: **то ять Адонивезека, ц(с)ря иноплемьны(х), и обрубити ему рущЕ и нозЕ** (ГА XIII—XIV, 72);

обрЕзати «отрезать от чего-л., обрезать что-л.»: о створшемъ блуд съ своею кумою... по отгнаньи ею от себе въ прелюбодЕи ствующихъ казнь влагати в ня.рекше того ту обрЕзати (носы) (МПр XIV, 194).

Присоединяясь к глаголам с общей семантикой «делая что-н., копить», приставка **об-** начинает оформлять тип «накопить (ся) в определенном количестве с помощью действия, названного мотивирующим глаголом»:

обврещи «заполнить, набросать» (производное от **врещи** — одно из знач. «бросать»): бѣ есть... безначалнаго оца безлЕтныи снѣ и стго дха единородная упостаси и свЕтом вся обвергѣ (МПр XIV, 2 об.); **обловитися** «наловить кого-, что-л.»: Сто-славъ. сватомъ своимъ с Рюриком... идоста на ловы... на устья Тесмени. и ту ловы дЕявша и обловишася множествомъ звЕрЕи (ЛИ ок. 1425, 231 об.).

Анализируемый материал отражает начальную стадию оформления словообразовательного типа «причинить ущерб кому-н. (иногда обмануть) с помощью действия, названного мотивирующим глаголом». Базой этого типа были мотивирующие глаголы с общим значением «причинять ущерб, обманывать». Первоначально приставка **об-**, по-видимому, выражала лишь достижение результата этого действия (**обльстити**). Затем происходит процесс, обратный десемантизации: приставка **об-** наполняется значением «причинять ущерб, обманывать» и оформляет новый словообразовательный тип, ср., например, **облѣгати** «обвинить; ложно обвинить, оклеветать»: на утрия приведъ пѣрфурия яко губителя облѣгавъ осекну (ПрЛ XIII, 67a); **обЕсити** «повесить кого-, что-л.»: на крстЕ яко злодЕя обЕсите (Пал 1406, 141r).

Рассмотренный материал показывает, что в своей семантической эволюции до XV в. приставка **об-** пережила ряд общих процессов, свойственных и развитию других приставок, и ряд индивидуальных изменений. Общим для развития семантики ряда приставок были процессы становления значения результативности и оформления вторичных конкретных значений.

Процесс развития значения результативности у всех приставок проходил, по-видимому, по общей схеме. Базой его были нейтральные по отношению к предельности: неопредельности глаголы и прежде всего эволютивные основы. Процесс его оформления проходил через несколько этапов. На первом этапе в нем участвовали глаголы, у которых локальное значение приставки соответствовало значению мотивирующего глагола. На втором этапе у части этих глаголов мотивирующая основа нейтрализует локальное значение приставки. На третьем этапе делокализован-

ная приставка, присоединяясь к глаголу, вносит только резуль- тативное значение. С этого момента можно говорить о существо- вании результативного способа действия.

Процесс оформления словообразовательных типов глаголов с вторичным конкретным значением приставки проходил, види- мо, также по однородной схеме. Началом его были десемантиза- ция приставок и широкая их синонимия на базе результатив- ности. Результативная приставка, употребляясь с устойчивыми смысловыми группами, объединенными общим семантическим полем, постепенно наполнялась этой семантикой и затем стала вносить ее в другие глаголы, оформляя новые словообразова- тельные типы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Русская грамматика. — М., 1980. Т. 1. — С. 362—364.

² Маслов Ю. С. Система основных понятий и терминов славянской ас- пектологии // Вопросы общего языкознания. — Л., 1965. — С. 60.

³ Там же.

⁴ Сигалов П. С. История русских ограничительных глаголов // Труды по русской и славянской филологии. Серия лингвистическая. — Тарту, 1975.— С. 144.

⁵ Сокращенные обозначения источников приводятся по изданию: СДРЯ. — Т. I. — С. 28—68. Определения даются по словарным статьям СДРЯ, со- ставленным В. Б. Силиной.

⁶ Маслов Ю. С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида. — М., 1958. — С. 20.

⁷ Там же. — С. 23.

⁸ Там же. — С. 18.

⁹ Там же. — С. 30—31.

¹⁰ Сигалов П. С. Указ. соч. — С. 141.

¹¹ Маслов Ю. С. Роль... — С. 30.

А. Д. Кривонос.

НОВЫЕ РАБОТЫ ШВЕДСКИХ АКЦЕНТОЛОГОВ ПО ИСТОРИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО УДАРЕНИЯ

Книги Ларса Стенсланда и Нелли Линдгрэн¹, выпущенные в 1990 г. Стокгольмским университетом, объединены общим подходом авторов к объекту исследования: оба акцентолога принимают интенсивное исследование древнеславянских рукописей, созданных в различных скрипториях и датированных XV и XVII вв. Работы такого рода в настоящее время актуальны и необходимы, поскольку вводят в научный оборот и дают надежный — по хронологическому и диалектному срезам — материал определенных акцентных микросхем.

Однако задачи исследователей различны: если Н. Линдгрэн описывает и анализирует акцентную систему севернорусской рукописи XVII в., пытаясь установить место данного источника в развивающейся системе русской просодии (останавливаясь специально на именной акцентуации, в чем данная работа является логичным продолжением исследований по древнерусскому акценту ее первых ленинградских учителей В. В. Колосова и Е. А. Морозовой), то Л. Стенсланд интересуется прежде всего символика просодического диакритика, акцентографический анализ памятника, на основании чего уже возможно, как считает Л. Стенсланд, делать выводы по акцентной системе источника, скрытой за надстрочными знаками.

Надежность изучаемого материала, как это было показано в первых акцентологических исследованиях (см., в частности, отзыв А. А. Шахматова на книгу Л. Л. Васильева²) зависит от корректного определения системы просодических диакритиков памятника. Проблема надстрочных знаков и соотношения их и иктуса имеет в литературе вопроса давнюю традицию, важна она и для шведских исследователей.

Л. Стенсланд в своей книге ставит два вопроса: каким образом надстрочные знаки в исследуемом им Служебнике комбинируются друг с другом в пределах акцентных единиц, а также каким образом происходит распределение акцентных знаков в рукописи, то есть в каких позициях эти знаки встречаются; поэтому не случайно так подробно и основательно рассматривается в первой исследовательской главе система акцентирования Хи-

ландарского Служебника (ХС): все виды просодических диакритиков, отношение ударения и графемы, выясняются функции акцентных знаков в рукописи.

Изучая акцентную систему ХС, Л. Стенсланд исходит прежде всего из того, что в его памятнике знаком акцента помечаются преимущественно корневые морфемы, поэтому так нетрадиционно для акцентологических (именно акцентологических, а не акцентографических, какой является данная монография) работ строит автор анализ системы ударения ХС: сначала изучаются все акцентовки (по восстанавливаемым в позднем праславянском трем акцентным парадигмам) с некорневым ударением, а затем — с корневым.

Как и для каждой акцентованной рукописи, Л. Стенсланд решает проблему соотношения ударения, акцента и акцентного знака или, другими словами, вопрос о том, имеет ли акцентирование в ХС лингвистическую основу или нет. Характер исследования — акцентографический — предопределил использование четкой терминологии, различающей акцент и акцентовку как явления фонетического уровня и акцентный знак, акцентирование, акцентировку как явление графического уровня.

Систему акцентирования в ХС Л. Стенсланд определяет как отчасти графическую, отчасти фонетическую (с. 59), что объясняется системой акцентовки и акцентировки памятника.

Для выяснения особенностей системы ударения помеченного знаками акцента памятника всегда значимыми представляются не только стабильные в акцентном отношении словоформы, но и те, где выявляется дублетное и двойное акцентирование. Анализируя формы с дублетным (колеблющимся) ударением в Служебнике, Л. Стенсланд показывает, что его источник отражает не только один лингвистический слой и что «некая акцентная вариация возможна в рамках одной лингвистической системы» (с. 34). «Тогда, — заключает автор, — перед нами не колебание ударения в собственном смысле слова, а колебание при расстановке акцентных знаков» (с. 34).

Л. Стенсланд подробно рассматривает и все случаи с двойным акцентированием, уделяя, правда, особое внимание примерам с двойным акцентированием в случаях переноса слова.

Отдельная глава монографии посвящена неакцентированным словоформам. Анализируя акцентированные и неакцентированные словоформы, автор книги приходит к выводу, что «самую большую склонность к акцентированию вообще (и к корневному в частности) показывают исконно баритонированные слова, что вполне объяснимо акцентной устойчивостью этой парадигмы как связанной с лексически значимой частью слова». Существование

в ХС неакцентированных словоформ Л. Стенсланд определяет рядом причин фонетического и графического порядка. На наш взгляд, все нестандартные в акцентном и акцентировочном плане словоформы (как с дублетным и двойным ударением, так и без просодических диакритиков) следует рассматривать взаимосвязанно.

Поясним это положение, обратясь сначала к выводам Л. Стенсланда. Исследователь указывает, что «ХС включает в себя по крайней мере три акцентных слоя: восточноболгарский, восточнославянский и сербский» (с. 205), уточняя, что под «сербизмами» он понимает как «подлинные сербизмы», то есть южнославянскую акцентовку, так и восточнославянскую «специфическую» акцентовку. ХС — это текст, «рассчитанный на употребление в «русской среде» (с. 206), поэтому «акцентные «сербизмы» в широком масштабе дело рук восточнославянских писцов» и могут «отражать некую церковную норму» (с. 206).

Если рассматривать ХС как памятник «церковного», книжного стиля, а акцентные «сербизмы» как отражение тенденции к архаизации словоформ, характерной для данного стиля, тогда появление дублетных и двойных акцентировок, а также словоформ без знака акцента можно квалифицировать как отражение столкновения двух слоев акцентовок: книжной и диалектной, местной. (Ср. наши выводы по акцентуации севернорусского Сборника XVII в., представляющего памятник «высокого» стиля³). С другой стороны, отмеченные Л. Стенсландом случаи двойного акцентирования (с. 31) как обозначающие ритмически второстепенное ударение можно объяснить изменяющимися в позднем средневековье принципами составления текста и разрушением старого синтагматического акцента в связи с формированием нового, парадигматического.

В исследовании Н. Линдгрена, как уже отмечалось выше, в центре внимания оказываются акцентованные именные словоформы, извлеченные из севернорусского источника XVII в. Н. Линдгрена проводит тщательный анализ акцентованных словоформ по строгой схеме: акцентная парадигма и относящиеся к ней имена, далее презентуется материал по лексемам и по грамматическим категориям (в таблицах), после этого даются комментарии, которые начинаются реконструкцией старорусской акцентной кривой. Исследуются в монографии и производные существительные.

Так же как Л. Стенсланд, Н. Линдгрена показывает на своем материале, что имена исконной баритонезы наименее подвержены акцентным изменениям. В производных именах система по-

становки ударения ориентируется (к описываемому периоду) не на акцентную парадигму производящего, а оказывается связанной с формированием словообразовательных полей (с. 126).

На своем материале Н. Линдгрэн еще раз доказывает тесную связь акцентных изменений с формированием новых морфологических парадигм, специально подчеркивая новое — для изучаемого ею времени — противопоставление имен не по исконным акцентным парадигмам, а по типам склонений. Видимо, поэтому так нетрадиционно выглядит в работе Н. Линдгрэн определение некоторых старорусских грамматических категорий, как например: «склонение имен существительных м. р. с нулевой флексией» (с. 75), «имена существительные новых I и II склонений» (с. 126).

Н. Линдгрэн также занимается словоформами с двойным и дублетным ударением. Нестабильность ударения, зафиксированную Пинежским сборником, исследователь объясняет как изменением трех исконных акцентных парадигм, так и ритмическими особенностями фразы в пинежских говорах: «...выделение начала фразы и коммуникативных центров, замедление конца фразы могли явиться для писца в ситуации внутреннего диктанта альтернативой акцентного выделения, обусловившей отклонения ударения и вариативность» (с. 127). Думается, что последний тезис, не подкрепленный анализом акцентированного текста, а не словоформ, не может служить одним из выводов исследования (с. 126—127), к тому же плотность акцентировки Сборника не позволяет говорить, что рукопись отражает ритм фразы. Н. Линдгрэн ориентируется прежде всего на исследования современных севернорусских говоров, объясняя парадигматический уровень изучения ударения своей рукописи (с. 54).

Н. Линдгрэн также указывает, что рукопись отражает систему акцентных знаков, близкую системе старопечатных книг, отражает «ударение культивированного, литургического произношения в книжных словах, употребляемых главным образом в канонической литературе» (с. 52). Тогда многие случаи акцентного варьирования или двойного ударения, которые автор констатирует, а не объясняет (типа вЕры, — верЫ, Р. ед., с. 19; зИме, с 64), можно определить как случаи, отражающие «наложение» двух систем — книжной и диалектной.

В целом книги Л. Стенсланда и Н. Линдгрэн еще раз показывают значимость интенсивного анализа древнеславянского памятника для исторической акцентологии. Современный этап развития исторической акцентологии определяется тем, что дальнейшее развитие науки об истории ударения, предполагающее детальную прорисовку различных по диалекту и стилю ак-

центных систем, связано с развитием сравнительной акцентографии, и добротнo выполненные монографические работы наших шведских коллег убедительно это демонстрируют.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Стенланд Л. Акцентировка и акцент: Акцентологический анализ Служебника XV в. *Chil.* 323. — Stockholm, 1990. — 231 с. — (*Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies*; 19).

Линдgren Н. Акцентологическая характеристика севернорусской рукописи XVII века. — Stockholm, 1990. — 163 с. — (*Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies*; 20).

² Васильев Л. Л. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков. — Л., 1929.

³ См., например: Кривоносов А. Д. Специфика акцентной маркировки словоформ в русской рукописи XVII века // Вестн. ЛГУ. — Сер. 2. — 1988. — Вып. 4 — и статью в настоящем сборнике.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Условные сокращения	3
Лексикографические источники	4
Граннес А. (Берген, Норвегия), Клочкова К. Б. (Москва). Варьирование прилагательных в составном сказуемом с формами повелительного наклонения <i>будь, будьте</i>	5
Колесов В. В. (Ленинград). Порядок слов в русском литературном языке XVII века. (На материале авторской правки в текстах протопопа Аввакума)	18
Ванагс П. (Рига). К истории балтийских и славянских прилагательных с основой на <i>и-</i>	26
Балаж Г. (Сегед, Венгрия). К истории славянского именного словоизменения	33
Жолобов О. Ф. (Казань). Развитие категории числа: динамика отношений двоячности	38
Иорданиди С. И. (Москва). Из истории форм творительного падежа множественного числа в русском языке	49
Шульга М. В. (Москва). Об эволюции русской падежной системы	58
Игнатьева Л. И. (Рига). Субстантивация как фактор вариантности в группе неизменяемых прилагательных	64
Чернякова Т. А. (Рига). Закономерности формирования и развития оценочного значения (на материале имен прилагательных)	72
Досева Ц. (София, Болгария). Имена со значением лица в Новгородских минеях 1095—1097 гг.	82
Кривонос А. Д. (Ленинград). Неакцентованные именные словоформы в севернорусской рукописи XVII века	90
Кудрявцев Ю. С. (Тарту). Происхождение славянского имперфекта в свете данных внутренней реконструкции	97
Кунавин Б. В. (Владикавказ). К истории русских именных действительных причастий и деепричастий	104
Крысько В. Б. (Рига). Коррелятивные возвратные глаголы в древнерусском языке	115
Нефедьев М. В. (Москва). О соотношении конкретных и отвлеченных значений глаголов с приставкой <i>об-</i> в древнерусском языке XI—XIV вв.	127
Кривонос А. Д. (Ленинград). Новые работы шведских акцентологов по истории восточнославянского ударения	136